2Б
30
С-51

ЛЕНСКАЯ ОБОРОНА

1609–1611 гг.

ОГИЗ – СМОЛГИЗ – 1939

DB
30
C51

СМОЛЕНСКАЯ ОБОРОНА

1609—1611 ГГ.

СМОЛЕНСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СМОЛЕНСК. 1939

613561

Предисловие

1 октября 1939 года отмечается 330-летняя годовщина начала обороны Смоленска от армии польско-литовских интервентов, возглавлявшейся крупнейшими магнатами [illegible]

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
34	10 сверху	помещиков	померщиков
105	14 „	Шеином	Шеиным
160	12 „	история	истории

[illegible] примером для всех русских патриотов.

Таким образом, смоленская оборона прежде всего учит нас, что народ, вставший на защиту своей родины, непобедим.

Предисловие

1 октября 1939 года отмечается 330-летняя годовщина начала обороны Смоленска от армии польско-литовских интервентов, возглавлявшейся крупнейшими магнатами Польши и Литвы под общим командованием польского короля Сигизмунда III.

Несмотря на свою отдаленность, смоленская оборона очень живо связывается с крупнейшими событиями нашей современной действительности.

Оборона Смоленска в 1609—11 годах была изумительным подвигом народных масс Смоленского уезда—крестьян и посадских людей,—вставших на защиту родной земли от полчищ польских панов и шляхты. Смоленский уезд в то время был пограничным уездом, и смолянам в 1609 году пришлось принять на себя самый страшный удар главных сил польской армии, намеревавшейся захватить западные русские земли и посадить на московский престол польского королевича Владислава.

Смоленск истек кровью в двухлетней неравной борьбе, но зато он дезорганизовал и сделал небоеспособной большую армию Сигизмунда III. За эти два года Смоленск дал возможность развиться и окрепнуть мощному национально-освободительному движению замосковных городов, изгнавшему польских панов и шляхту из пределов нашей родины.

Оборона Смоленска в то время была боевым лозунгом и примером для всех русских патриотов.

Таким образом, смоленская оборона прежде всего учит нас, что народ, вставший на защиту своей родины, непобедим.

Очень хорошо известно, что борьба смолян против полчищ Сигизмунда III встретила горячий отклик в сердцах белорусского народа, томившегося под игом польских панов и шляхты. Горожане белорусских городов посылали в Смоленск своих представителей для поддержания духа смоленских защитников.

Из польской армии белорусские крестьяне с опасностью для жизни пробирались в осажденный Смоленск и приносили важные известия о замыслах польского командования.

Таким образом, смоленская оборона учит нас, что братская дружба русского и белорусского народа, направленная против владычества польских панов, зародилась еще 330 лет тому назад.

Смоленская оборона сумела также показать подлинное нутро польского пана и его правительства.

Польские паны на Смоленской земле прежде всего показали себя беспощадными и жестокими угнетателями крестьян. Они толпами угоняли смоленских крестьян на работу в свои поместья. По свидетельству современника, поляки в смоленской деревне не оставили ни овцы, ни быка, ни коровы, ни теленка.

Вместе с тем тогдашние паны, как и теперешние их незадачливые потомки, очень любили показную пышность и блеск. Сигизмунд III „прибыл под Смоленск с войском блистательным и красивым“,—пишет очевидец. Но внешняя парадность никогда не приносила полякам победы. Польские паны были жестоко биты русским народом. Однако старые паны отличались от своих потомков тем, что имели мужество открыто признаваться в своем поражении. Пан Лев Сапега на польском сейме 1613 года открыто говорил, что после войны в России „на короля польского и на королевство его навлечены большое бесславие, позор, посрамление и прискорбное поношение“.

Через 330 лет история повторилась, но на этот раз уже так, что польский пан окончательно выброшен из истории. Доблестная Красная Армия осуществила заветные мечты наших белорусских и украинских братьев и навсегда уничтожила их векового угнетателя.

I

В. Мальцев

Историческое значение обороны Смоленска в 1609—1611 годах

Только народ бессмертен.
Все остальное — преходяще.

И. СТАЛИН

1. Смоленская оборона на общем фоне событий в России начала XVII века

В начале XVII века в России вспыхнула первая в ее истории великая крестьянская война. Она длилась с некоторыми перерывами не менее десяти лет (с 1604 по 1614—15 гг.).

Война крестьян и холопов против своих поработителей из светских и духовных землевладельцев открывала новую страницу в истории нашей родины. Она говорила о начале разложения феодального строя, построенного на эксплоатации крестьян и холопов; она была провозвестницей неизбежной гибели феодального строя.

Но переход от феодализма к капитализму был еще далеко впереди. В России XVII века не было главного условия для такого перехода: не было капиталистической промышленности, а поэтому не могло быть ни капиталистической буржуазии, ни пролетариата. От первой крестьянской войны до окончательного превращения феодальной России в Россию буржуазную прошло целых два с половиной столетия (от начала XVII века до середины XIX века). Но это не меняет того основного исторического факта, что, как показала первая крестьянская война, в России уже в начале XVII века феодальная собственность на землю и на труд крестьян становилась препятствием для исторического развития.

Одновременно с первой крестьянской войной, хотя и совершенно независимо от нее, Россия подверглась нападению польско-литовских интервентов. Интервенция проявилась сначала как попытка Польши при помощи своей вооруженной силы посадить на московский престол своего ставленника из русских людей (лже-Димитрий I и лже-Димитрий II). Когда эта попытка не увенчалась успехом, польский король Сигизмунд III в 1609 году, без объявления войны, вторгся в Россию с большой армией, стремясь захватить западные русские земли (Смоленскую и Северскую) и навязать России государственную унию с Польшей, по образцу Польско-Литовской унии. Это превратило бы могучее русское государство в польский придаток, а русский народ—в холопов польских и литовских панов и шляхты.

Все своеобразие обстановки, создавшейся в то время в нашей стране, заключалось в том, что одновременно с крестьянской войной, открывшей для России новую эпоху перехода от средних веков к новому времени, над ней нависла страшная опасность иностранного порабощения, грозившая не только приостановить развитие страны, но и отбросить ее далеко назад. Внешний враг решил воспользоваться обострением внутренних противоречий в России и осуществить старые замыслы ее порабощения, разработанные еще во времена Стефана Батория.

Одно время казалось, что самостоятельности России пришел конец. Поляки в 1610 году захватили Москву и хозяйничали на доброй половине нашей страны. Господствующий класс феодальных землевладельцев показал свое полное политическое банкротство и в большинстве своем перешел на сторону врага. Этот факт не должен вызывать у нас большого удивления, если мы примем во внимание историческое значение крестьянской войны. Крестьянская война обнаружила, что землевладельческая феодальная аристократия в экономическом отношении уже перестала быть прогрессивным классом, а переход бояр и дворян на сторону польских интервентов тот же самый вывод подтвердил и для области политических отношений.

Дальнейшее развитие борьбы против польских интервентов показало, что живые силы страны таились не

в господствующем классе, а в народных массах, именно в массах крестьян и посадских людей. В их среде зародилось и выросло то замечательное единство народа, которое, в конце концов, привело к крушению главные замыслы польских интервентов и спасло нашу страну от порабощения.

Политическое единство крестьян и посадских людей, блестяще проявившееся в 1611—1612 гг., имело свою, хотя и кратковременную, но очень интересную историю. Боевой блок крестьян и посадских впервые зародился в самый разгар крестьянской войны, в армии И. Болотникова. Он представлял собою стихийно сложившееся объединение революционных крестьян и холопов с посадскими низами украинных городов. Армия И. Болотникова шла не только против помещиков, но и против „лучших" посадских, т. е. против купеческой верхушки посадского мира. Естественный ход народного движения поставил во главе первого крестьянско-посадского блока крестьянских вождей, а главной его классовой силой сделал крестьян и холопов. К армии И. Болотникова, как известно, на первых порах примкнули даже дворяне из южных уездов Московского государства.

Когда крестьянско-посадская революционная армия потерпела первое поражение под Москвой в конце 1606 года и второе, более сильное, поражение под Тулой в октябре 1607 года,—это еще не означало окончательного подавления крестьянского движения. Крестьянская война продолжалась, и господствующие сословия все более убеждались в своем бессилии и в бессилии московского правительства.

В такой обстановке в 1608 году на Россию хлынула вторая волна польских интервентов, пытавшихся завладеть Москвой и посадить царем второго лже-Димитрия. А в 1609 году на Россию надвинулась еще более мощная третья волна польских интервентов, возглавлявшаяся самим королем Сигизмундом III и крупнейшими польскими и литовскими магнатами.

Русские дворяне и бояре, напуганные страшным призраком крестьянской войны и убедившиеся в слабости московского правительства, стали переходить на сторону поляков, только от них ожидая окончательного подавления мятежных крестьян и холопов.

Действительно, польские интервенты оказались еще более свирепыми врагами русских крестьян, чем были сами русские помещики. Но вместе с тем поляки показали себя и опаснейшими врагами всех посадских людей как „лучших“, так и „меньших“. Вследствие этого стал вновь возрождаться политический блок посадских и крестьян, но теперь уже инициатива исходила из среды посадского мира и вождями блока выдвинулись посадские люди.

К этому блоку также примкнула некоторая часть дворянства и бояр, выдвинувшая таких замечательных борцов за родину, как смоленский воевода боярин М. Б. Шеин и командующий вторым нижегородским ополчением князь Д. М. Пожарский.

Нужно сказать, что объединение национальных сил в форме посадско-крестьянского блока, с вовлечением в него, где это оказалось возможным, некоторой части дворянства, проходило вначале довольно медленно и не везде посадские миры русских городов сразу разбирались в обстановке. Первым городом, правильно понявшим свою политическую задачу и выступившим непримиримым врагом польских интервентов и русских изменников, был Смоленск.

Смоленская оборона, начавшаяся 1 октября (20 сентября стар. стиля) 1609 года, показала полякам, что в России сложилась какая-то новая общественная сила, которая, вопреки изменническому поведению дворян и бояр, взяла в свои руки судьбу страны и решила защищать ее до последнего издыхания. Это было величайшей неожиданностью, спутавшей все карты в игре польских интервентов.

Как и всякое новое общественное явление, оно на первых порах не было в полной мере оценено даже самими русскими. Только к концу 1610 года героический Смоленск получил среди остальных русских городов всеобщую славу непоколебимого борца за родину, сумевшего на деле осуществить объединение народных сил для борьбы с внешними врагами.

Оборона Смоленска стала политическим лозунгом и практическим уроком борьбы русского народа против интервентов. В этом и заключалась величайшая историческая заслуга Смоленска в 1609—1611 гг.

Посадский мир Смоленска сумел раньше других городов правильно оценить историческую обстановку, сумел раньше других городов организовать посадско-крестьянский оборонительный блок и создать народную армию обороны. К этому в Смоленске были свои особые причины.

Не касаясь пока этих причин, следует отметить, что сами польские интервенты в 1613 году вынуждены были признать свое поражение от объединенных сил русского народа. Один из организаторов и вдохновителей польской интервенции в России, литовский канцлер Лев Сапега, на сейме 1613 года говорил: „Разве когда-нибудь наши предки мечтали о том, что московская столица будет в руках короля польского и займется его людьми, а весь народ московский принесет королевичу польскому Владиславу верноподданническую присягу... А в конце-концов и престол, и все царство Московское было из рук выпущено и даром потеряно, Речь Посполитая, корона польская обременена бесполезно неоплатными долгами, государства опустошены, Речь Посполитая вовлечена в вечную войну с этим народом и в большие опасности с других сторон; на короля польского и на королевство его навлечены большое бесславие, позор, посрамление и прискорбное поношение. Исследовать бы надо тщательно, как это случилось? По чьему совету? Кто тому причиною?".[1]

Лев Сапега верно констатировал факт крушения польской интервенции в России, так как этот факт для всех был очевидной истиной, но зато причины поражения не были в такой же степени ясными и очевидными. Здесь открывался широкий простор для всяких догадок и предположений. Сам Лев Сапега всю вину за поражение сваливал на плохих советников короля и на тех панов, которые проявили особое зверство по отношению к русским. Он говорил: „А народ московский, с которым со временем могла бы статься такая же уния, как и с литовским, не только отдалили от королевича и от приязни с народом польским, но и возбудили, раздразнили и своими насильственными поступками заставили его,

---

1 „Чтения Общества истории и древностей российских", 1901 г., кн. 2, стр. 12—13.

разбившегося было на много частей, притти к соглашению и единению".[1]

Конечно, не зверства поляков послужили главным толчком к объединению русского народа. Причины объединения народных масс и, в конечном счете, причины поражения поляков лежали значительно глубже. Они были заложены в оборонительном посадско-крестьянском блоке, который впервые сформировался в осажденном Смоленске и оказался настолько мощным, что выдержал тяжелейшую 20-месячную осаду. А зародыши этого блока, только в несколько ином классовом сочетании, мы находим уже в армии И. Болотникова в 1606—7 гг.

2. Современники об обороне Смоленска

Военные силы посадско-крестьянского блока, объединившего русский народ, нанесли полякам два решительных поражения: одно — упорной смоленской обороной, измотавшей и дезорганизовавшей главные силы интервентов, а другое — разгромом польского отряда, засевшего в московском кремле.

Эти замечательные победы русского народа, наряду с первой крестьянской войной, показали, что Россия в начале XVII века сделала решительный шаг от средних веков к новому времени. В России случилось то же самое, что несколько раньше совершилось в Западной Европе, где, по словам Энгельса, „начатки современного войска разбили на-голову феодальное войско, бюргеры и крестьяне победили рыцарей".[2]

Таким образом, оборона Смоленска относится к числу крупнейших событий в жизни России начала XVII века, открывших собою переход к новой исторической эпохе. Но этот вывод оказалось возможным сделать только в самое последнее время, спустя почти 330 лет после смоленской обороны. А до этого историческая наука не придавала серьезного значения смоленской обороне и рассматривала ее, как самый заурядный военный эпизод. Для исторической науки до сих пор не были известны некоторые существенные стороны смоленской

---

[1] „Чтения Общества истории и древностей российских". 1931 г., кн. 2, стр. 15.

[2] *Маркс и Энгельс.* Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 448.

обороны, о которых несомненно знали ее современники. Поэтому хотя современники и не могли дать правильной исторической оценки смоленской обороны, но зато они могли наблюдать ее огромное жизненное значение. А вследствие этого отношение современников к смоленской обороне должно было возбудить некоторый интерес к себе со стороны исторической науки или, во всяком случае, должно было дать толчок к изучению вопроса. Между тем, отзывы современников о смоленской обороне без всяких оснований были преданы забвению.

Одним из интереснейших документов такого рода является написанная в конце 1610 или в начале 1611 года анонимная прокламация, носящая название: „Новая повесть о преславном Российском царстве".[1] Это вовсе не повесть, а призыв к вооруженному восстанию против польских интервентов. Написан он с большой страстностью и обнаруживает у автора горячую любовь к родине и крупный публицистический талант.

Обращаясь ко всему русскому народу, „ко всяких чинов людем", автор убеждает их не быть равнодушными к своей судьбе, а вооружиться против общих врагов и постоять за свое отечество и достояние, а если при этом и случится погибнуть, то смерть лучше, чем „бесчестное и позорное, и горькое житие под руками враг наших".[2] „Мужайтеся и вооружайтеся, и совет между собою чините,—восклицает автор,—како бы нам от тех врагов своих избыти!".[3] „И вы, православнии, богом почтении, умилитеся душою, содрогните сердцем, зряще на себе такие неудобоносимые беды и скорби, ...не давайте сами себя в руки врагом своим!.. дерзайте на врагов своих!".[4]

Слова воззвания звучали как набатный колокол, и они действительно всколыхнули народные массы. Нельзя сомневаться, что воззвания такого рода были не единичными фактами.

Что же вдохновляло автора воззвания, откуда он черпал всю силу убеждения и надежду на разгром врага,

---

[1] „Русская историческая библиотека", т. XIII, стр. 187—218.
[2] Там же, стр. 188.
[3] Там же, стр. 210.
[4] Там же, стр. 216.

откуда он брал идею всенародного объединения и идею создания народной армии обороны?

Само воззвание показывает, что автора вдохновляла героическая оборона Смоленска, что именно в Смоленске он увидел первый замечательный пример народного единства и первый пример организации народной армии. Многочисленные места воззвания без труда убеждают нас в этом.

В воззвании говорится: принесем наше восхищение и удивление великому нашему граду Смоленску и его крепкому стоянию на Западе, нашим братьям, осажденным в нем и терпящим великую скорбь и лишения, но крепко стоящим за всех нас!.. Сами знаете, с какого времени сидят в осаде и терпят великие лишения, но не прельщаются ни на одно обещание поляков. Все стоят единодушно и непреклонно и готовы скорее умереть, чем бесчестно и горько жить...[1]

Дальше автор приводит чрезвычайно важные сведения о Смоленске, совершенно не понятые прежней исторической наукой. Он говорит, что Смоленск причинил особо острую досаду полякам и разбил их злые козни тем, что многих польских доброхотов и врагов народа перерубил и перегубил и многих из них предал позорной смерти.[2]

Это подтверждает предположение, что поляки все свои надежды возлагали на своих доброхотов внутри самого Смоленска. Из документальных же источников мы знаем, что таких польских доброхотов было очень много среди смоленских дворян и крупного духовенства. Из тех же источников мы знаем, что смоленское правительство действительно сурово расправлялось с изменниками, хотя все же не так решительно, как об этом говорится в воззвании.

Все это убеждает нас, что автор воззвания был очень хорошо знаком с внутренним положением в осажденном Смоленске, знал о гнездившейся в нем измене и прекрасно понимал размеры этой опасности. Вместе с тем он знал, что непримиримую борьбу с поляками и с из-

---

[1] „Русская историческая библиотека", стр. 188 - 189. (Передаем здесь, как и в дальнейшем, текст воззвания сокращенно и в значительной степени современным языком).

[2] Там же, стр. 190.

менниками ведет посадский мир, или „гражáне“, как выражается автор. „Надеемся,— пишет он,— что и малым детям понятно то удивление, которое вызывает в нас храбрость, крепость, мужество и непреклонный ум горожан Смоленска“.[1] Или—в другом месте он подчеркивает, что они стоят „крепце и непреклонно умом своим“, потому что они „гражáне“ (т. е. посадские люди, горожане).[2]

Значит, современники хорошо знали, кто был истинным защитником Смоленска и объединителем сил русского народа. А по поводу позиции правящего класса у автора воззвания нашлись чрезвычайно ядовитые слова, которыми он старался разоблачить предательскую тактику московского правительства и всего дворянства. „А сами наши земледержцы и правители,— пишется в воззвании,— в настоящее время стали землесъедцами и кривителями“.[3]

Одни,— говорится дальше в воззвании,— как ослепшие и онемевшие, не смеют противодействовать врагу и помочь своему государству, а другие молчат и ни в чем врагу не возражают и ведут всех нас к гибели. И целые полчища всяких чинов людей ходят за врагом, ожидая от него милости или приказа, и притом не только простые и незнатные люди, но и сами боярские и дворянские дети, сами благородные дворяне, которым враг по своему положению и в подметки не годится („в подножие ног не гож“).

Обвинение правящего слоя в своекорыстии и мошенничестве („землесъедцы“ и „кривители“), обвинение всего благородного дворянства и детей боярских в измене родине и в пресмыкательстве перед врагами,— все это ясно говорит, что автор принадлежал к антидворянской и антиаристократической партии, что автор был идеологом посадской партии и что сам стиль воззвания свидетельствует об очень обостренной борьбе между этими двумя партиями. Посадские в то время очень презрительно отзывались о „благородных“; так, например, в одном месте воззвания пишется: „И тако же наши благороднии зглупали и душами своими пали и пропали на-

---

[1] „Русская историческая библиотека“, стр. 190.
[2] Там же, стр. 196.
[3] Там же, стр. 214.

веки", „ум свой на последнее безумие отдали и к ним же, ко врагом, пристали... и государьское свое прирожение применили в худое рабское служение".[1]

Факты для такого обвинения всего господствующего класса автор воззвания находил в самой Москве. Полной противоположностью предательского поведения господствующего класса была оборона Смоленска. Поэтому обороне Смоленска посвящены самые патетические, самые вдохновенные строки воззвания.

Автор считает, что слава о подвиге Смоленска распространится во всех государствах и дойдет даже „до Рима или будет и дале", что Смоленск ограждает от врага все государство, и „если бы таких крепкостоятельных городов в Российском государстве хотя и немного было..., то никаким врагам и злым волкам входить в нашу землю было бы не повадно".[2] „А ныне его, сопостата нашего, злого короля, той наш град не за главу, не за руку, не за ногу, но за самое злонравное и жестокое сердце держит и к нам (в Москву. — *В. М.*) итти препятствует".[3]

По мысли автора, Смоленск спасал всю Россию от польского рабства, и примеру Смоленска должны следовать все другие русские города.

Таким образом, „Новую повесть" надо рассматривать не как простой отзыв современников об обороне Смоленска, но как целую политическую программу посадского мира, резко расходившуюся с политической линией боярства и дворянства. В этой программе оборона Смоленска была боевым лозунгом и образцом для действия всех русских патриотов. Смоленск рассматривался в ней как очаг национально-освободительного движения всего русского народа.

Но эта сторона „Новой повести" была совершенно не понята старой исторической наукой.

Проф. С. Ф. Платонов, посвятивший „Новой повести" целую статью, считал, что автором ее был не посадский, а какой-нибудь московский дворянин. „Всего вероятнее,— пишет С. Ф. Платонов,— что он принадлежал к служи-

---

1 „Русская историческая библиотека", стр. 208.
2 Там же, стр. 190—191.
3 Там же, стр. 198.

лому слою московского люда, из которого вышло большинство друзей Сигизмунда".[1] У Платонова в этом выводе ясно сказалось непонимание внутренних противоречий в Московском государстве в период польско-литовской интервенции.

Это же было свойственно и всем старым русским историкам, писавшим как до Платонова, так и после него.

3. Буржуазные историки об обороне Смоленска

Историк С. М. Соловьев героическую стойкость смолян объяснял семью разными причинами. По его словам, смоляне потому так упорно оборонялись, что, во 1-х, издавна враждовали с поляками; во 2-х, не надеялись на королевское обещание сохранить им жизнь и имущество; в 3-х, не хотели своих жен и дочерей отдавать полякам на поругание; в 4-х, боялись, что король насильно навяжет католичество; в 5-х, сочувствовали тем дворянским семьям, отцы и сыновья которых были в войсках Скопина и для которых сдача города обозначала бы долгую разлуку с родными; в 6-х, надеялись на помощь Скопина, и, в 7-х, поддерживали интересы тех смоленских купцов, которые будто бы дали Шуйскому в долг много денег и могли потерять их при сдаче города.

Уже во времена Соловьева такое истолкование крупнейшего исторического события было довольно наивным, а в наши дни оно вовсе не нуждается в критике, так как его слабость понятна любому нашему читателю.

Не более удачной была попытка и другого крупного историка — К. Бестужева-Рюмина. Он считал, что стойкость Смоленска была подготовлена еще в XVI веке дальновидной политикой московского правительства, удалившего из Смоленского уезда прежних ненадежных землевладельцев и посадившего на их место вполне преданных дворян. Но против этого объяснения говорили два факта: 1) главные силы защитников Смоленска состояли не из дворян, а из посадских и крестьян, 2) наиболее влиятельные слои смоленского дворянства были

---

[1] *С. Ф. Платонов.* „Статьи по русской истории", стр. 61.

ИСТОРИЧЕСКАЯ

на стороне интервентов и готовы были сдать город без боя.

Предательскую политику смоленского дворянства в 1609—1611 гг. не удалось объяснить и тем, что будто бы у дворян сохранились старые симпатии к Литве и Польше еще с тех пор, когда Смоленск принадлежал Литве (в XV веке). Историкам известно, что в середине XVI века московское правительство заново сформировало смоленское служилое сословие и, следовательно, нанесло решительный удар по всяким полонофильским тенденциям в Смоленске.

Историк С. Ф. Платонов основу объединения русского народа видел в крестьянской общине северных областей и в посадском самоуправлении замосковных городов. По его мнению, северный крестьянин, дворянин и посадский человек в 1611—1612 гг. спасли Россию от поляков. Но так как в Смоленском уезде крестьянская община была уже заменена властью помещика, а дворян в осажденном Смоленске было очень мало, да и притом они играли в нем очень некрасивую роль, то понятно, что Смоленск выпадал из концепции Платонова и не пользовался его вниманием.

Не больше внимания смоленской обороне оказал и историк М. Н. Покровский. Он отказывался придавать ей какое-либо серьезное историческое значение и длительность обороны объяснял не героизмом защитников и их высоким для своего времени национальным сознанием, а просто тем, что сама осада будто бы велась поляками крайне вяло и неудачно. Это утверждение Покровского представляет собою шаг назад даже по сравнению с ранее названными историками, так как противоречит огромному количеству фактов, опровергнуть которые не в состоянии никакой историк.

Нет никакой необходимости перечислять мнения других историков об обороне Смоленска (в том числе и местных), так как никто из них не сказал больше того, что сказали Соловьев и Платонов. Для раскрытия тайны смоленской обороны необходимы были два условия: 1) марксистско-ленинское понимание истории и 2) некоторые новые исторические источники. Огромную роль новым источникам отводил в частности сам историк Платонов. Он писал: „Главной задачей будущих иссле-

дователей смуты,[1] по нашему мнению, должно стать именно собирание нового и критика уже известного материала, потому что только точное исследование первых источников смуты поможет сделать новые шаги к уяснению как общего смысла эпохи, так и многих частностей, еще загадочных и темных".[2]

О роли новых источников Платонов говорил совершенно правильно, но как раз для понимания новых источников и для критики старых в первую голову необходимо вооружение методом исторического материализма. А это условие ни для одного из буржуазных историков не было приемлемо, поэтому и создававшаяся ими история не могла быть подлинной наукой.

4. Важнейшие источники для изучения обороны Смоленска

Несмотря на трехсотлетнюю давность, от смоленской обороны дошло до нас довольно большое количество документальных памятников. Во всяком случае историк не может пожаловаться на недостаток материалов; однако обилие памятников несколько не вяжется со скудостью освещения самого события в исторической науке. Причина этого несоответствия лежала в том, что к весьма обильным памятникам историческая наука не имела ключа.

Вообразим себе такой фантастический случай: из прошлого некоего города осталось большое количество памятников, рисующих происшедшее в нем какое-либо крупное общественное движение, но кроме имен мы ничего не знаем об общественном положении действующих лиц. В этом случае документы теряют для нас девять десятых своей ценности, так как мы никогда не поймем происходивших в городе событий.

Но совсем другое дело получится, когда, кроме имен исторических деятелей, мы откуда-нибудь узнаем и их общественное положение. Тут мертвые документы начнут оживать, мы увидим живых людей с их интересами и

---

[1] „Смутой" у старых историков назывался период крестьянской войны и польской интервенции.

[2] *С. Ф. Платонов.* „Статьи по русской истории", стр. 41.

поймем тайные пружины их действий; мы сможем восстановить ушедшую от нас жизнь и докопаться до законов ее движения.

Нечто похожее произошло и с памятниками обороны Смоленска.

До последнего времени важнейшими источниками [1] по истории смоленской обороны являлись документы, опубликованные еще в 1841 году во втором томе „Актов исторических". Эти документы были в свое время приобретены в Швеции и представляли собою часть архива смоленской воеводской избы. Затем, в 1912 году, Ю. В. Готье опубликовал и остальные, хранившиеся в Швеции, документы этого архива под общим названием „Памятников обороны Смоленска 1609—1611 гг.".

Вторым важнейшим источником был „Дневник осады Смоленска польским королем Сигизмундом III в 1609, 1610 и 1611 годах", переведенный с польского языка и опубликованный Д. Бутурлиным под таким названием еще в 1839 году.

Таким образом, в документальных источниках оказалась освещенной как оборона Смоленска (по материалам смоленской воеводской избы), так и осада Смоленска (по материалам штаба польской армии). Более благоприятного сочетания источников вообще трудно ожидать для столь отдаленного события, как смоленская оборона. Но тот и другой источник выдвигал перед историком весьма существенные затруднения. В дневнике осады совсем не назывались имена и фамилии русских изменников, перебегавших из осажденного Смоленска в польский лагерь (автор дневника обычно ограничивался глухой фразой: „передался один москаль из крепости..."), а в документах воеводской избы находится колоссальное количество имен, но неизвестно общественное положение лиц, принадлежавших к господствующему классу и бывших активными деятелями целого ряда интереснейших событий. Например, еще в летописном рассказе о падении Смоленска упоминается изменник, смоленский житель Андрей Дедевшин. („Врагом же научен бысть смольянин Андрей Дедевшин, был в те поры у короля

---

1 Мы перечисляем только важнейшие памятники, помимо которых существует еще много других.

в табарах и сказа королю, что з другую сторону град худ, делан в осень. Король же повеле по той стене бити и тое стену выбиша и нощию приидоша приступом и Смоленск взяша"). Кто же такой был Андрей Дедевшин и десятки других изменников, имена которых нам известны из документов воеводской избы? На этот вопрос до сих пор ясного, документального ответа не было, а поэтому интереснейшие моменты из истории обороны Смоленска были недоступны для исторического исследования, и документы на девять десятых теряли для нас свою ценность.

Но совсем другое дело получилось после того, как был найден список смоленских помещиков, с указанием их служебного чина и размеров земельного оклада, полагавшегося им за службу. Этот список носит название „десятни" и относится к концу 1606 года, т. е. он был составлен всего за три года до начала осады. Благодаря ему было раскрыто общественное положение около тысячи лиц, упоминавшихся в документах воеводской избы и принадлежавших к господствовавшему классу. А когда было раскрыто поведение господствовавшего класса, его тактическая и политическая линия, то вся обстановка борьбы в Смоленске стала ясной. Таким образом была, наконец, сорвана та таинственная завеса, которая прикрывала до сих пор интереснейшее событие в истории нашей родины.

Теперь мы можем сказать, что документы по истории смоленской обороны достигли такой полноты, которая позволяет нам поставить уже подлинно научное исследование их. Некоторым недостатком все же остается неизвестность состава верхушки посадского мира, смоленских купцов. До сих пор не найдено никаких остатков архива земской избы в Смоленске. Очевидно, он погиб полностью во время смоленской обороны.

Но памятники смоленской обороны имеют не только чисто местное, но и общеисторическое значение. Мы уже видели, что борьба смоленского посадского мира против интервентов получила замечательное идеологическое отражение в „Новой повести"; эта борьба послужила зародышем мощного национально-освободительного движения 1611—1612 гг. Позиция смоленских дворян тоже не была случайной; она помогает нам разобраться в весьма сложной и противоречивой тактике господст-

вовавшего класса Московского государства в 1609—1612 гг.

Все это придает смоленской обороне и ее памятникам очень крупный исторический интерес.

5. *Положение различных классов населения Смоленского уезда накануне осады*

Для того, чтобы понять, как мог возникнуть в Смоленском уезде и в осажденном Смоленске стихийный союз народных масс (крестьян и посадских), который мы назвали посадско-крестьянским блоком и который явился фундаментом героической смоленской обороны; для того, чтобы понять, почему большинство господствующего класса перекинулось на сторону поляков и держалось явно предательской политики до тех пор, пока посадско-крестьянские армии не нанесли интервентам серьезных ударов,—нам необходимо разобраться в положении различных общественных классов того времени, понять существовавшие между ними противоречия, проследить развитие классовой борьбы и переплетение внутренних противоречий с иностранной интервенцией. Все эти вопросы огромной трудности и нельзя надеяться разрешить их одним махом, так как общественный строй феодального общества отличался крайней сложностью.

По поводу феодального общества Энгельс писал, что составлявшие его сословия „образовывали чрезвычайно запутанную массу с чрезвычайно разнообразными, во всех направлениях взаимно перекрещивающимися потребностями. Каждое сословие стояло поперек дороги другим и находилось в непрерывной, то скрытой, то открытой борьбе со всеми остальными".[1] Такая сложность общественного строя была свойственна и феодальной России.

Но в такие критические моменты развития Московского государства, как, например, крестьянская война или борьба против интервентов, отношения общественных классов несколько упрощались, и благодаря этому современный историк имеет возможность с большей

---

[1] *Маркс и Энгельс.* Соч.,т. VIII, стр. 126.

легкостью заглянуть в глубокие подводные течения тогдашней общественной жизни.

В эти моменты весь народ в большей или меньшей степени разделялся на два лагеря. На эту особенность периодов крестьянских войн указывал и Энгельс. Он писал: „раскол всей нации на два больших лагеря...“ „мог бы лишь приблизительно наметиться только в том случае, если бы восстал низший, эксплоатируемый всеми остальными сословиями слой народа: крестьяне и плебеи“ (городская беднота. — *В. М.*).[1] Во время крестьянской войны в России восстали именно низшие, эксплоатируемые слои народа, а во время смоленской обороны эти слои объединились с посадским миром в общей борьбе против польско-литовских интервентов. Вот почему смоленская оборона оказалась очень удобным наблюдательным пунктом для изучения сложнейшего переплета событий начала XVII века в России.

Знакомство с положением общественных классов Смоленского уезда начнем с основных масс народа — крестьян и посадских.

Крестьянство было главным производительным классом общества того времени. „Все официальные сословия жили за счет эксплоатации крестьян“,— говорит Энгельс.

Общая численность крестьянского населения Смоленского уезда в 1609 году, по нашим исчислениям, была равна 162 000 человек (взрослых и детей).[2]

Крестьяне принадлежали различным землевладельцам. В зависимости от этого они разделялись: на крестьян помещичьих — 97 000 человек, крестьян архиепископских, монастырских и церковных — 42 000 человек, и крестьян дворцовых (принадлежавших московскому царю) — 23 000 человек.

Для того, чтобы наглядно представить себе удельный вес крестьянского населения, сопоставим его с чис-

---

[1] *Маркс и Энгельс.* Соч., т. VIII, стр. 126.

[2] Эта цифра получена нами следующим образом: вся площадь пашни в Смоленском уезде в 1609 г. была равна 162 540 десятинам; считая по 5 десятин на один крестьянский двор, получим 32 500 дворов, а считая в каждом дворе по 5 человек взрослых и детей, получим округленно 162 000 человек.

ленностью населения по другим сословиям Смоленского уезда:

крестьян	— 162 000	чел. (вполне вероятно)	— 80%
посадских	— 30 000	„ „ „	— 15%
помещиков	— 8 000	„ „ „	— 4%
духовенства	— 2 000	„ (предположительно)	— 1%
Всего	— 202 000	чел.	100%

Все эти цифры получены нами, конечно, путем приблизительных вычислений и взяты с некоторым преуменьшением, но все же они позволяют с известной достоверностью разобраться в численном соотношении различных сословий. Обращает на себя внимание основной факт тогдашней жизни: в руках светских и духовных землевладельцев, составлявших 5 проц. численности всего населения, находилась вся земля. На этом и покоилось их экономическое и политическое господство.

Помещичье землевладение в Смоленском уезде было преобладающим; его доля была равна 60 проц. и, повидимому, такова же была доля находившихся у помещиков крестьян. На этом основании число крестьянских дворов, стоявших на помещичьих землях, мы определили в 19 500. Чрезвычайно интересно, что эту же цифру мы получаем и при определении числа крестьянских дворов на помещичьих землях, прибегая к совершенно иному способу исчисления. Из польских и русских источников можно подсчитать, что приблизительно у 25 проц. смоленских помещиков в поместном и вотчинном владении в 1609—10 гг. находилось 120 сел, селец и селищ, 99 починков,[1] 87 пустошей и 390 деревень. Села и сельца были по преимуществу местом жительства помещиков, а чисто крестьянскими селениями были починки и деревни. Смоленские деревни в то время имели от 3 до 5 дворов (по документальным источникам). Следовательно, без большой погрешности можно предположить, что в среднем на деревню и починок приходилось около 2 крестьянских дворов. В таком случае у всех смоленских помещиков должно было быть 19 560 крестьянских дворов.

[1] Починок — это однодворок, поставленный на вновь осваяемой земле.

Полагая численность помещичьих крестьян в 97 000 человек, а самих помещиков (с женами и детьми) в 8000 человек, мы видим, что в среднем на одного представителя помещичьего сословия в Смоленском уезде приходилось 12 крестьянских душ (взрослых и детей), или не меньше 3—4 взрослых работников.

На помещичьих и монастырских землях крестьянам жилось значительно тяжелее, чем на государевых дворцовых землях. Помещики облагали крестьян более тяжелыми повинностями, чем царь, и скорее разоряли их. Этот факт давно известен историкам. На примере смоленских крестьян его тоже можно легко наблюдать. Весной 1609 года бандами польского пана Симона Гонсевского было разграблено и сожжено несколько помещичьих и дворцовых деревень в Порецкой и Щучейской волостях. На основании документальных источников можно определить стоимость всего имущества одного крестьянского двора в дворцовой и помещичьей деревне.

Средняя стоимость всего имущества во дворе дворцового крестьянина была равна 44 рублям, а помещичьего крестьянина — всего 20 рублям. При этом хозяйство первого было не только зажиточнее, но и крепче поставлено, так как стоимость средств производства у него составляла 60 проц. от стоимости всего имущества, а у помещичьего крестьянина всего только 39 проц.

Что представляли собою в то время 40 и 20 рублей?

Реальное представление об экономическом значении той и другой суммы можно получить, зная тогдашние цены на некоторые товары. За 20 рублей в конце XVI и начале XVII века в Смоленском уезде можно было купить следующие предметы: или 13 аршин английского зеленого сукна, или 330 аршин тонкого русского сукна, или 660 аршин грубого русского сукна, или 200 пудов пеньки, или 2 пуда перцу, или 132 пуда соли, или 10 пудов меди, или 15 рабочих лошадей 8 лет, или 16 коров 4-х телят, или 20 быков 4-х лет, или 50 колод пчел, или 82 четверти ржи, или 132 четверти овса.

В этом перечне цен обращает на себя внимание большая дешевизна предметов, производившихся в крестьянском хозяйстве (как, например, крестьянское сукно, пенька, хлеб, скот) и необыкновенная дороговизна предметов заморского происхождения или производившихся на

предприятиях господствующего класса (заграничное сукно, перец, медь, соль). С одной стороны, мы видим равные по стоимости 13 аршин (9,23 метра) английского сукна, 2 пуда перцу, 10 пудов меди, 132 пуда соли, а с другой — эквивалентные им произведения крестьянского хозяйства: 660 аршин грубого или 330 аршин тонкого сукна, 200 пудов пеньки, 15 лошадей и 82 четверти ржи (приблизительно 328 пудов).

Совершенно ясно, что крестьянский труд оценивался очень низко, и при господстве денежных отношений дешевизна сельскохозяйственных продуктов говорила не об экономическом благополучии крестьян, а, наоборот, об их придавленном положении и о крайне низком материальном уровне их жизни. Это особенно отчетливо видно из господствовавшего в то время уровня оплаты неквалифицированного наемного крестьянского труда. Примеры возьмем из соседнего со Смоленском Дорогобужского уезда, в экономическом отношении ничем не отличавшегося от Смоленского уезда. В конце XVI века Дорогобужский Болдинский монастырь нанимал в свое хозяйство батраков из крестьян. В книгах монастыря записано: „Нанял детину Худячка из Старицы в вотчину пасти животины монастырской, да и скородить на лето же, а дал тому Худячку найму, от велика дни до Филиппова заговейна, тринадцать алтын две деньги“,[1] „нанял Михайлу Рожнову детину Самсонка на лето животину пасти и скородити, дал детине найму на лето до Филиппова заговейна четыре гривны“ [2] (т. е. те же 13 алтын 2 деньги).

Найм от „велика дни“ до „Филипповых заговен“ длился от начала апреля до 14 ноября, т. е. около 7—7½ месяцев. За это время батрак на хозяйских харчах зарабатывал всего лишь 40 копеек. На эти деньги он не мог купить себе даже обычный в то время летний крестьянский костюм, так как колпак, подпояска, нож, красная рубаха и льняные портки стоили 16 алтын, т. е. 48 копеек. Поденный заработок крестьянина на своих харчах обычно не превышал 2 денег (1 копейки). Наиболее трудоемкие работы оплачивались несколько выше; так, например, на весенней пахоте платили 1,2 копейки в день,

---

1 „Русская историческая библиотека“, т. 37, стр. 36.
2 Там же, стр. 38.

на молотьбе — 2 копейки и на самой тяжелой работе — на косьбе — крестьянин мог заработать по 2,5 копейки в день. Мы уже не говорим о том, что рабочий день в то время измерялся „от зари до зари".

Самый факт довольно широкого распространения найма говорил об обнищании крестьян, говорил о том, что крепостному крестьянину жилось очень тяжело.

Закрепощение крестьян было уже не новым явлением, а коренным фактом народной жизни. Это уже так прочно вошло в жизнь, что во всех документах того времени, когда речь шла о каком-либо крестьянине, кроме его имени и фамилии обязательно указывался и его владелец; не место жительства и не род занятий определяли общественное положение крестьянина, а его принадлежность к определенному землевладельцу. Например, в актах того времени принято было писать так: „*Юрьевы жены Верещагина крестьяне* Терех Самсонов, да брат его Герасимка, да сын его Лаврюша"... „*Михайла Языкова крестьяне* Кондрашка Матвеев, Герасимка Порхачов"... „*Архиепископли крестьяне Тресвятского села* Минка, да Васька Дороховы"... „*Архиепископля дьяка Степана Мартынова крестьяне* Карп Омельянов, Парфен Яковлев"... „*Дворцовые крестьяне деревни Широковой* Екимка Оксенов, Васька Максимов"...

В отношении только дворцовых и архиепископских крестьян было принято указывать принадлежность крестьян к определенной деревне (деревенской общине), а на землях других землевладельцев власть помещика давно вытеснила крестьянскую общину.

Тяжелое положение крестьян, особенно на помещичьих и монастырских землях, было усугублено страшным голодом 1601—1603 гг., прокатившимся как раз по центральным областям Московского государства. Крестьяне и холопы восстали против своих поработителей, и началась первая в России великая крестьянская война, выдвинувшая таких замечательных народных вождей, как Иван Болотников, Илейка Муромец, Хлопок Косолапый и др. Прямых указаний на восстание крестьян Смоленского уезда в 1606—1608 гг. не сохранилось, но хорошо известно, что смоленские дворяне осенью 1606 года вооруженной рукой подавляли восстание крестьян в соседнем Дорогобужском уезде. Нельзя думать, чтобы смоленские

крестьяне оставались безучастными наблюдателями великого народного движения. Следует предполагать, что только подавив восстание в собственном уезде, смоленские помещики отправили карательную экспедицию в Дорогобуж. Косвенные намеки на это сохранились в некоторых документальных источниках. Так, например, в начале осады Смоленска какой-то смоленский поп Юрий сообщал в Москву: „А мы божиею милостью *два года жили без печали*, а нынече король государю изменил, и крестное целованье преступил, уезды Смоленские запустошил...“[1]

Следовательно, только два года (1609, 1608 и часть 1607) господствующие сословия Смоленского уезда жили спокойно, без печали, а в 1607 и 1606 годах им приходилось, очевидно, довольно туго, так как крестьянская война несла им разорение и смерть.

Отношения между крестьянами и смоленскими помещиками нельзя было назвать очень мирными и в 1609 году. Было много случаев отказа крестьян от выполнения повинностей, налагавшихся на них помещиками.

В 1609 году мать смоленского помещика Д. Ф. Неелова писала своему сыну, находившемуся в Москве: „А мы живем в Смоленску в городи, а рожь у тебя в поли посеели в пору, а еровое в поли дал бог добро. *А крестьяне меня не слушают, хлеба ко мне в город не везут*; и даточной на нас человек сошной написан к городу для осадного времени *и оне* (крестьяне.— *В. М.*) *человека в город не пришлют*, и мне в городе всегда позор от детей боярских, от розсыльщиков, и я живу хоронясь“.[2]

Письмо говорит о том, что смоленские помещики имели свою собственную запашку, обрабатывавшуюся крестьянами (барщина); что крестьяне обязаны были доставлять помещику хлеб, а во время войны и рекрутов („даточные люди“), и что крестьяне Д. Ф. Неелова отказались выполнять эти повинности.

Но если у этого помещика крестьяне еще не пустили в ход насильственных действий, то у другого помещика, М. Ф. Неелова, крестьяне захватили помещичий хлеб. Жена этого помещика писала к нему в Москву: „А хлеба,

---

1 „Памятники обороны Смоленска“, под ред. Готье, стр. 34.
2 „Дополн. к Актам историческим“, изд. Археогр. комис., т. 1, № 231.

государь, нынешнего с обеих поместий ярового ничево не увезли,— *воры не дали*" („ворами" помещица называла взбунтовавшихся крестьян).

Смоленские помещики вновь увидели перед собой страшный призрак крестьянской войны и пустили слух, что крестьяне ждут прихода поляков, чтобы освободиться от власти помещиков. Но это была клевета на смоленское крестьянство. Крестьяне совсем не ждали прихода поляков, так как польские паны для них были еще хуже русских помещиков, а крестьяне начинали освобождаться от помещиков собственными руками.

В 1609 году для смоленских крестьян создалась чрезвычайно тяжелая обстановка. Кроме своего вековечного классового врага — помещиков, крестьяне очутились лицом к лицу перед еще более свирепым и опасным врагом — польскими панами и шляхтой. А так как смоленские помещики были в тайном сговоре с поляками, то борьба крестьян против польских насильников неизбежно сливалась с прежней борьбой крестьян против своих помещиков. И в освободительной войне смоленских крестьян против польских интервентов следует видеть продолжение крестьянской войны, или, вернее, ее новую форму.

Таким образом, оборона смоленских крестьян от польско-литовских интервентов была своеобразным переходом крестьянской войны в национально-освободительное движение.

В этой борьбе у крестьян нашлись союзники в городе, в лице смоленских ремесленников и купцов, всего смоленского посадского мира.

Посадский люд после крестьян и холопов был на Руси вторым по численности слоем тяглого населения, т. е. населения, обложенного повинностями в пользу государства землевладельцев.

Смоленский посадский мир был довольно крупным по своей численности и экономически мощным.

В XVI и начале XVII века (до осады 1609 года) Смоленск после Москвы был одним из самых больших городов Московского государства. По свидетельству иностранцев в Смоленске в то время было около 8000 домов, т. е. надо полагать, что общая численность городского населения равнялась 40—45 тысячам человек.

Автор дневника осады Смоленска утверждает, что в Смоленском посаде было до 6000 дворов. Численность собственно посадского населения (ремесленников и купцов), вероятно, была не ниже 30000 человек, или около 75 проц. всего городского населения. Каково было отдельно число ремесленников и купцов — нам совершенно неизвестно. Но, судя по процентному соотношению купцов и ремесленников в других русских городах того времени, подходивших несколько к Смоленску (например Тула), купеческого населения в Смоленске могло быть около 18 000 человек и 12 000 ремесленников.

По некоторым документальным источникам мы можем составить приблизительное представление о ремесленном производстве в Смоленске.

Отрывочные, крайне неполные данные показывают наличие в Смоленске 38 ремесленных специальностей (в действительности их было гораздо больше). Все ремесленные специальности разделялись на такие общие отрасли:

1) изготовление предметов питания	46,5%
2) кожевенное производство и изделия из кожи .	16,3%
3) изготовление одежды и принадлежностей к ней	14%
4) обработка железа и изделия из металлов . .	10,9%
5) обработка дерева	10,0%
6) изготовление предметов культа	2,3%
Всего	100%

Обращает на себя внимание огромный удельный вес пищевого производства. Это объясняется, повидимому, только тем, что посадские люди не имели в достаточной мере своего сельского хозяйства и поэтому вынуждены были обращаться к рынку, а это и вызвало к жизни большое количество пищевых ремесленных специальностей: прасолов (засольщиков рыбы), хлебников, калачников, солодовников, мясников, сусленников, оладейников, гречневичников, блинников, пирожников, мучников и т. д. Большая численность посадского населения вовлекла в пищевые ремесла и большое количество ремесленников.

Изготовление средств производства в городском ремесле едва ли занимало 15—20 проц. всего числа ремесленников. Этот факт свидетельствовал о крайне низком уровне техники в ведущей отрасли народного хозяйства — в

сельском хозяйстве. Деревня не очень нуждалась в городских ремесленниках и могла обходиться своими ремесленниками. Деревня не чувствовала большой зависимости от города, наоборот, город в высокой степени зависел от деревни.

Это имело место не только в экономической области, но и в области политической. В „Крестьянской войне в Германии" Энгельс указывает, что масса городской бедноты („плебейская оппозиция") без влияния крестьянского движения не могла превратиться в политическую силу. „В партию ее превращают лишь крестьянские восстания, и даже тогда она находится, в своих требованиях и выступлениях, в зависимости от крестьян,— замечательное доказательство того, насколько город тогда зависел еще от деревни",[1] — пишет Энгельс. Если это было типичным для Западной Европы, то тем более это было свойственно России начала XVII века.

Не принимая во внимание тогдашней зависимости города от деревни, нельзя по-настоящему разобраться и в важнейших фактах крестьянской войны и борьбы против польских интервентов.

Смоленск в год платил торговых пошлин 8000 рублей, в то время как Нижний-Новгород платил всего только 7000 рублей. Торговля Смоленска по своим оборотам превышала, таким образом, торговлю Нижнего почти на 14 проц.

Смоленск был крупнейшим экономическим центром по торговле Московского государства с Литвой и Польшей, а через них — и с близлежащими государствами Западной Европы. Внутри страны Смоленск вел оживленную торговлю с Москвой, Торжком, Тверью, Новгородом, Великими Луками и с Северскими городами, лежавшими южнее Смоленска. А Дорогобуж был так тесно экономически связан со Смоленском, что выполнял роль его торгового пригорода.

С зарубежными странами Смоленск торговал главным образом произведениями сельского хозяйства, охоты и рыболовства, а через него с Запада в Россию шли самые разнообразные товары европейского производства. Некоторое представление об этом могут дать примеры

---

[1] *Маркс и Энгельс.* Соч., т. VIII, стр. 124.

того, что́ покупал в Смоленске Болдинский монастырь в конце XVI и начале XVII века. В Смоленске он закупал для своего хозяйства: сельди, треску, нашатырь, железную и медную проволоку, финифть (эмаль), железные гвозди, сусальное золото и серебро, белила, бумагу, свинец, квасцы, оловянную посуду, медную посуду, темьян (вид ладана), лимоны, сахар, вишни в патоке, овчины, холст, образа, топоры, рогатины, буравчики и т. д. Многие из этих товаров были иностранного происхождения и поступали в Смоленск из Польши и Литвы.

Смоленск был сухопутным окном если и не в самую Европу, то в ее польско-литовскую прихожую. Это окно запиралось на самый крепкий по тому времени замок (каменная крепость, сооруженная талантливейшим русским зодчим Федором Савельичем Конем при Борисе Годунове) и имело очень основательные экономические рогатки. Дело в том, что в 1590 году указом московского правительства Смоленск был сделан конечным пунктом торговли для тех иностранных купцов из Польши и Литвы, которые везли товары широкого потребления. Позволялось пропускать в Москву купцов только с предметами роскоши (парча, драгоценные камни и проч.). Это значило, что польско-литовские купцы основную массу своих товаров должны были сбывать в самом Смоленске, на гостином литовском дворе, и, конечно, в первую голову смоленским купцам. Львиная доля прибыли при такой системе торговли попадала в карман смоленских купцов. Польша дипломатическим путем добивалась в Москве уничтожения торговой исключительности Смоленска и требовала свободы торговли для своих купцов, но Москва была непреклонна. Этот вопрос мог быть решен только путем войны. Несомненно, что он был одной из видных причин польско-литовской интервенции.

Польский ставленник на русском престоле — лже-Димитрий I обещал передать Смоленск полякам, но не успел или не смог выполнить своего обещания. Переход в польские руки грозил смоленским купцам и ремесленникам полным разорением, а смоленским крестьянам — огромным усилением эксплоатации. На этой почве и сложилась общность политических интересов смоленского посада и крестьян; совершенно естественно, что посад стал во главе этого блока.

Мощная смоленская крепость (одна из сильнейших крепостей в то время не только в России, но и в Европе) становилась в первую очередь оплотом посадского мира. Это обстоятельство особенно усиливалось тем, что в 1609 году смоленские дворяне вошли в тайные сношения с поляками и обещали не защищать крепость, а сдать ее польскому королю. Поэтому посадские люди не могли рассчитывать на дворян как на защитников крепости, а могли полагаться только на свои силы да на вооруженных крестьян, пришедших в Смоленск перед осадой.

Чем же объяснялась предательская позиция смоленских дворян, что делало их союзниками польско-литовских интервентов? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо познакомиться хотя бы в кратких чертах с историей смоленского помещичьего класса и с его положением накануне осады.

Смоленский помещичий класс был сравнительно очень молодым, так как его история начиналась только со второй половины XVI века. После присоединения Смоленска к Московскому государству в 1514 году, значительная часть служилого класса из Смоленского уезда ушла в Литву и Польшу, а из оставшихся на месте многие потом были переселены в центральные уезды Московского государства. До середины XVI века Москва особенно не торопилась с организацией служилого класса в Смоленске. Но когда нависла угроза войны с Литвой и Польшей за Ливонию, московское правительство, понимая большую роль Смоленска в предстоящей борьбе, приняло срочные меры к его укреплению. Оно приступило прежде всего к формированию помещичьего класса. Один историк писал: „В 20-х и 30-х годах (XVI века) в Смоленском уезде не заметно существования класса помещиков. Для 40-х годов мы имеем несколько упоминаний о смоленских помещиках, но количество их представляется малочисленным. В 1550 году ни одного смоленского помещика не попало в тысячную книгу (наряду с 13-ю белянами, 11-ю дорогобужанами, 35-ю торопецкими помещиками и т. д.). Число смоленских помещиков возросло в 50-х годах или к началу 60-х".[1]

---

[1] Журнал Министерства народного просвещения. Ноябрь 1914 г. *Л. Сухотин*. „О списке смоленской десятни XVI в.", стр. 252—253.

Смоленская десятня 1574 года дает основание предполагать, что комплектование смоленского помещичьего класса было произведено в период с 1560 по 1565 год. Правительство стремилось создать такой служилый класс, в котором не могли бы развиться симпатии к Литве и Польше. Для этой цели 64 проц. помещиков оно перебросило в Смоленск из других уездов Московского государства (главным образом из замосковных уездов), 13 проц. оно навербовало среди низших сословий (из сыновей приставов, рассыльщиков, помещиков, дьяков, подьячих, пушкарей, затинщиков, казаков, попов, дьяконов, притворников и монастырских служек) и 23 проц. взяло из потомков старых смоленских помещиков. Экономическое и служебное преимущество было обеспечено помещикам-введенцам из других городов, а выходцы из низших сословий и остатки старых помещиков размещены были на низших ступенях служебной лестницы. Общая численность смоленских помещиков в это время немного превышала 500.

Вторую характерную особенность положения смоленских помещиков составляли довольно высокие земельные оклады. В сравнении с помещиками южных уездов, самый мелкий смоленский помещик выглядел как средний помещик. Следовательно, дворянство Смоленского уезда поставлено было в особо благоприятные экономические условия, и в этом отношении оно ближе стояло к московским помещикам, чем к помещикам южных уездов.

Ливонская война, во время которой поляки неоднократно пытались нападать на Смоленск, а также последующие годы показали, что московское правительство в лице смоленских помещиков действительно сумело создать для себя надежную и прочную опору.

В конце XVI и начале XVII века численность смоленских помещиков была увеличена и доведена до 1093 служилых дворян и детей боярских. Их экономическое благосостояние в общем поднялось. Если в 60-х годах XVI века процент крупных помещиков (с окладом свыше 750 десятин) был равен 13, средних (с окладом от 750 десятин и до 400 десятин) был равен 48 и мелких (с окладом ниже 400 десятин) — 39 проц., то в 1606 году, при том же проценте крупных помещиков (13 проц.), процент сред-

них помещиков возрос до 58,7, а процент мелких снизился до 28,3.

Если же принять во внимание, что экономическое положение помещиков, например в южных уездах, к концу XVI века чрезвычайно ухудшилось, то положение смоленских помещиков представляется особо благоприятным, и они еще больше приблизились к московским помещикам.

Вот почему, когда вспыхнула крестьянская война и когда армия Ив. Болотникова осадила Москву осенью 1606 года, наиболее существенную помощь Москве оказали смоленские дворяне. Они выступили как наиболее ярые и непримиримые враги восставших крестьян и холопов. Движение смоленских дворян против Ив. Болотникова было настолько единодушным, что это отметил даже летописец. „Во граде же Смоленске,— пишет он,— слышаху архиепископ и воеводы, и все ратные люди такую настоящую беду над Московским государством, что хотят те воры царя и бояр побити, и, *возопивше единогласно*, поидоша под Москву, выбрав себе старейшину Григорья Полтева. Идучи же, грады очистиша Дорогобуж и Вязьму. Грады же многие, слышавше то, начаша к царю Василью с повинными присылати".[1]

По мнению летописца, выступление смоленского отряда внесло перелом в отношения других городов, особенно южных, к московскому правительству. Этому можно вполне поверить. Смоленский отряд действительно оказал наиболее существенную поддержку Шуйскому, и главным образом с его помощью крестьянская армия была разбита под Москвой.

Но смоленские помещики пошли драться против революционных крестьян и холопов не из-за прекрасных глаз царя Василия Шуйского, а пошли спасать свои поместья и свою власть над крестьянами и холопами. Поэтому дальнейшая поддержка смоленскими помещиками правительства Шуйского зависела от силы этого последнего и от успешности его действий в подавлении крестьянского движения. Тут нельзя забывать также и того, что у дворян были и другие причины разногласий с бо-

---

[1] „Полное собрание русских летописей", т. XIV, первая половина, стр. 72.

ярской политикой московского правительства, несколько зажимавшей интересы дворян.

1607 и 1608 годы показали, что московское правительство, несмотря на свою вторую победу над Ив. Болотниковым под Тулой, не сумело подавить окончательно крестьянского движения и оказалось недостаточно крепким в борьбе со второй волной польской интервенции, стремившейся посадить на московский престол второго самозванца. Это и определило отношение смоленского дворянства к московскому правительству в конце 1608 года и в третий период польской интервенции.

Главную задачу свою и самый крупный жизненный интерес смоленские помещики видели в сохранении поместий и в укреплении своей власти над крестьянами. Это могла дать им только крепкая государственная власть и такая политика в отношении крестьянства, какая была осуществлена, например, в Польско-Литовском государстве, где крестьянин был уже давно лишен всяких гражданских прав и низведен на положение раба. Нет ничего удивительного, что перепуганный на-смерть крестьянской войной русский помещик видел спасение в закрепощении крестьян по польско-литовскому образцу.

Это и определило симпатии смоленских помещиков к польским интервентам и сделало их союзниками врагов русского народа.

Как бы вырвать получше поместье, как бы захватить побольше крестьян!— вот мечты помещика того времени. Эти мысли не оставляли помещика даже перед смертью.

До нас дошло письмо смоленского помещика Л. Ю. Олтуфьева, написанное из осажденного Смоленска в Москву. Это — своеобразное завещание отца сыну, наставлявшее, как следует добывать поместье и крестьян. „Промышляй, Левонтьевич!“— вот девиз этого письма.

Письмо настолько интересно, что его стоит привести полностью:

„От Левонтья Юрьевича сыну моему Федюшке поклон. Мы, дал бог, я и мать и братья и сестры в Смоленску в осаде за 2 недели до Дмитровой суботы, только чють живы, помираем голодною смертью: хлебца не успели в осаду привести, вскоре пришли под город. А в деревнишке все люди и животина побраны, живут литовские люди, хлеб молотят. Да писал ты о поместьях

проведать о выморошных; убит Дмитрей Терпигорев, а поместья в даче за ним было 150 чети. И после его то дано жене его, Семеновой дочери Коверзина да трем его дочерям девкам на прожиток. И две девки умерли, одна меньшая осталась дочь. А жена его, не бив челом государю, да замуж пошла за Осипа Обухова. А у Осипа поместья своя дача, а того (поместья жены своей. — *В. М.*) за собою не написал. И та полтораста чети за одною девкою и ты, проведав, бей челом. Крестьянец есть, да немного. Промышляй, Левонтьевич, собою, а мы мертвы"...[1]

Каждый помещик внимательно подстерегал, когда с другим помещиком случится какое-нибудь несчастье и его поместье потеряет хозяина. Если такой случай подворачивался, то помещик бросался в Москву и „бил челом" о поместьи. В то время это было не так просто и требовало энергии, а главное — взяток.

Допустим, что помещик добивался цели, но заботы его на этом не кончались,—ведь он тоже мог упустить свое поместье в чужие руки. Ни земля, ни крестьяне не были прочной и твердой собственностью помещика. Естественно, что помещик стремился к более прочному владению, и ему не могли не улыбаться польско-литовские порядки.

После крестьянской войны, на протяжении XVII века и, особенно, в XVIII веке русские помещики сумели добиться осуществления своих заветных желаний. Союз же с поляками в 1609—1610 гг. мог значительно ускорить это дело. Полякам не приходилось особенно агитировать русских дворян, они сами летели навстречу им, как мухи на мед.

По документальным источникам 1609 года, в руках смоленских помещиков находилось 97 500 десятин пашни, или 65 000 четвертей по тогдашнему измерению.[2] По отношению к земельным окладам, т. е. к юридическому праву помещика на владение определенным количеством земли, фактическая дача земли составляла приблизительно 40 проц., из этого количества около

---

[1] „Памятники обороны Смоленска", № 56.

[2] Земельная четверть обозначала площадь пашни по $^1/_2$ десятины в одном поле, что в трех полях давало $1^1/_2$ десятины.

половины приходилось на обрабатывавшуюся пашню (97 500 дес.), а остальное — на какие-то иные угодья.

Поместные дачи отличались крайней неравномерностью; так как земельный оклад назначался одним московским ведомством (Разрядным приказом), а поместье давалось другим ведомством (Поместным приказом), да притом эта операция всегда была связана с большой волокитой, то в действительности очень редко размер дачи совпадал с окладом, а обычно дача была меньше оклада. Приведем несколько примеров соотношения окладов и дач у смоленских помещиков: у помещика Д. И. Зубова оклад был 500 четвертей, а дача 320 четвертей (64 проц.), у А. К. Мощинцова оклад 200 четвертей, а дача 60 четвертей (30 проц.) у Т. Ф. Румянцева оклад 400 четвертей, а дача 50 четвертей (12,5 проц), у И. А. Кушелева оклад 250 четвертей, а дача 100 четвертей (40 проц.), у Ф. Жидовинова оклад 500 четвертей, а дача 170 четвертей (34 проц.), у Н. Обухова оклад 450 четвертей, а дача 180 четвертей (40 проц.), у П. Степанова оклад 400 четвертей, а дача 170 четвертей (42,5 проц.), у Е. Башмакова оклад 450 четвертей, а дача 190 четвертей (42,2 проц.) и т. д.

Число крепостных крестьян у помещиков было также неравномерно и не регулировалось законом. Помещик мог иметь и много и мало подвластных ему „людей, женок и девок“,— все зависело от ловкости самого помещика, от размеров его поместья и от его состоятельности. Но обычно, чем крупнее оклад у помещика, чем крупнее у него дача, тем больше было у него и крестьян.

Уходя в осаду в Смоленск, помещики захватывали с собой и своих крепостных и холопов, так как без крестьян — помещик не помещик. Совсем не имея крестьян, помещик рисковал сам сделаться чьим-либо холопом. Такие случаи тогда были нередки. По числу захваченных помещиками с собою в Смоленск „людей, женок и девок“ (т. е. мужчин, женщин и девушек) мы можем судить, хотя и довольно приблизительно, о численности крестьянских „душ“ у отдельных групп смоленских помещиков. Например, у 11 крупных помещиков было 343 человека крепостных, т. е. по 31 человеку в среднем на помещика, причем у трех из них было по 50 кре-

постных. У четырех средних помещиков было 69 крепостных, т. е. в среднем по 17 человек на одного помещика. Вообще, как можно думать, в Смоленском уезде совсем не было таких помещиков, которые бы вовсе не имели крепостных.

Совсем другое дело в южных уездах Московского государства. „Так, в Оскольском уезде в начале XVII века „не было почти совсем ни крестьян, ни бобылей", в Путивльском уезде на одного помещика приходилось средним числом 1,6 крестьянских и бобыльских двора, „большинство помещиков совсем не имели крестьян и бобылей", в Белгородском уезде на помещика приходилось в среднем 1,8 крестьянских и бобыльских двора".[1]

Это еще раз подчеркивает особо благоприятные экономические условия, в которых находилось смоленское дворянство.

Как известно, центральные уезды Московского государства с 70-х годов XVI века до конца столетия охватил своеобразный сельскохозяйственный кризис. Он выразился в том, что крестьяне под давлением все возраставшей эксплоатации помещиков и монастырей уходили из этих уездов на южные и восточные окраины государства. Деревни в центральных уездах забрасывались и превращались в пустоши. Совсем исчезли починки, т. е. новые деревни, возникавшие на целинных, еще не паханных землях.

Этот процесс в начале XVII века несколько смягчился, но не ликвидировался полностью. Сравнивая Смоленский уезд с центральными уездами, мы убедимся, что бегства крестьян из него не было, но зато происходила какая-то внутренняя передвижка крестьянского населения. Эта передвижка в общем была положительной, так как число починков, хотя и на немного, но все-таки превышало число пустошей.

Четвертая часть смоленских помещиков в 1610 году владела (и собиралась владеть) 120 селами, сельцами и селищами, 390 деревнями, 99 починками и 87 пустошами. Принимая за 100 общее число населенных пунктов и пустошей, получим, что сел, селец и селищ было 17,2 проц.,

---

1 По книге *Г. М. Белоцерковского*—„Тула и Тульский уезд в XVI и XVII веках", стр. 210.

деревень—56,1 проц., починков—14,2 проц. и пустошей—12,5 проц. В таком соотношении населенных и запустевших пунктов никаких признаков сельскохозяйственного кризиса и запустения Смоленского уезда обнаружить нельзя. В то же время процент починков и пустошей говорит, что приблизительно одна седьмая часть крестьянского населения меняла места поселений в пределах самого уезда.

Причины такой передвижки нам неизвестны, но можно думать, что она была результатом экономической борьбы между крестьянами и помещиками и в то же время она говорила о наличии свободных земель в Смоленском уезде.

Экономические и политические противоречия существовали не только между помещиками и крестьянами, но также между помещиками и посадскими мирами. Однако надо иметь в виду, что эти противоречия носили разный характер. Дворяне не могли эксплоатировать посадских так, как эксплоатировали крестьян. Они возвышались над посадским сословием только целым рядом экономических и политических привилегий и ущемляли интересы посадских, где это было возможно. Историк Платонов писал: „Военные слободы и осадные дворы губительно действовали на посадские миры. Служилый люд отнимал у горожан их усадьбы и огороды, их рынок и промыслы. Он выживал посадских людей из их посада, и посад пустел и падал".

Эти коренные сословные противоречия между помещиками и посадскими несомненно существовали и в Смоленске, но в Смоленске они осложнялись еще расхождением взглядов дворян и посадских по вопросу об отношении к польско-литовским интервентам.

Так в положении различных сословий Смоленского уезда постепенно зрели условия для более или менее четкого разделения всего населения в дни обороны на два лагеря: на посадско-крестьянский и дворянский, или на антипольский и полонофильский, или, иначе говоря, на национально-освободительный и антинародный.

Если условия для такого размежевания созревали на протяжении очень многих лет, то зато само размежевание совершилось настолько быстро, что на первых порах ни поляки и ни русские города не смогли правильно оценить создавшуюся в Смоленске обстановку.

6. Первый заговор смоленских дворян в конце 1608 года

Первый очевидный шаг к размежеванию сделало смоленское дворянство в конце 1608 года своей попыткой совершить политический переворот в Смоленске, захватить власть в городе в свои руки и присоединиться к польским интервентам из Тушинского лагеря.

В 1608 году, как известно, второй поход польской шляхты (или „рыцарства", по тогдашнему выражению), стремившейся посадить на московский престол второго польского ставленника, получившего у русских людей прозвище тушинского „вора", привел к осаде Москвы польскими и казачьими войсками и к образованию военного лагеря в Тушине под Москвой. Тушинский лагерь поляки превратили в военный и административный центр той части Московского государства, которую они успели захватить своими войсками. Поляки одновременно вели и осаду Москвы и захватывали все новые и новые территории Московского государства.

Лагерь в Тушине был выбран с тою целью, чтобы прежде всего отрезать Москву от Смоленска. Но этим самым интервенты ставили свой тыл под удар смоленского войска, если бы последнее пошло на помощь Москве.

Учитывая выгодное тактическое положение Смоленска, правительство Шуйского в начале июля 1608 года обратилось за помощью в Смоленск. Московское правительство предлагало смоленскому воеводе Михаилу Борисовичу Шеину, в случае отсутствия Смоленску угрозы со стороны поляков, прислать в Москву отряд из дворян, детей боярских и разных ратных людей. Из Москвы в Смоленск для формирования отряда сначала был прислан воевода Семен Одадуров, а потом ему на помощь был послан другой воевода — Яков Барятинский. Но усилия того и другого воеводы были безуспешны. Переговоры со Смоленском затянулись до поздней осени. 24 октября смоленский воевода М. Б. Шеин писал в Москву: „И дворяне, и дети боярские, и смоленские стрельцы нам, холопем твоим, отказали, что им на твою государеву службу к тебе, к государю, к Москве с твоими государевы воеводы, со князем Яковом Барятинским да с Се-

меном Одадуровым, не очистя Смоленского уезда от воров и дорогобужан, к Москве итти не мочно". [1]

Для понимания положения Смоленска надо иметь в виду, что в сентябре 1608 года Дорогобуж, Белый и Вязьма перешли на сторону тушинцев. Но ни Дорогобуж, ни Белый не могли быть опасны Смоленску, так как находившиеся там польско-литовские отряды были малочисленны и, конечно, никакой реальной угрозы для смоленской крепости представить не могли. Но зато у них было достаточно сил, чтобы навредить поместьям смоленских дворян и детей боярских. Для того, чтобы отвести от себя такую угрозу, смоленским помещикам оставалось или прогнать из Дорогобужа зарвавшихся интервентов, или же заставить Смоленск присоединиться к Тушину.

Если бы дворяне были хозяевами в Смоленске, то несомненно они не медлили бы с переходом на сторону Тушина. Но подлинным хозяином в городе к этому времени был посадский мир, сторону которого принял и воевода М. Б. Шеин. При таком положении вещей о сдаче Смоленска интервентам нечего было и думать.

Поэтому смоленские дворяне пошли на полумеру: они решили несколько отогнать интервентов от своих поместий, но к Москве не итти.

События разыгрались дальше следующим образом.

30 октября 1608 года крупный отряд численностью в 1350 человек, состоявший из смоленских, брянских и серпейских помещиков и даточных людей и из целого приказа смоленских стрельцов (421 человек), выступил к Дорогобужу. 11 ноября смоляне разбили находившихся в Дорогобуже поляков и литовцев и захватили 120 пленных и трофеи.

Дорога на Москву была открыта. Но смоленских дворян и детей боярских это уже не интересовало. 14 декабря в Смоленске было получено сообщение, что „в Дорогобуже ратные люди издрогали (обратились в панику. — *В. М.*) и многие дети боярские и стрельцы из Дорогобужа разбежались". [2] То-есть через месяц после блестящей победы отряд победителей уже разложился, дво-

---

[1] „Памятники обороны Смоленска", № 3.
[2] „Акты исторические", т. II., № 140.

ряне разъехались по поместьям, а стрельцы самовольно вернулись в Смоленск.

Что же произошло в этот месяц в Дорогобуже? В Дорогобуж из Тушина явилась группа агитаторов из видных смоленских дворян во главе с Иваном Зубовым. Она очень быстро уговорила смоленских помещиков и стрельцов не итти на выручку Москве. Так как эта агитация совпадала и с желаниями самих помещиков и стрельцов, то тысячный смоленский отряд растаял во мгновение ока.

Воевода М. Б. Шеин писал в Москву: „И от той, государь, ивановой смуты в Дорогобуже дворяне и дети боярские и стрельцы и всякие ратные люди издрогали, из Дорогобужа разъехались, воевод князя Якова и Семена покинули, и воеводы князь Яков и Семен из Дорогобужа пришли в Смоленск".[1]

Но группа Ивана Зубова преследовала более серьезные цели, чем простую агитацию: она рассчитывала совершить политический переворот в Смоленске, захватить власть в свои руки и перейти на сторону интервентов из Тушинского лагеря.

Заговор Ивана Зубова подробно описан в донесении М. Б. Шеина в Москву. История его такова.

Бывший крупный смоленский дворянин Иван Зубов в конце ноября 1608 года приехал из Вологды в Тушино и, по его собственным словам, „был у Вора три дни и Вору крест целовал и у Вора напросился в Смоленск — смолнян к крестному целованию приводити. И то ден Вору он, Иван, говорил, что его, Ивана Зубова, смолняня послушают, ко кресту всех приведет... И Вор ден его, Ивана, отпустил от себя в четвертый день и думным дворянином его написал".

Иван Зубов сам раньше был смоленским помещиком, кроме того, в Смоленске служили дворянами первой статьи (с окладом в 750 десятин) два его брата: Алексей Игнатьевич и Матвей Игнатьевич Зубовы. Поэтому Иван Зубов мог располагать самыми точными данными о политическом настроении смоленских дворян. Его уверенность в переходе их на сторону польских интервентов несомненно имела самые прочные основания.

---

[1] „Акты исторические", т. II, № 140.

В помощь Ивану Зубову в Тушине была скомплектована группа из шестнадцати смоленских дворян. Для придания группе общесословного характера, в нее были введены стрелец, пушкарь и один посадский, Сидор Бардуков. Большинство в группе принадлежало крупным и средним дворянам, а стрелец, пушкарь и посадский были только декоративными фигурами.

До обнаружения смоленской десятни 1606 года историкам не был известен классовый состав зубовской группы, поэтому историки не могли сказать, какое же из смоленских сословий перешло на сторону польских интервентов в конце 1608 года. Десятня помогла ответить на этот вопрос, и в этом ее большая заслуга.

Присоединение к дворянам стрельца и пушкаря не должно вызывать особого удивления, так как и у стрельцов и у пушкарей были некоторые противоречия с посадскими людьми. Более удивительно наличие в зубовской группе посадского. Сидор Бардуков шел прямо против интересов своего сословия. Повидимому, к нему было применено некоторое принуждение, во всяком случае известно, что за политическую обработку Бардукова взялся сам Иван Зубов. „Едучи дорогою, Иван Зубов его, Сидорка, укреплял, чтоб смоленских посадских людей ко кресту привести, а про дворян Иван Зубов ему, Сидорку, сказывал, что его, Ивана, дворяня и дети боярские послушают".[1]

Иван Зубов собирался стать диктатором в Смоленске и опереться на польских интервентов. А для того, чтобы сломить сопротивление посадского мира, Зубов имел при себе полномочия на разграбление посадских. М. Б. Шеин писал в Москву: „велено Ивану... взяти у нас, холопей твоих, твоя государева денежная казна, а у смольнян, у посадских, у торговых, у всяких людей, животы их (имущество. — *В. М.*) и товары взяв прислати Ивану к Вору ж в полки".

В этой программе экспроприации посадского мира очень ярко сказались противоречия между дворянами и посадскими людьми.

Но заговор Ивана Зубова и смоленских дворян не застал врасплох посадских людей. В конце 1608 года по-

---

[1] „Акты исторические", т. II, № 140.

садский мир превратился уже в решающую политическую силу в Смоленске. Благодаря энергично принятым мерам группа Ивана Зубова была арестована и доставлена в Смоленск. Судили заговорщиков М. Б. Шеин и посадские люди. Главные зачинщики были посажены в тюрьму, а остальные отданы на поруки.

Так закончилась первая попытка изменнического переворота в Смоленске в конце 1608 и в начале 1609 года.

После бегства из Дорогобужа первого смоленского отряда туда был послан второй отряд, состоявший из 232 смоленских и брянских дворян и из 200 стрельцов. Этот отряд снова разбил поляков, засевших в Дорогобуже, но от дальнейшего движения к Москве также отказался, хотя теперь уже не было никакой зубовской агитации. Отряд прислал в Смоленск челобитчиков всем „городом" и от всей рати заявил, что „им к Вязьме и к Москве без прибавочных людей от воров пройти не мочно". Не дожидаясь ответа из Смоленска, „дворяне и дети боярские и стрельцы из Дорогобужа разъехались по поместьям, а иные в Смоленск".[1] Московские воеводы Барятинский и Одадуров снова вернулись в Смоленск ни с чем.

После развала второго отряда смоленские посадские и М. Б. Шеин в третий раз потребовали от дворян выступить на помощь Москве. М. Б. Шеин писал в Москву: „И мы, холопи твои, дворян и детей боярских по твоему государеву указу, перед твоим государевым богомольцом, перед архиепископом Сергием и *перед посадскими людьми*, посылали их, чтобы они, помня бога и твое государево крестное целование, шли к тебе к государю к Москве".[2]

Если дворяне раньше ссылались на недостаток сил, то теперь они придумали новую отговорку и сослались на погоду. „И дворяне и дети боярские,— писал М. Б. Шеин,— всем городом нам, холопем твоим, отказали, что им из Смоленска до просухи к Москве итти не мочно".

Совершенно очевидно, что дворяне решили выжидать событий до весны. И события не заставили себя долго ждать.

---

[1] „Акты исторические", т. II, № 152.
[2] Там же.

7. Набеги Симона Гонсевского на Щучейскую и Порецкую волости Смоленского уезда

В 1609 году образовался второй центр польской интервенции в России, помимо Тушинского лагеря.

Польское правительство еще зимой 1608—09 года начало подготовку нового, большого военного похода на Россию, считая, что московское правительство совершенно обессилено и что достаточно только обнажить саблю, как Россия будет у ног Речи Посполитой. Старые захватнические планы Стефана Батория казались легко осуществимыми.

После того как выяснилось, что смоленское дворянство охотно пошло на сделку с тушинскими интервентами, польское правительство сделало совершенно правильный вывод, что смоленских дворян нетрудно будет перетянуть и на сторону польского короля. А благодаря этому можно будет без боя овладеть Смоленском и потом итти на Москву не кружной дорогой, через Северские города, а прямым путем через Смоленск.

Для того, чтобы подготовить себе верную победу над Смоленском, поляки предприняли целый ряд набегов на приграничные волости Смоленского уезда — Порецкую и Щучейскую. Набеги были организованы велижским старостой Александром Корвин-Гонсевским по инициативе, как можно думать, литовского канцлера Льва Сапеги, одного из вдохновителей польской интервенции в России. О причастности к этому делу Льва Сапеги говорит то обстоятельство, что во главе бандитских отрядов, врывавшихся в Смоленскую землю, кроме брата велижского старосты Симона Гонсевского, стояли клевреты Льва Сапеги — смоленские изменники дворяне Хрипуновы, бежавшие в Литву еще при Борисе Годунове.

Общей целью этих набегов несомненно было стремление захватить Смоленск и притом без боя. А для того, чтобы заставить сильнейшую и хорошо вооруженную крепость отказаться от сопротивления, следовало добиться, по крайней мере, двух условий: 1) поселить в сознании защитников убеждение в безнадежности обороны и 2) подготовить внутри крепости верных союзников.

Создать безвыходное положение для обороняюще-

гося Смоленска можно было лишь посредством захвата его северных коммуникаций, связывавших его через крепость Белую с районом расположения армии Скопина-Шуйского, так как дорога на Москву через Вязьму и Можайск была уже довольно прочно занята войсками тушинских интервентов.

В подготовке же союзников внутри самого Смоленска поляки могли рассчитывать только на дворян. Было совершенно очевидно, что смоленские посадские не пошли бы на сделку с поляками. Поляки могли еще попытаться перетянуть на свою сторону смоленских крестьян, но для этого надо было их терроризировать, так как было не менее очевидно, что добровольно смоленский крестьянин никогда не пойдет в кабалу к шляхтичу или пану.

Для выполнения всех этих задач и было предпринято одно тактическое решение: захватить две самые северные волости Смоленского уезда — Щучейскую и Порецкую и одновременно с этим перерезать дорогу из Смоленска на Белый, войти в сношения со смоленскими помещиками и воздействовать на крестьян.

Первое нападение на Щучейскую волость было совершено еще в октябре 1608 года. В этом месяце смоленский воевода получил известие, что „пришел из-за рубежа, из Литвы, с Велижа, в Щучейскую волость велижский урядник Шиман (Симон) Александров, брат Гасевского, а с ним литовских людей 300 человек гайдуков, и Щучейской волости землю отводят к Велижу вдоль на 70 верст, а поперек на 20 верст; а из Щучейской волости итти им в Порецкую волость".[1]

В конце марта 1609 года произведено было второе, более крупное нападение. Польско-литовский отряд под предводительством Симона Гонсевского и двух русских изменников, бывших смоленских помещиков Ивана и Григория Хрипуновых, 25 марта напал на погост План, Щучейской волости.

Поляки захватили в плен попа и крестьян, разграбили церковное и крестьянское имущество.

А перед этим поляки в той же Щучейской волости „выграбили четыре деревни, и животы и статки поимали

---

[1] „Памятники обороны Смоленска", № 5.

(скот и вещи захватили. — *В. М.*), а иных в полон взяли".[1]

В начале апреля 1609 года поляки подвергли разгрому и Порецкую волость: грабили и сжигали деревни, убивали или забирали в плен крестьян.

Картины дикого разгула, учиненного польскими бандитами, с большими подробностями описаны в крестьянских челобитных. Например, в одной из них пишется: „Нас бедных сирот твоих государевых воевали, да сожгли, государь, в трех деревнях пятнадцать дворов и на тех дворех сожгли и ржи и ярового всяково хлеба 1000 и 30 в смоленскую меру, да на тех же дворех сожжено коров и всякой дробной животины пятьсот, да взяли наших животов в полон с тех же трех деревень пятьдесят лошадей да сорок коров дойных и быков, да выдроли, государь, семдесят роев пчел... (и т. д.), а мы, государи, сироты твои государевы бедные, воеваные, от тех литовских людей убежали на лесы и за реки с женишками и з детишкоми... Нам бедным, воеваным жити негде, на тех пожженых деревнех жить немочна и пахать неначем и твои государевы пошлины платить нечим".[2]

Разгромом нескольких деревень поляки думали устрашить смоленских крестьян, и А. Гонсевский через своих агитаторов предлагал всем крестьянам Щучейской волости немедленно же признать власть польского короля. „Да пан же Олександро,— читаем в одном донесении,— присылал крестьян Велижского повета в Щучейскую волость к крестьяном с грозами, а приказывает щучейским крестьяном: „живите за мною, не бойтеся, от нас войны вам не будет, а которые крестьяне Щучейской волости не имут за нами жити, и нам де их хлеб жати и их воевати, и нигде им от моих литовских людей не избыти".[3]

Но крестьяне не сдавались на уговоры Гонсевского и оказывали самый решительный отпор польским бандитам, где в силах были это сделать, а где сил для этого нехватало, уходили в леса. Крестьяне требовали

---

1 „Акты исторические", т. II, № 186.
2 „Памятники обороны Смоленска", № 7.
3 „Акты исторические", т. II, № 246.

из Смоленска ратной помощи: „да пожалуйте, государи, нам на помочь бояр и стрельцов, сколько вы, государи, пожалуете". Крестьяне сами составляли партизанские отряды из „охочих" людей (из добровольцев). На них смоленский воевода отпускал боеприпасы. „Да на порецких на охочих людей,— писал М. Б. Шеин одному начальнику пограничной заставы,— послано пуд зелья (пороху. — *В. М.*) да пуд свинца... И тебе бы зелья давати по вестем порецким людем, как почаешь приходу литовских людей".[1] В июле 1609 года в Щучейской волости произошел целый бой между партизанами и польско-литовскими бандами.

Бывали, конечно, и такие случаи, когда крестьяне, не получив ниоткуда помощи, вынуждены были подчиняться польским насильникам и присоединяться к их отрядам. Крестьяне Щучейской волости рассказывали, что „как де воры литовские люди ходили в Порецкую волость воевать, и мы за Литвою ходили для животов своих, а не для войны",[2] т. е. под страхом смерти, а не добровольно. Крестьяне говорили чистую правду, так как сохранилось показание 42 других крестьян Щучейской волости, данное под присягой, что „Яковец Анюткин да Фетька Тележонок да брат его Фетька ж ходили с литовскими людьми в Порецкую волость, а брали их неволею с татарами засеки просекати, ходили за саблею, а прежнего воровства их не было, с литовскими людьми не схадилися, и нам то слух и ведамо есть".[3]

Огромное количество неопровержимых фактов показывает, что смоленские крестьяне встретили отряды Гонсевского и Хрипуновых чрезвычайно враждебно. И если у поляков были какие-нибудь иллюзии насчет крестьян, то они должны были совершенно рассеяться. Смоленский крестьянин остался верен своей родине, и никакие обещания и посулы не могли соблазнить его на переход под власть Польши.

Мы говорим здесь о всей массе крестьян, но надо иметь в виду, что крестьяне были раздроблены и разобщены, жили небольшими деревнями и каждая деревня

---

[1] „Акты исторические", т. II, № 209 (VI).
[2] Там же, № 353.
[3] „Памятники обороны Смоленска", № 38.

сама по себе была совершенно беззащитна. В таком распыленном состоянии крестьяне, конечно, не могли оказать серьезного сопротивления, и поляки летом 1609 года завладели Щучейской и Порецкой волостями и направились дальше к Белому.

В борьбе Щучейской и Порецкой волостей против польских интервентов был и еще один очень существенный и важный момент, раскрывавший характер взаимоотношений крестьян и смоленских помещиков. Помещики Щучейской и Порецкой волостей летом 1609 года несомненно вошли в тайный сговор с поляками и изменниками Хрипуновыми и оказывали им с своей стороны посильную помощь. Например, они убивали тех своих крестьян, которые пробирались в Смоленск к воеводе М. Б. Шеину с вестями о движении польских отрядов. Щучейские крестьяне заявляли смоленским властям: „Не смеям ходить в Смоленск к государеву боярину, бояр, своих помещиков, опасаясь. Имают нас по дорогам и в Смоленску, по вулицам, до государева боярина не допускают и побивают насмерть. Да как Иван Башмаков приходил в Щучейскую волость и племянник его, Филон Григоряв сын, убил мужика добра насмерть".[1] Оба Башмаковы были помещиками Щучейской волости, причем Иван Иванович был дворянином из „выбора", т. е. принадлежал к высшему слою смоленского дворянства.

Убийство помещиками крестьян за их верность родине и смоленскому правительству приобрело, повидимому, настолько широкий размах, что понадобился строгий приказ смоленского воеводы, запрещавший такие убийства. М. Б. Шеин писал крестьянам Щучейской волости: „И как к вам ся грамота придет, и вы бы в Смоленск с вестями и для своих дел ходили, государю царю и великому князю Василью Ивановичю всея Русии служили и прямили по прежнему; а к литовским людем бы за рубеж вам неходити. *А помещиком вашим о том заказано накрепко, чтоб вас однолично напрасно не имали, и не били, и не грабили, и насильства вам ни в чем никакого не чинили*".[2]

---

[1] „Памятники обороны Смоленска", № 26.
[2] „Акты исторические", т. II, № 217.

Даже если бы не было никаких других свидетельств о симпатиях смоленских дворян к польским интервентам, то уже одно существование такого приказа было бы ясным доказательством того, что действительно помещики прибегали и к убийствам, и к грабежу, и к всевозможным насилиям над крестьянами за их верность смоленскому правительству.

Эта борьба между помещиками и крестьянами была одним из многочисленных ответвлений крестьянской войны, так как убийство крестьян помещиками было связано с глубочайшими противоречиями между этими двумя классами. Но крестьяне Порецкой и Щучейской волостей открыто не выступили против своих помещиков; налицо как будто не было никакой крестьянской войны. Однако вооруженная борьба крестьян против поляков, являвшихся союзниками смоленских помещиков, была по сути дела продолжением крестьянской войны, но только в новой ее форме, в форме национально-освободительного движения.

8. Смоленск готовится к обороне

Главной силой гарнизона смоленской крепости в обычных условиях должны были быть смоленские дворяне и дети боярские. Общее число тех и других в 1606 году было около 1100 человек. Это было очень большой величиной по тогдашнему времени, так как в Нижнем-Новгороде, например, дворян и детей боярских было всего около 350 человек, а в Московском уезде в 1632 году дворян и детей боярских было всего 947 человек.[1] Кроме того, на помощь смоленским дворянам выделялись отряды дворян из Вязьмы, Дорогобужа, Рославля, Брянска, Серпейска и Почепа. Надо думать, что общее число их достигало 400—500 человек.

Помимо дворянских сил в состав смоленского гарнизона входило 4 приказа (полка) стрельцов — всего около 1700 бойцов и не менее 200 пушкарей.

Таким образом, помещичье-приборная армия смоленской крепости в обычных условиях доходила, очевидно,

---

[1] *Е. Д. Сташевский.* „Землевладение московского дворянства в первой половине XVII века", стр. 15.

до 3400 — 3500 человек. Это количество давало в среднем по 95 бойцов и командиров на одну крепостную башню и примыкающее к ней прясло стены. 95 или 100 человек для защиты башни и прясла, очевидно, считалось нормальным крепостным гарнизоном, помимо мобилизации крестьян и посадских, для выполнения вспомогательных фортификационных работ.

Но в 1609 году уже нельзя было оперировать расчетами мирного времени.

Причастность смоленских помещиков к заговору Ивана Зубова, придумывание ими всевозможных отговорок от похода к Москве, скрытое содействие бандам Гонсевских и Хрипуновых,— все это ясно говорило смоленским посадским и воеводе М. Б. Шенну, что дворяне — очень ненадежная защита Смоленска, что многочисленный дворянский гарнизон является скорее угрозой для самого Смоленска, чем его надежным оплотом. Поэтому смоленское правительство ни единым словом не возразило, когда Москва потребовала посылки смоленского отряда в войска Скопина-Шуйского. Наоборот, были приняты все меры к тому, чтобы большинство смоленских дворян и три стрелецких приказа 21 мая 1609 года вышли на помощь Скопину-Шуйскому.

Таким образом, смоленская крепость в июне 1609 года осталась с небольшим количеством дворян и с одним стрелецким приказом. Но видимое бессилие Смоленска в действительности было источником его силы, так как ввиду отсутствия дворянско-приборной армии, сама собою вытекла необходимость комплектования посадско-крестьянской армии.

Еще в первой половине июля М. Б. Шеин получил от своих разведчиков в Польше сообщение, что „короля чают под Смоленск к спасову дни, а не будет к спасову дни, и король будет подлинно под Смоленск к оспожину дни“.[1] Надо полагать, что М. Б. Шеин был хорошо осведомлен через свою разведку о всех приготовлениях польского короля к походу на Московское государство.

Благодаря этому М. Б. Шеина нельзя было захватить врасплох. Он уже в 20-х числах августа принял все необходимые меры к организации посадско-крестьянской

---

[1] „Акты исторические“, т. II, № 246.

армии: 18 — 20 августа (28 — 30 августа по новому стилю) М. Б. Шеин отдал приказ о сборе даточных людей (крестьянских рекрутов) „с дворянских и детей боярских поместей и с вотчин и с церковных земель“...„с сохи (т. е. с 800 четвертей, или с 1200 десятин пашни) по 6 человек, с пищальми и с топоры“, а дней через 6 — 8 была составлена „осадная городовая роспись“, в которой по башням и пряслам крепостной стены расписаны были вооруженные посадские ремесленники.

Кроме „даточных“ крестьян, снаряжавшихся помещиками и духовными землевладельцами, в смоленскую крепость добровольно приехало очень много крестьян из ближайших волостей.

Изучение документальных источников дает возможность довольно точно определить численность и классовый (для того времени сословный) состав смоленской армии обороны.

Состав смоленской оборонительной армии:

Часть армии по сословной принадлежности	Численность	Процент к итогу
1. Крестьяне	1 500 человек	27,7
2. Посадские	2 500 „	46,3
3. Дворяне и дети боярские . .	900 „	16,6
4. Стрельцы и пушкари . . .	500 „	9,4
Всего . . .	5 400 человек	100

Посадско-крестьянская часть армии составляла 74,0 проц., а дворянско-приборная всего 26,0 проц. Такой состав и дает нам право называть смоленскую армию подлинно посадско-крестьянской, или народной армией обороны.

Нам могут возразить, что большинство бойцов из крестьян и посадских еще не дает право называть армию народной, и что сущность армии определяется, во-первых, теми целями, за которые воюет армия, а во-вторых, той

политической и военно-тактической линией, которую осуществляет командный состав армии.

И по этим двум признакам смоленская армия должна быть нами признана подлинно народной.

Во-первых, целью ее войны было освобождение Русского государства от польско-литовских интервентов, освобождение русских крестьян и посадского населения от тяжелого гнета польских и литовских панов и „рыцарства“ и борьба против союза русских помещиков и польских интервентов. Все это были задачи народа, задачи всей нации.

Во-вторых, в командном составе смоленской армии хотя и находились дворяне, но они были поставлены под политический контроль представителей „лучших“ людей посадского мира, т. е. купцов. „Осадная городовая роспись“ заканчивалась так: „И всего по городу — по воротам, и по башням, и по стене — 39 человек дворян и детей боярских, да с ними посадских торговых людей 48 человек, а с ними у наряду (у пушек) подъемных и стенных людей с ружьем, посадцких всяких людей и зароденские слободы слобожан и Смоленского яму охотников 1862 человека“.[1] Таким образом, в рядах смоленской народной „гвардии“ было всего только 2 проц. дворян и детей боярских, да и то каждый из них находился под контролем одного — двух посадских торговых людей. Помещики были использованы в посадской армии как военные специалисты, но самостоятельной политической роли они в ней играть не могли.

Кроме того, сам подбор дворян и детей боярских был проведен М. Б. Шеиным таким образом, что большинство из них принадлежало не к крупным и знатным дворянам, а к средним и мелким (крупных было 13,8 проц., средних — 55,2 проц. и мелких — 31 проц.). Это находилось в резком противоречии с установившимся в то время обычаем назначать на командные посты только самых знатных дворян, а организация посадского контроля вообще была неслыханным делом.

Сохранились три варианта „осадной росписи“. По первому варианту на каждую башню и прясло назначались только три посадских командира, по второму вари-

---

1 „Памятники обороны Смоленска“, № 232.

анту — помимо трех посадских назначался еще „голова“ из дворян и, наконец, по третьему варианту число посадских командиров было несколько сокращено и доведено до отношения 1,2 : 1.

Существование трех вариантов „росписи“ с совершенно ясной тенденцией к сокращению числа посадских командиров и к установлению отношения их к дворянским командирам сначала как 3 : 1, а потом как 1,2 : 1 несомненно свидетельствует о какой-то борьбе вокруг этого вопроса. Кто-то очень упорно отстаивал интересы дворянства. Отсюда можно сделать вывод, что дворяне имели еще влияние в городе, хотя оно ни в коем случае не могло быть решающим.

Надо признать, что даже и при третьем варианте „росписи“ посадский мир вполне обеспечил себе контроль над дворянами, и это было несомненно крупной победой смоленских горожан, в значительной мере обезопасивших свой город от дворянской измены.

Посадские люди не ошиблись в своих опасениях насчет дворянских командиров. Уже в 1610 году „голова“ самой крупной башни (Фроловская башня) Никифор Ефимьев был посажен в тюрьму за измену. Никифор Ефимьев принадлежал к высшему слою смоленских дворян, был в „выборе“ и имел оклад в 750 десятин.

Что представляла собою посадская армия, как она была вооружена и построена — можно узнать из документальных источников. Для примера возьмем отряд посадского сотника Анания Семеновича Белянинова, занимавшего башню Бублейку и прясло стены от этой башни до Копытецких ворот. В этом отряде было 47 бойцов, все из посадских Воскресенской сотни.

Кроме рядовых бойцов отряд имел сотника, пятидесятника, четырех десятников, дворянского голову Истому Соколова и посадского начальника Ивана Светилу Рыжка.

Среди 48 посадских бойцов были ремесленники шестнадцати профессий: хлебники, иконники, плотники, сапожники, шапочники, оладейники, понамари, пуговичники, портные, калачники, дворники, рукавичники, батраки у посадских, лучники, сусленники и масленники. Вооружение их состояло из 24 самопалов, 15 бердышей и 4 рогатин, т. е. на 56 проц. отряд (как и вся армия)

был вооружен огнестрельным оружием. В соединении с неприступной каменной крепостью, да при том условии, что посадские защищали свой родной город, посадская армия представляла собою такую мощную силу, о которую обломала бы себе зубы любая европейская армия, а не только польско-литовская.

Кроме рядовых стенных бойцов отряд А. С. Белянинова имел пушкарей и затинщиков. Башня Бублейка была вооружена тремя затинными пищалями и двумя пищалями более крупного калибра (ядро весом в полфунта).

Пушкарями при них были тоже главным образом посадские ремесленники. „В подошвенном бою 2 пищали затинные,[1] а к ним затинщики Ивашко скорняк, да Дружинка седельник. В среднем бою выше того пищаль сороковая..., пушкарь к ней Жданко Остафьев сын Торачечник, да туто же затинная пищаль, к ней затинщик Никонко портной мастер. В верхнем бою пищаль сороковая... пушкарь к ней Михалко сапожник".[2] Из пяти артиллеристов только один был профессиональным пушкарем, а четверо были простыми ремесленниками (скорняк, седельник, портной и сапожник). Но осада показала, что посадские люди оказались не только хорошими бойцами, но и хорошими артиллеристами. Недостаток профессионалов-артиллеристов в конечном счете сыграл для народной армии не отрицательную, а положительную роль.

Создание совершенно новой армии, скомплектованной путем мобилизации способных носить оружие горожан и имевшей свой командный состав из представителей посадского мира, было одним из величайших достижений смоленского правительства.

По отношению к 1609 году, а тем более к 1610 и 1611 годам есть все основания говорить о смоленском правительстве, а не просто о воеводском управлении. В условиях полной изоляции от Москвы, созданной польской осадой, смолянам приходилось самостоятельно решать крупнейшие государственные вопросы из области

---

[1] Пищаль затинная — ружье крупного калибра для стрельбы из-за стены (из-за тына).

[2] „Памятники обороны Смоленска", № 229.

внешней и внутренней политики. А с осени 1610 года смоленское правительство вообще отказалось подчиняться приказам московского изменнического правительства и заняло самостоятельную линию во внешней политике.

Первый, самый крупный после создания армии, вопрос, который пришлось решать смоленскому правительству, был вопрос о судьбе городского посада, расположенного вне городской стены, на правом берегу Днепра. При подходе поляков к Смоленску интересы обороны требовали уничтожения посада, в котором было до 6000 домов и который был средоточием всей торгово-промышленной деятельности Смоленска. Для решения этого вопроса в Смоленске был образован совет в составе воевод и представителей посадского мира. По приговору этого совета городской посад был зажжен вечером 29 сентября (по нов. стилю) 1609 года, на третий день после появления передовых частей польской армии. О существовании общепосадского совета говорит следующее место из письма смоленского архиепископа царю Шуйскому: „боярин твой государев и воеводы, Михайла Борисович Шеин с товарыщи, *приговоря с смольняны со всякими людьми,* смоленские посады велели выжечи для приступу литовского короля".[1]

Если бы вопрос решался обычным путем воеводской и посадской избами, то письмо должно было бы говорить о приговоре воевод и посадских старост, а не „смольнян всяких людей". Совершенно очевидно, что для решения вопроса о добровольном уничтожении большого города в 6000 дворов необходимо было знать мнение всех смоленских горожан, а для этого необходимо было создать городской совет широкого состава, нечто вроде городского веча или городского земского собора.

Совершившийся в Смоленске акт добровольного уничтожения горожанами всего своего имущества во имя защиты родины еще не оценен по-настоящему ни историками, ни художниками. Это — яркое выражение исключительной по своей силе любви к родине и такой же исключительной ненависти к врагам своей родины. Сожжение смоленского посада было грозным предзнаменованием для польских интервентов; оно говорило, что

---

[1] „Акты исторические", т. II, № 264.

когда на борьбу поднялись народные массы, то борьба будет вестись до последнего издыхания, до последней капли крови.

Вскоре городскому совету пришлось решать другой крупный общегосударственный вопрос об отношении к предложению польского короля сдать город без боя и признать его власть. Уничтожением посада горожане уже предрешили свой ответ, но мнение других сословий еще не было известно. В этом случае городской совет был дополнен представителями других сословий и вообще всех „жилецких людей". О составе этого совета находим указание в обращении совета к царю 19 октября (по нов. стилю) 1609 г.: „Мы, твоя государева сирота,— говорится в обращении,— *посоветовав* с твоим государевым богомольцом, преосвященным Сергием архиепископом смоленским, да с твоим государевым боярином и воеводы, с Михайлом Борисовичем Шеиным, да со князем Петром Ивановичем Горчаковым, да с дьяком с Никоном Алексеевым, *и с служилыми людьми, и с стрельцы и пушкари, и со всякими жилетцкими людьми,* литовскому королю и радным паном отказали"...[1]

Из этих слов видно, что инициатива была в руках посадского ядра городского совета — самой многочисленной и политически влиятельной его части. В обращении подчеркнуто: „мы посоветовав", т. е. мы, посадские, пригласили на совет архиепископа, воевод, представителей от служилых людей, от стрельцов, пушкарей и от жилецких людей.

Таков был верховный орган власти в осажденном Смоленске. Его исполнительными органами были: воеводская изба (управление воеводы и штаб главнокомандующего) и посадская, или земская изба во главе с двумя старостами: Лукой Горбачовым и Юрием Огопьяновым (купец).

Называя верховный орган управления в осажденном Смоленске городским советом, мы подчеркиваем факт несомненного сходства по форме и тождества по классовому содержанию движения горожан Смоленска в 1609—1611 годах и горожан Нижнего в 1611—1612 годах. В исторической литературе, посвященной нижегородскому

---

[1] „Акты исторические", т. II, № 267.

движению, верховный орган временного правительства в Нижнем назван именно городским советом. Например, в исследовании П. Любомирова пишется: „В тревожных обстоятельствах смуты в Нижнем создался и занял руководящее положение городской совет из представителей всех слоев населения, с воеводами во главе".[1] Это показывает, что через два года Нижний пошел буквально по стопам Смоленска. Такая яркая историческая повторяемость объясняется тем, что в Нижнем действовали те же самые общественные силы, что и в Смоленске, и в сходных исторических условиях они поступали одинаково. В Нижнем „на заседании совета,— пишет П. Любомиров,— представители посада, так сказать, официально познакомили воевод и представителей духовенства и служилых людей с намерением посадских".[2] Буквально то же самое мы читали в обращении смолян к царю 19 октября 1609 года.

„Решение посада при силе и значении его в Нижнем было в сущности уже почти решением города. Но для успеха предприятия очень ценным должно было быть добровольное подчинение остальных сограждан".[3] Посад в Смоленске играл еще более крупную роль, чем в Нижнем, но все же и в Смоленске посадские решили добиться поддержки остальных сословий в организации отпора Сигизмунду.

Все различие внутренней обстановки, сложившейся в Смоленске и в Нижнем, заключалось в том, что борьба между помещиками и посадскими была более ожесточенной в Смоленске и значительно более слабой в Нижнем, так как в 1611 году русское дворянство увидело себя кругом обманутым поляками и уже успело разочароваться в них.

Нижний дал крупнейших вождей национально-освободительного движения: посадского старосту Кузьму Минина и воеводу ополчения князя Д. М. Пожарского. Имел ли своего Минина и Пожарского Смоленск?

---

1 Журнал Министерства народного просвещения. Март 1913 г. *П. Любомиров.* „Очерк истории нижегородского ополчения 1611 — 1613 гг"., стр. 146.

2 Там же, стр. 147.

3 Там же, стр. 146.

Конечно, было бы пошлостью и пустословием отыскивать сходство между Смоленском и Нижним вплоть до Минина и Пожарского. Историческая повторяемость не может доходить до совершенно тождественного повторения исторических героев. Мы свой вопрос понимаем только так: сумел ли посадский мир Смоленска выдвинуть своего собственного крупного политического вождя, наподобие Кузьмы Минина, и был ли в Смоленске в такой же мере преданный интересам посадского мира воевода, каким был Пожарский в Нижнем?

На протяжении всей обороны в Смоленске было четверо посадских старост (ежегодно избиралось по двое старост): Лука Горбачов и Юрий Огопьянов, Оксен Дюкарев и Данила Лешин.

Ни один из них не выделился в качестве главного инициатора и организатора обороны. Все четверо принимали деятельное участие в обороне, но, очевидно, в Смоленске еще задолго до начала обороны сложилась влиятельная и крепкая партия посадских, в которой старосты были только выразителями общих интересов. Ни один из посадских старост не может быть назван политическим лидером этой партии, но возможно, что у посадских был свой вождь, однако история не сохранила нам его имени.

Но зато Смоленск имел посадского воеводу, не менее талантливого и стойкого, чем князь Д. М. Пожарский, это — воевода М. Б. Шеин. М. Б. Шеин сыграл очень крупную роль в обороне Смоленска, и его значение было тем бо́льшим, чем ближе он примыкал к посадскому миру и чем последовательнее проводил его политику.

О жизни М. Б. Шеина до смоленской обороны нам очень мало известно, однако и то, что известно, помогает понять, почему М. Б. Шеин из двух политических партий в Смоленске (дворянской и посадской) предпочел посадскую и оставался ей верен до конца.

В 1604 году М. Б. Шеин был воеводой в большом полку, стоявшем на южной украйне, под Мценском. В 1605 году он находился уже в армии, посланной Борисом Годуновым против лже-Димитрия. В бою под Добрыничами (20 янв. 1605 г.) Шеин спас жизнь главного воеводы Ф. И. Мстиславского. Очевидно за это Шеин

был послан в Москву с радостным известием о победе над неприятелем. Исаак Масса сообщает об этом событии и называет М. Б. Шеина молодым дворянином. Он пишет: „С пленными послали к царю молодого дворянина, с просьбой к царю наградить этого дворянина, ибо в одном сражении с приверженцами Димитрия он спас от смерти воеводу; и я видел, как все это было привезено в Москву 8 февраля“. [1]

Так как Исаак Масса сам видел Шеина и назвал его молодым, то можно думать, что Шеину в то время было не больше 30 лет.

За отличие под Добрыничами Борис Годунов произвел М. Б. Шеина в чин окольничего и послал воеводой в Новгород-Северский, вместо князя И. В. Голицына.

В царствование лже-Димитрия I М. Б. Шеин назначается воеводой в передовой полк в Ливны. Там Шеин находился в момент убийства лже-Димитрия (17 мая 1606 г.) и оставался все лето 1606 года, вплоть до восстания Ив. Болотникова. Восставшие крестьяне напали на полк Шеина, и сам Шеин едва успел спастись бегством. В „Разрядных записях за Смутное время“ написано: „А с Ливен Михайло Борисович Шеин утек душою да телом, а животы ево и дворянские пограбили“.

Когда В. И. Шуйский формировал армию против Болотникова, осадившего Москву, то назначил М. Б. Шеина воеводой передового полка. Большой интерес представляет состав воевод этой армии. В грозный час, когда решалась судьба не только царя Шуйского, но и всего боярско-дворянского класса, воеводы были назначены „без мест“, т. е. без местничества по родовитости.

В передовом полку воеводами были: князь И. И. Шуйский, князь И. В. Голицын и окольничий М. Б. Шеин; в другом полку воеводами были: князь М. В. Скопин-Шуйский, князь А. В. Голицын и князь Б. П. Татев. Среди пяти князей-воевод был один молодой окольничий Шеин. Конечно, он не мог тягаться родовитостью с князьями Шуйскими и Голицыными, поэтому, повидимому, и понадобилось объявить службу „без мест“.

---

[1] *Ис. Масса.* „Краткое известие о Московии“, стр. 90, изд. 1937 г.

М. Б. Шеин мог попасть на этот пост только благодаря своим военным дарованиям.

После разгрома И. Болотникова под Москвой М. Б. Шеин принимал участие в осаде Тулы, и уже из-под Тулы в 1608 году получил назначение первым воеводой в Смоленск. Это было крупным выдвижением для молодого М. Б. Шеина.

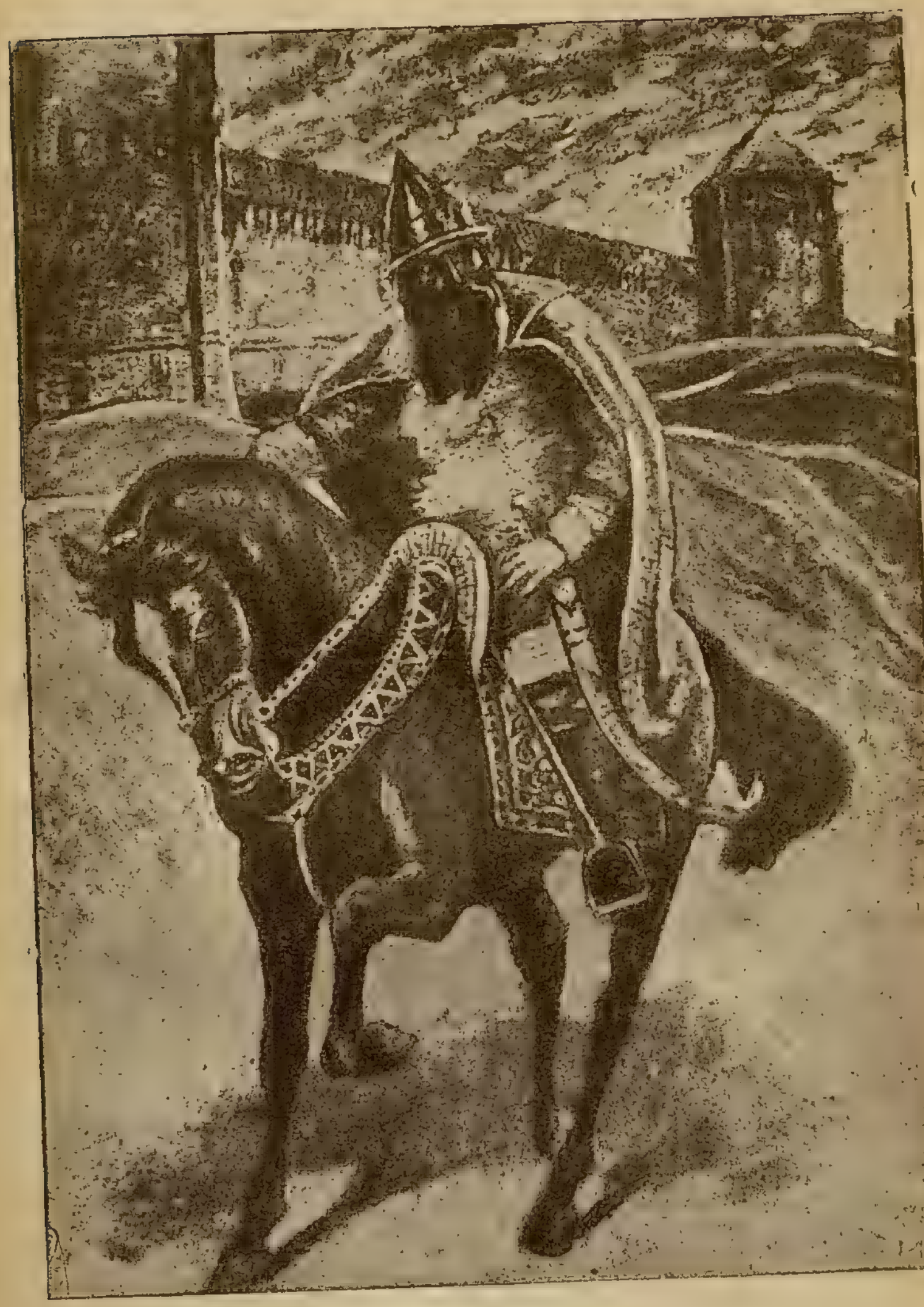
Что можно сказать по этим биографическим данным о политической физиономии М. Б. Шеина?

Молодым человеком начал он свою военную карьеру при Борисе Годунове, был выдвиженцем Бориса и едва ли мог принадлежать к клике Шуйских, противников Годунова. При лже-Димитрии и В. И. Шуйском он мог получать высокие назначения не в силу особой близости к тому или другому, а, очевидно, главным образом за личные военные способности.

После того как М. Б. Шеину пришлось спасаться „душой да телом" от восставших крестьян, после того как ему пришлось громить их под Москвой и Тулой, никак нельзя предполагать у Шеина большого расположения к крестьянам и большого сочувствия их угнетенному положению. Поэтому, когда мы в смоленском Шеине видим сторонника крестьянства и даже защитника их от насилий дворян, то это не могло быть личной политикой Шеина, а, очевидно, отражало линию смоленского посадского мира, на сторону которого стал Шеин.

Что же могло заставить М. Б. Шеина примкнуть к смоленскому посадскому миру, а не к дворянству? Во-первых, его социальное положение крупного землевладельца-боярина, сторонника аристократического господства, а не дворянской демократии; во-вторых, его стремление в соответствии с этим найти антидворянскую опору, особенно после того, как события отрезали Смоленск от Москвы; в-третьих, его антипольские взгляды.

Известную роль в политической гибкости М. Б. Шеина сыграли его молодость, подвижность взглядов, отсутствие традиционной боярской косности, четырехлетнее непрерывное пребывание в войсках, большое личное мужество, уменье командовать войсками и управлять, отсутствие личной связи со смоленским дворянством, большая энергия и вкус к крупным политическим делам.



„Воевода М. Б. Шеин".

С картины худ. В. И. Мушкетова. Смол. гос. музей.

Стойкость и упорство обороны Смоленска поляки приписывали упрямству воеводы М. Б. Шеина, который действовал будто бы по наущению князя В. В. Голицына. Главная причина упорства в обороне Смоленска заключалась, конечно, не в М. Б. Шеине, а в посадских и крестьянских массах Смоленска; но зато тесная связь М. Б. Шеина с посадским миром сделала его подлинно народным воеводой, народным героем, и недаром смоленские дворяне презрительно называли его вторым Болотниковым.

9. Посадские и крестьянские массы во время осады Смоленска (октябрь 1609 — июнь 1611 гг.)

Состав армии Смоленска ясно говорит нам, что главной силой обороны были посадские люди и крестьяне. Стихийно сложившийся оборонительный союз этих двух классов оказался той второй неодолимой стеной Смоленска, которая неожиданно выросла перед поляками и которая в конце концов привела к крушению замыслы интервентов.

Посадско-крестьянский блок в Смоленске возглавлялся верхушкой посадского мира и воеводой М. Б. Шеиным. Уже одно это обстоятельство подсказывает нам, что блок не мог стремиться ни к каким социальным реформам, что он вовсе не думал изменять в чем-либо положение крестьян и холопов.

Действительно, смоленское правительство в своих программных документах было твердым сторонником царской власти и таким же твердым сторонником сохранения зависимости крестьян от помещиков. Ничего неожиданного в такой политической позиции „лучших" посадских не было. В своих замечательных работах, посвященных изучению крестьянских движений и разложения феодализма в Западной Европе, Энгельс показал, что такова же была позиция и верхнего слоя бюргерства западноевропейских городов. Энгельс писал: „Союз королевской власти и буржуазии ведет свое начало с X века; нередко он нарушался в результате конфликтов; далеко не всегда в течение всех средних веков дело шло этим путем объединения, все же этот союз возобновлялся все тверже, все могущественнее, пока, наконец, он не помог коро-

левской власти одержать окончательную победу, и королевская власть в благодарность за это поработила и ограбила своего союзника". [1] Указание Энгельса имеет огромное значение для понимания соотношения классовых сил, особенно в период разложения феодализма; оно в полной мере применимо и к России начала XVII века. Однако нельзя забывать, что бюргеры, или верхний слой горожан, или, иначе говоря, буржуазия средневековья— это еще далеко не та буржуазия, которая родилась в капиталистической промышленности, как и наемный рабочий или городская беднота феодальных городов не являлись пролетариатом в позднейшем смысле слова, а только предшественниками пролетариата.

Поэтому совершенно естественно, что смоленские посадские были сторонниками царской власти, но это еще не значит, что они готовы были признать русским царем любого польского ставленника или даже самого польского короля. Посадский мир Смоленска, как и других городов, боролся за национальную независимость русского государства. В то время национальные государства возможны были только в монархической форме. Однако воцарение в Москве Сигизмунда III было бы равносильно уничтожению национальной независимости России. Поэтому русский народ и восстал против польского владычества. Вот именно в этом вопросе и пролегало важнейшее различие политической позиции посадских и дворянства.

Дворянство охотно шло на утрату национальной независимости России и на подчинение ее польскому королю. На это размежевание дворянства и городов указывал еще Энгельс. Он писал: „в обществе позднего средневековья феодальное дворянство в экономическом отношении начало становиться излишним, даже прямой помехой..." „и политически оно точно также стояло поперек дороги и развитию городов и национальному государству, которое тогда было возможно только в монархической форме". [2] Эта характеристика как нельзя более соответствует позиции смоленского дворянства в 1609—1610 годах.

---

[1] *Маркс и Энгельс.* Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 445.
[2] Там же, стр. 446.

На первый взгляд кажется, что только одни смоленские посадские оказали решительный отпор Сигизмунду, а посадские других городов остались сначала равнодушны, и что лишь с конца 1610 года движение посадских приобрело широкий размах. Но пристальное изучение смоленской обороны говорит о другом. Оказывается, в смоленской осаде сидели также и дорогобужские и вяземские посадские, а также брянские и серпейские мещане, т. е. смоленская оборона была делом не одного Смоленска, а целой группы экономически связанных с ним городов. Смоленская оборона находила сочувствующих даже среди горожан некоторых литовских и белорусских городов. Сохранилось известие, что когда поляки подошли к Смоленску, то на стенах его они увидели виленских горожан. Доказать это известие документально пока еще невозможно, но зато точно известно, что полоцкие горожане проникали в осажденный Смоленск и убеждали осажденных не сдаваться Сигизмунду. Таким образом, смоленская оборона была не узко местным событием, а фактом широкого исторического значения.

Посадский мир внес много нового прежде всего в организацию своего лучшего творения — посадской армии. Мы уже говорили о формировании ее командного состава, о посадских командирах при дворянских „головах". Теперь необходимо указать на дисциплину в посадской армии. Смоленск открыл новую страницу в истории русской армии тем, что ввел смертную казнь за нарушение воинской дисциплины.

До этого времени в дворянских армиях самым тяжелым наказанием за нарушение дисциплины было лишение дворянина поместья. Смертная казнь применялась только к политическим противникам и к уголовным преступникам. А Смоленск нарушение воинской дисциплины приравнял к самому тяжелому политическому преступлению.

6 ноября 1609 года в Смоленске был опубликован следующий приказ: „И посадцким старостам велети прокликати бирючю по всем торшком и по крестцом и по всем слободкам и по улицам, что те люди, которым по росписем велено быти на городе со всяким боем, и те б люди стояли все сполна по своим местом с своим боем безотступно с великим бережением по смотру, а

ково по росписи на городе не будет и тому *быти казнену смертью*".[1]

Но наряду с неслыханно суровой дисциплиной, в посадской армии существовал и известный демократизм, выражавшийся в том, что армия принимала участие в решении самых крупных политических вопросов. Например, на обсуждение армии было поставлено предложение Сигизмунда сдать крепость. Один смоленский посадский торговый человек пишет: „А в город король пишет прелестные грамоты почасту. И мне с торговыми людьми сход был под стеною по боярской присылки и по мирской; и я им, не маня, отказал без опасу и они после того и пущи стали по городу бити и по хоромом".[2] В переводе на современный язык это место письма можно передать так: „Король часто присылает предложения сдать город. По поручению воеводской и земской избы у меня было совещание под стеной с посадскими торговыми людьми, несущими службу на стене. И в ответ на предложение поляков я им отказал сразу без всякого страха. И поляки после этого еще сильнее стали бить по стене и по домам жителей".

Но, несмотря на стремление смоленского командования ввести в армии суровую дисциплину, достигнуть полностью этого не удалось. Вскоре обнаружилась своеобразная форма обхода приказа о ратной службе: богатые посадские стали нанимать за себя караульных на стену. Нанимались главным образом крестьяне.

Смоленский посадский, как истый буржуа последующих веков, считал, что за деньги можно все купить и что́ ничего предосудительного нет в том, что он нанял за себя в караул человека за деньги. Сначала смоленское правительство обрушилось со всей строгостью на такие случаи найма, но потом, как можно судить по документам воеводской избы, отступило перед силой нового обычая. Наем работников из крестьян в то время был широко распространенным явлением не только в городе, но даже и в деревне.

Вооруженные „даточные" люди из деревни (крестьянские рекруты) входили в состав особых резервных

---

[1] „Памятники обороны Смоленска", № 65.
[2] „Акты исторические", т. II, № 354.

отрядов, которые не несли караульной службы на стене, а предназначались для отражения штурмов, для починки разрушений от бомбардировки и взрывов и для других работ. Кроме того, на крестьян возложена была самая тяжелая и опасная работа в „слухах". Эта работа заключалась в том, что за стены крепости выводились подземные галереи для подслушивания подкопов противника и для устройства контрмин. Копавшие „слухи" крестьяне постоянно рисковали быть задавленными землей или же быть взорванными минами противника.

Такое разделение труда в армии, когда вооруженные посадские являлись бойцами первой линии обороны, а крестьяне были заняты на самых опасных фортификационных работах, естественно, приводило к наибольшим потерям в рядах посадских и крестьян. Обработка некоторых показаний русских пленных приводит к заключению, что за первые 9 месяцев осады посадско-крестьянская часть потеряла 1000 бойцов, а дворянско-приборная всего 200 человек, т. е. потери первой доходили до 25 проц., а потери второй только до 14 проц. их состава.

Если крестьяне, входившие в состав оборонительной армии, показывали замечательные примеры мужества и свою готовность отдать жизнь за спасение родины, то как встретили польскую армию крестьяне, оставшиеся в деревнях?

Многочисленные документальные источники говорят, что крестьяне встретили поляков враждебно. Повторилось в более широком масштабе то же самое, что было в Щучейской и Порецкой волостях весной и летом 1609 года. Многие крестьяне бросили свои дома и ушли со скотом и хлебом в глухие леса, часть крестьян образовала партизанские отряды, носившие несколько странное название „шишей", и лишь незначительная часть крестьян осталась в деревнях.

Полякам в поисках продовольствия пришлось сразу же начать охоту за ушедшими в лес крестьянами. Один из таких случаев описан участником королевского похода на Смоленск, шляхтичем Маскевичем. Он пишет: „Когда король подступил к Смоленску, окрестные жители бежали в леса с домашним скотом и образами, на коих полагали всю надежду. Но как наши, отыскивая в лесах съестные припасы, настигли там русских и отняли у них скот,

то они, разгневавшись на свои образа, повесили их для позора на деревьях вверх ногами, приговаривая: „Мы вам молимся, а вы нас от Литвы не оборонили“.

Кроме Маскевича о бегстве крестьян в леса говорят и многочисленные русские источники. Из этих же источников мы узнаем еще об одном замечательном факте: много крестьян, скрывавшихся в лесах, потом с опасностью для жизни пробирались через кольцо польских войск в осажденный Смоленск.

Приведем несколько таких примеров. 6 ноября 1609 года в Смоленск пробрались „из Максимовского стану Левоптьевы крестьяне Скобельцына Тимошка Митяев да Васька Петров да Жданка Федоров, а сказали, как де пришли к ним литовские люди и они де от литовских людей бегали по лесу и жили в лесу“.[1] „18 ноября 1609 года в Смоленск пробрались крестьяне Вопецкой волости Ивашко Семенов да Федька Кузьмин, а сказали: были деи они в Смоленском уезде, бегали от литовских людей по лесам и его деи Ивашку литовские люди на Филипова заговеина (14 ноября. — *В. М.*) изъемали и привели его в Вопецкую же волость в деревню Доманежи к пану Вишневетцкому. И был деи он в той деревни одну ночь и из той деревни ушел на другой день в тот же лес, где жили, и сыскал он тут Федьку Кузьмина и с тем Федьком шли из того лесу в Смоленск три дни“.[2] В Смоленск пробирались и крестьянки. Так, 8 ноября 1609 года „вышла из полону Покрова пречистые богородицы крестьянка Марица Ларионова с сыном своим с Марком, а сказала: взяли деи ее литовские люди в лесу и привели ее к Михаилу-на-ветру и была она у литовских людей недели с четыре“.[3]

Таких случаев было много и все они подтверждают, что смоленские крестьяне убегали от поляков в леса, а если и бывали пойманы, то снова уходили. Вызывалось это тем, что польские и литовские паны и шляхтичи всех захваченных русских крестьян делали своими крепостными и очень многих из них под стражей отправляли в свои имения на работу. Интервенты действовали, как какие-нибудь рабовладельцы-плантаторы в Африке,

---

1 „Памятники обороны Смоленска“, № 68.
2 Там же, № 76.
3 Там же, № 72.

делавшие рабами захваченных в плен негров. Смоленский крестьянин не хотел превращаться в раба польского пана и уходил от него в лес или пробирался в Смоленск. Но последнее дело было необыкновенно трудным и рискованным. В Смоленск бежали чаще всего те, у кого там были родственники.

Несомненно, известную защиту крестьянам оказывали и партизанские отряды. О боях партизан с поляками говорят как русские, так и польские источники. Так, один русский источник говорит, что в конце сентября или в начале октября 1609 года „в Щучье щученские мужики побили литовских людей человек с полтораста". Это мог сделать только очень крупный и сильный партизанский отряд. Затем дневник королевского похода сообщает: „Того же дня (1 ноября 1609 г.) пришло известие, что Скопин-Шуйский послал из своего войска 30 бояр собирать разбежавшихся по лесам людей и с ними ловить и бить наши пикеты. Из этих бояр один — некий Треска — собрал 3000 хлопства (крестьян. — *В. М.*) и, нападая из лесу, убил 40 пахоликов маршала и 10 казаков краковского каштеляна".[1]

Бегство крестьян от поляков в леса, уход крестьян в Смоленск, партизанское движение — все это ясно говорит о враждебном отношении смоленских крестьян к полякам и опрокидывает легенду, сочиненную смоленскими помещиками, о том, что будто бы крестьяне в осаду не пошли, а остались в деревнях, прельстившись польскими обещаниями вольности. В этой сплетне смоленские помещики по-своему пытались истолковать случаи неповиновения им крестьян. Смоленские же крестьяне, выступая против своих помещиков, делали это без всякой связи с польским нашествием, а сводили с помещиками старые счеты, не законченные еще с 1606 года.

II. Предательская тактика смоленского дворянства и духовенства

После заговора Ивана Зубова, после скрытого пособничества смоленских дворян бандам Гонсевского, следовало ожидать какого-нибудь более крупного вы-

---

[1] „Русская историческая библиотека", т. I, стр. 470—471.

ступления дворян в пользу поляков. Это выступление смоленские дворяне готовили к моменту вторжения польской армии в пределы Смоленского уезда. Указание на это мы находим в „Записках“ гетмана Жолкевского. Перед походом на Смоленск Жолкевский виделся с королем Сигизмундом и спрашивал его, что слышно о Смоленске. Из ответа короля выяснилось, что „те, кои обнадеживали короля (несомненно, Гонсевский, Сапега и др.), говорили, что пока его величество находится далеко, то боярам (так поляки обычно называли дворян и детей боярских. — *В. М.*) трудно отзываться в его пользу, но когда услышат, что король уже в московских границах, то они обнаружат свои желания и хорошее расположение к королю“.[1]

Не может быть никакого сомнения в том, что под боярами подразумевались смоленские дворяне и дети боярские, так как разговор между королем и гетманом шел только о Смоленске. Жолкевский, повидимому, потому так тщательно записал разговор с королем, что сам не разделял надежд на смоленских дворян и на сдачу Смоленска без боя.

Практически хорошее расположение смоленских дворян к королю должно было выразиться в сдаче города без боя и, как можно видеть из „Записок“ Жолкевского, в помощи Гонсевскому несколькими сотнями конных и пеших людей.

Но даже при всем своем желании смоленские дворяне не могли выполнить своих обещаний по двум причинам: во-первых, большинство дворян находилось в войсках Скопина-Шуйского, во-вторых, фактическим хозяином в городе был посадский мир, и оставшиеся в Смоленске дворяне просто не решились выступить открыто на стороне поляков, так как при своей малочисленности они были бы немедленно раздавлены. А что поляки серьезно рассчитывали на сдачу Смоленска без боя, об этом говорят многочисленные современные и русские и иностранные источники. Но в то же время всякому здравомыслящему человеку покажется очень странным, как это такие трезвые политики, как польско-литовские паны, могли обольщаться нелепой надеждой

---

[1] „Записки Жолкевского“, стр. 27.

на сдачу без боя сильнейшей в Европе крепости. Под такими, на первый взгляд детски-наивными, надеждами несомненно скрывались очень серьезные гарантии, полученные Гонсевским и Хрипуновыми от смоленских дворян.

Крушение розовых надежд польских панов говорило о том, что паны сильно просчитались в могуществе своих тайных союзников и совершенно не приняли во внимание силу сопротивления русского народа.

Ошибка польских панов была такого же рода, какую потом повторил и Наполеон, шедший по той же самой дороге на Москву, как и Сигизмунд III.

Смоленские дворяне, оказавшиеся волею судеб в осаде от своих же союзников, не решались открыто высказывать свои взгляды в городе, но они очень быстро сбрасывали личину, как только оказывались вне стен Смоленска. Это они демонстрировали уже в первый месяц осады.

Поляки 24 октября (нов. стиля) 1609 года захватили Григория Мешаева, архиепископского сына боярского, посланного из Смоленска в Москву с донесениями от Шеина. Уже 29 октября Григорий Мешаев обратился к защитникам крепости с увещаниями сдаться польскому королю. В дневнике королевского похода записано: „К вечеру наши выслали на ближайшие шанцы на переговоры с русскими пленного боярина, пойманного с письмами. Находясь в шанцах, он громко начал убеждать их ударить челом королю, представляя им разные и великие опасности от их упорства". Когда же смоляне остались равнодушны к увещаниям, „он старался еще более убеждать их, говорил, что Шуйский не пришлет помощи, потому что не может, и войско короля велико и будет пустошить уволоки их".[1]

Среди оставшихся в Смоленске дворян возник какой-то тайный шпионский центр, который ставил своей задачей посредством перебежчиков осведомлять польский лагерь о всех важнейших мероприятиях смоленского командования. В этом можно убедиться не только из факта, что этот центр был раскрыт смоленским правительством в августе 1610 года, но и из анализа доне-

---

[1] „Русская историческая библиотека, т. I, стр. 468.

сений перебежчиков. Так, 3 ноября (нов. стиля) 1609 года к полякам перебежал стрелец, сообщивший, что осажденные готовят вылазку. Благодаря принятым поляками своевременно мерам вылазка не удалась. 19 ноября новый перебежчик сообщил, что к Шуйскому посланы гонцы. Поляки немедленно снарядили за гонцами погоню. 30 ноября перебежчик из смоленских дворян сообщил о готовящейся вылазке. 10 декабря перебежчик-стрелец донес о том, что осажденные роют ров к реке за водой. Наконец, 16 декабря в дневнике похода было записано: „Стрельцы передаются нам каждый день, убегая царской казни". Очевидно, уже в это время смоленское правительство обнаружило заговор среди стрельцов, и виновным стало угрожать наказание, так как ни за что другое стрельцов казнить не могли.

От дворян не отставало и духовенство.

13 ноября 1609 года поляки выставили из шанцев брата игумена смоленского Троицкого монастыря и еще кого-то из русских. „Эти пленные,— сообщает дневник королевского похода,—долго убеждали русских, бывших на стене крепости, сдаться, но напрасно. После долгой перебранки корчемными словами, разошлись. Затем русские стали необычайно часто стрелять".[1]

В начале декабря к польскому командованию явился какой-то смоленский поп с предложением, „чтобы король дал письмо к архиепископу, воеводам, стрельцам и к миру. Он готов итти даже на мучения, но будет говорить и убеждать их не противиться воле божией и сдаться, не увеличивать более в земле разорения и кровопролития. Для большей крепости он оставляет у гетмана своего сына".[2] По польским сведениям, поп потерпел полную неудачу в Смоленске и был подвергнут пытке.

Все эти факты очень убедительно говорят, что смоленские дворяне и попы, будучи сознательными и бессознательными агентами панской Польши, представляли собой антинародную реакционную силу.

Перебегавшие к полякам смоленские дворяне вступали на службу к польскому королю и получали от него

---

[1] „Русская историческая библиотека", стр. 480.
[2] Там же, стр. 491

грамоты на поместья. Польские источники, отмечавшие эти факты, крайне неполны, но и по ним с достаточной определенностью вырисовывается картина перехода смоленских помещиков в лагерь польского короля.

Тут надо иметь в виду, что переход дворян из осажденной крепости был крайне затруднен и совершался единицами. Более крупными партиями переходили те смоленские дворяне, которые находились в Москве в войсках Скопина-Шуйского, но и в последнем случае следует принять во внимание, что смоленские помещики были связаны московской обстановкой и не всегда могли действовать открыто. С февраля по июль 1610 года к полякам перешло всего девять смоленских дворян. С июля по август к польскому королю перешло 52 смоленских помещика и с августа по декабрь 1610 года перешло 140 помещиков, т. е., по документальным данным, на королевскую службу перешло всего две сотни смоленских помещиков (около 20 проц.). Но это несомненно крайне преуменьшенные данные. Следует считать, что в действительности смоленских помещиков в лагере Сигизмунда было раза в 3–4 больше.

С возрастанием перехода смоленских помещиков на службу к королю усиливалась и шпионская деятельность сидевших в осаде дворян.

Одной из крупных операций изменнического центра была переброска к полякам 8 августа (нов. стиля) 1610 года сразу двух шпионов из смоленских дворян. По польским и русским источникам можно восстановить все подробности этой операции.

Через пять дней после бегства этих шпионов смоленское правительство напало на след тайного шпионского центра. Однако, не имея ясного представления о характере открытой им организации, правительство сначала ограничилось только тем, что дало на поруки пятерых смоленских дворян: Петра Башмакова (дворовый, оклад 675 дес.), Якова Головачева (оклад неизвестен), Михаила Румянцева (городовой, оклад 600 дес.), Богдана Озеренского (архиепископский сын боярский, оклад 525 дес.) и Леонтия Бунакова (оклад неизвестен, бывший участник группы Ивана Зубова).

Расследование дела скоро открыло новых участников шпионского центра: Дениса Шушерина (городовой, оклад

600 дес.), Богдана Тихонова (дворовый, оклад 675 дес.), Ивана Макшеева (выбор, оклад 1050 дес.), Никифора Бестужева (дворовый, оклад 750 дес.) и жену князя Василия Морткина. Перебежавшими к полякам шпионами оказались: князь Василий Морткин (архиепископский сын боярский, оклад 600 дес.) и Михаил Сущов (городовой, оклад 600 дес.).

Изменническая организация, таким образом, представляла собою объединение верхов правительственного дворянства и дво янства смоленского архиепископа. Наиболее крупными фигурами в ней были: со стороны первых — Иван Макшеев, а со стороны вторых — князь Василий Морткин.

По размерам окладов заговорщики распределялись так:

с окладом в	1 050	десятин был	1	человек
„	750	„ „	1	„
„	675	„ „	2	„
„	600	„ „	4	„
„	525	„ „	1	„

Мы здесь опять видим крупных и средних смоленских помещиков. Вместе с тем, здесь невольно возникает вопрос: если во главе шпионского центра, действовавшего почти в течение целого года, стояли самые крупные представители светского и духовного дворянства (И. Макшеев и В. Морткин), то неужели в него не были вовлечены и официальные главы того и другого, т. е. воевода М. Б. Шеин и архиепископ смоленский Сергий?

Относительно М. Б. Шеина приходится решительно заявить, что он не был причастен к изменническому центру. Об этом говорит очень много фактических данных, перечислять которые нет большой необходимости. Но совсем другое дело — смоленский архиепископ Сергий. Автор „Нового летописца“ прямо называет его сторонником польского короля. „В Смоленске ж,— пишет он,— воевода Михайло Борисович Шеин сидяще крепко, никако ж ни на что не прельстися, а с архиепископом бяше в розни для того, что архиепископ хотяще город здати королю“.[1] Летописец несомненно

[1] „Полное собрание русских летописей“, т. XIV, первая половина, стр. 103.

записал уже прочно установившееся мнение современников о политической позиции смоленского архиепископа.

Следствие над привлеченными к ответственности изменниками показало, что, во-первых, „князя Василья Морткина да Михалку Сущова отпустили к королю в таборы они все...“, а во вторых, „как деи они князя Василия и Михалка Сущова отпустили и с ними приказывали, а велели промышлять над городом приступом, а приступать велели большим приступом к Крылошевским воротам...“[1] Посланные к полякам князь Морткин и Сущов были не просто рядовыми шпионами, а полномочными послами от объединенного смоленского дворянства, требовавшего от поляков более энергичных действий и, в частности, требовавшего организации большого приступа к Крылошевским воротам.[2] Можно догадываться, что смоленское дворянство обещало полякам и некоторую помощь изнутри крепости.

Таковы были замыслы смоленских заговорщиков. Девятерых из них правительство посадило в тюрьму, а двух отдало на поруки. Но правительство, несмотря на применение пыток, сумело найти только небольшую часть заговорщиков, а несколько десятков их осталось нераскрыто.

О масштабе заговора, о цели и тактике заговорщиков дает исчерпывающие сведения дневник похода польского короля. Ввиду исключительного интереса этих сведений, приведем их с наибольшей полнотой.

„8 (августа 1610 г.). Ночью передалось двое боярских детей, которые показали следующее: многие бояре (дворяне. — *В. М.*) и многие из простого народа сильно желают сдаться королю; одни лишь купцы не хотят этого и хлопочут, чтобы осажденные не разъединялись, поэтому те не осмеливаются гласно заявить своего желания. Они (дворяне. — *В. М.*) ожидают, когда с другой стороны (с сев.-восточной. — *В. М.*) будут устроены шанцы и сделан будет пролом, тогда желающие сдаться смелее восстанут против упорных. Говорят они также,

---

1 „Памятники обороны Смоленска“, № 158.

2 Т. е. с сев.-восточного угла крепости, а поляки вели приступ главным образом с западной стороны.

что несколько десятков боярских детей знали об их намерении бежать из крепости и сами хотят бежать".[1] Дальше изменники сообщали самые точные данные об оборонных мероприятиях народной армии и рекомендовали делать приступ сразу в двух местах, „если же,— говорили они,— приступ будет сделан на одно место, у пролома (с западной стороны. — *В. М.*), то осажденные могут защищаться и дать отпор".

Эти омерзительные предатели подталкивали и направляли преступную руку польских убийц. Внутренний враг смоленских посадских и крестьян оказался даже более жестоким, коварным и кровожадным, чем враг внешний. Уяснить это помогла нам только десятня 1606 года, поэтому мы еще раз подчеркиваем ее значение как нового важнейшего исторического источника.

Остановимся несколько на показаниях смоленских изменников. Прежде всего, они утверждали, что сильно желают сдаться полякам дворяне и многие из простого народа. Относительно дворян, конечно, никаких сомнений быть не может, но относительно простого народа их утверждение следует принимать с большими ограничениями. К желавшим сдаться можно отнести лишь те слои посадских и крестьян, которые благодаря неправильной продовольственной политике смоленского правительства в начале августа 1610 года сидели без хлеба. В это время среди посадских число голодающих семейств могло доходить процентов до 10, а среди крестьянства число голодающих было значительно больше. Но здесь надо иметь в виду, что побудительные причины к сдаче были совершенно различны у дворян, не испытывавших нужды в хлебе, и у подлинно голодавшего населения.

По словам изменников, не хотели сдаваться лишь одни купцы. Это утверждение тоже требует некоторых поправок. Во-первых, сам автор дневника вообще все посадское население русских городов называл купцами, сваливая в одну кучу и собственно купцов и ремесленников. Во-вторых, если считать только одних куппов непримиримыми врагами поляков, то трудно допустить, чтобы купцы могли устоять на своих позициях, если

---

[1] „Русская историческая библиотека", т. I, стр. 646.

бы против них оказалась вся масса ремесленников. Таким образом, под купцами надо понимать весь посадский мир Смоленска.

Дальше, очень важно указание изменников, что вожди смоленской обороны хлопотали, чтобы осажденные не разъединялись. Это прямо указывает на существование в Смоленске народного оборонительного блока. А сообщение, что смоленские дворяне „не осмеливаются гласно заявить своего желания", говорило лишь о силе смоленского правительства, опиравшегося на народные массы, говорило о его непреклонной антипольской политике.

Из остальных показаний изменников важно обратить внимание на то, что дворяне, во-первых, возлагали большие надежды на польский приступ и думали во время него начать вооруженное восстание в городе, а во-вторых, что в дворянский заговор было втянуто несколько десятков дворян. Следовательно, и после расправы с главарями шпионский центр в Смоленске сохранил большую часть своих кадров.

О том, что дворяне серьезно готовились к вооруженному восстанию против смоленского правительства и посадского мира, говорят и другие источники. Сохранилось любопытное донесение о подготовке путча на 21 или 22 ноября 1610 года. „Перед последним приступом (поляков)...,— говорилось в донесении,— ноября в 20 день, ввечеру говорил деи тот Сергей Гридков (вяземский дворянин. — *В. М.*), завтра деи или по завтрее кровь крестьянская прольетца и город де отопрут, а мы деи прости пойдем, наша деи сторона сильнее, мы деи все вязьмичи станем в прикрытие по башням да и смолняне деи с нами будут же, а боярские деи люди посадцких людей учнут сечь (рубить. — *В. М.*). Шеин деи нас губит с посадцкими людьми, а королю деи и королевичю (креста) не цалуют, а ждут деи вора с Москвы. И мы деи Шеина, зграбя, выдадим за стену, будет деи в Польше с Шуйским ж, а посадцких деи людей побьем, а животы их пограбим".[1]

Вяземский дворянин рассказал о всех деталях готовившегося изменнического мятежа, но этот мятеж не

---

[1] „Памятники обороны Смоленска", № 202.

состоялся только потому, что польский штурм был отбит народной армией, а поднять восстание одними лишь собственными силами дворяне не решились. Народная армия была еще сильна и вполне боеспособна.

12. Причины поражения Смоленска

В сочинениях современников имеются две версии о причинах поражения Смоленска. В „Новом летописце" говорится, что Смоленск был взят изменой. Некий Андрей Дедевшин, смоленский житель, якобы, перебежал к полякам и указал им слабое место в юго-восточной части стены. Поляки, разрушив здесь стену, ворвались в крепость и овладели ею.

Вторая версия приведена в сочинении одного из современников — иностранца Мартина Бера. Ни о каком Дедевшине Бер не упоминает, а причиной падения Смоленска считает цынгу, которая страшно опустошала ряды защитников. Бер пишет: „Осажденные могли и долее обороняться, но между ними появилась тяжкая болезнь, произшедшая от недостатка в соли и уксусе; при взятии Смоленска нашлось не более 300 или 400 здоровых людей, которые уже не могли защищать его обширных укреплений, имевших целую милю в окружности..." „Смоляне даже без пушек, пороха, копей, сабель легко могли бы отбить неприятеля, если б при каждом отверстии в стене было хотя по одному человеку".[1]

По поводу первой версии следует сказать, что теперешнее состояние источников позволяет отделить в ней вымысел от истины. Несмотря на то, что Андрей Дедевшин был историческим лицом, и несмотря на действительно существовавшую в городе измену, приходится сказать, что рассказ летописца представляет собою не более, как легенду.

Версия Бера ближе к истине; но и в ней главные причины не вскрыты.

Для того, чтобы открыть подлинные причины поражения, надо внимательно проанализировать развитие внутренних противоречий в осажденном Смоленске.

---

[1] „Сказания современников о Димитрии Самозванце", ч. 1, стр. 148.

Главной силой обороны был посадско-крестьянский блок, поэтому причинами поражения Смоленска служило все то, что подрывало этот блок и вело к ослаблению посадско-крестьянскую часть армии. И как раз главной причиной, подорвавшей силы посадско-крестьянской части армии, явилась непоследовательная, примиренческая к врагам народа, узкосословная продовольственная политика смоленского правительства.

В этой политике были попытки пойти навстречу интересам посадских масс, но они были очень робки, нерешительны и не доводились до конца.

Недостаток хлеба в Смоленске стал чувствоваться уже с февраля 1610 года. В конце февраля, идя навстречу интересам широких масс и стремясь ограничить развивавшуюся в городе спекуляцию хлебом, смоленское правительство установило одно определенное место покупки и продажи хлеба (у Днепровских ворот), запретило торговлю хлебом по дворам, запретило покупать хлеб в запас, сверх ежедневной потребности; хлебникам и калачникам разрешалось покупать в день не более четверика муки, и при этом только в тот день, когда производилась выпечка хлеба и калачей на продажу. Неизвестно, как правительство обеспечивало выполнение своего приказа, но даже если бы он выполнялся со всей строгостью, то и тогда совершенно необеспеченными хлебом оставались те крестьяне и городская беднота, у которых не было запасов своего хлеба и денег для покупки продуктов на рынке. Уже в это время, как показывают документы, отдельные семьи крестьян кормились только подаянием.

В конце марта 1610 года смоленское правительство приступило к поголовной переписи хлебных запасов у населения. Это мероприятие обнаруживало большую предусмотрительность правительства и правильный подход его к продовольственному делу. Надвигался голод, но при государственном регулировании расходов продовольствия, при выяснении нуждаемости каждой семьи — с голодом еще можно было бороться. И смоленское правительство сумело бороться с ним больше года. Однако оно допустило роковую для себя ошибку: оно обеспечивало население хлебом только по сословному признаку. Вследствие этого дворяне и стрельцы получали хлеб

регулярно, посадские — изредка, а крестьяне — вовсе ничего не получали.

Мартовская перепись хлеба показала, что настоящего голода в городе тогда еще не было; вовсе не имели хлеба только 2 проц. крестьян. Но зато в апреле без хлеба должно было остаться не менее 70 проц. крестьян, а это уже обозначало наступление голода для крестьянской части населения.

Посадские были в лучших условиях. В конце июля 1610 года в городе насчитывалось 155 семей голодных посадских, в середине августа их было уже 222 семейства, но это был еще относительно небольшой процент голодающих посадских.

Стрельцы регулярно получали хлебное жалованье. На каждого служилого рядового стрельца вместе с семьей выдавалось по две четверти с осьминой хлеба, т. е. по 300 фунтов в месяц. Десятник стрелецкий получал на 30 фунтов больше, а пятидесятник на целых 60 фунтов больше.

Военнослужащему дворянину отпускалось по осьмине в месяц (т. е. по 60 фунтов), а членам его семьи и холопам по пол-осьмине (т. е. по 30 фунтов).

Посадские получали значительно меньше. Смоленские посадские получали по осьмине ржи на семью, а вяземские и дорогобужские „посадские люди мелкие“ получали всего по 15 фунтов.

Крестьяне государственным хлебом, повидимому, не обеспечивались, так как в документах нет ни прямых, ни косвенных указаний на раздачу хлеба непосредственно крестьянам. Если правительство имело в виду, что помещики сами обязаны были снабжать своих крестьян хлебом, то это практически должно было привести крестьян к голодной смерти.

В результате такой продовольственной политики с августа 1610 года стали учащаться случаи бегства крестьян из крепости. Причиной бегства был голод.

Интересен такой, например, случай. Еще в апреле один крестьянин пытался уйти из города. „И тот Офонасьев крестьянин Ступишина Микулка Васильев,—говорится в документе воеводской избы,—в роспросе сказал, что он в том виноват, говорил ему то спроста, чтоб ему из города вытить вон и побывать у себя в де-

ревне, и взяв в деревне деньги, которые ухоронены, да опять бы ему притти в город".[1] Этот случай говорит, что крестьянин без денег в городе оказывался в тяжелом положении; выход мог быть только или в нищенстве, или в бегстве в деревню.

В тяжелое положение попадали и мелкие посадские. Например, 13 сентября 1610 года скинулись со стены за город двое посадских вязьмичей. Их жены и дети умерли в осаде, а сами они решили бежать от той же участи.

27 октября 1610 года из сотни Данилы Коноплева бежало сразу пять человек. 26 ноября из той же сотни бежало сразу семеро крестьян. Для допроса были приведены жены бежавших крестьян, и они рассказали о причине бегства мужей. „И те жонки порозь в роспросе сказали, что деи оне про побег мужей своих не ведают и того с ними не говаривали, что им было бежать; а хлеба деи у мужей их и у них нет ничего, ходя меж двор кормились. И те жонки отпущены того ж дни".[2]

Бегство крестьян имело единственной своей причиной голод. Крестьянину только и оставалось: или умирать голодной смертью, или бежать. Виновата здесь была продовольственная политика смоленского правительства.

В продовольственной политике проявилась классовая природа смоленских правителей. Несмотря на то, что вся тяжесть обороны Смоленска лежала на плечах посадских и крестьян, несмотря на то, что истощение и гибель их от голода были равносильны крушению всей системы обороны, ни боярин Шеин и ни смоленское посадское управление не хотели приравнять крестьян даже к мелким посадским и отказывали им в государственном пайке хлеба.

Эта продовольственная политика показывает, что люди, ставшие во главе смоленских народных масс, не могли быть последовательными защитниками интересов крестьян и ремесленников и что своей политикой они вели к гибели то дело, за которое сами же боролись.

Единственно положительной чертой в отношении смоленского правительства к крестьянам было только то, что оно не наказывало сурово крестьян, заподозрен-

---

[1] „Памятники обороны Смоленска", № 135.
[2] Там же, № 199.

ных в попытке бежать, и не преследовало родственников бежавших, так как понимало, что крестьяне не изменники. Но совсем иначе правительство относилось к беглецам из среды дворян и детей боярских. Дворянин был сыт, и если бежал, то не от голода, как крестьянин и мелкий посадский, а как враг. Бежавший дворянин был изменником. Например, 6 декабря 1610 года пытался бежать дворянин В. Ф. Зубов. Он был схвачен в то время, когда начал спускаться по веревке со стены. Так как этому поступку не было оправданий, то „Василий Зубов посожен в тюрьму декабря в 7 день".

Если к концу 1610 года создалось очень тяжелое положение с хлебом, то еще более тяжело было с солью. Но и опять-таки правительство принимало все меры к тому, чтобы в первую очередь обеспечить солью дворян и стрельцов. Ни посадские, ни крестьяне соли от правительства не получали.

Между тем, продовольствие в городе было. После взятия Смоленска поляки, по их словам, нашли большие запасы хлеба.

Это еще раз подтверждает тот факт, что смоленское правительство не справилось с продовольственным делом, допустило целый ряд крупных ошибок в своей продовольственной политике и привело все дело обороны к гибели.

Никакой иной политики от смоленского правительства, конечно, нельзя было и ожидать. Какова была классовая природа правительства, такова была и его политика.

История смоленской обороны учит нас, что триста лет тому назад у крестьян и ремесленников нашей страны не могло быть такого верного и последовательного союзника, как современный наш рабочий класс; поэтому, несмотря на весь героизм и мужество народных масс, их борьба не могла облегчить их тяжелое положение и не могла помочь им выбраться из вековечной нужды и горя.

Смоленское правительство даже в самые критические для Смоленска дни не решалось посягнуть на права и привилегии дворянства, а поэтому неизбежно вело все дело к катастрофе.

Но можно победить даже павши в бою. Так случилось и со Смоленском. Он хотя и пал 13 июня 1611 года,

но зато совершенно дезорганизовал и сделал небоеспособной польскую армию и тем спас нашу страну от тяжелого порабощения. Он показал единственный путь объединения народных сил; его пример вызвал к жизни мощное национально-освободительное движение замосковных городов. По образцу Смоленска возникли народные ополчения в других городах, и враг был изгнан из сердца земли русской.

Осада Смоленска

„Польша и Литва стремились к завоеванию Москвы".

К. МАРКС

Поход польского короля Сигизмунда III

Сигизмунд со своими сторонниками уже во второй половине 1608 года усиленно готовил поход на Московское государство.

В январе 1609 года на сейме разгорелась жаркая борьба. План короля—посадить на московский престол своего сына—встретил сильную оппозицию. Против короля выступили различные элементы. Сторонники Ю. Мнишка, Рожинских, Вишневецких и других стояли за поддержку тушинского самозванца. Воцарение Владислава для них было невыгодно. Чтобы привлечь литовских панов, Мнишек предложил присоединить к Литве Смоленский уезд и Северские земли. Против короля выступил и Карл Ходкевич, которого поддерживали паны северных воеводств, стоявших за продолжение войны со Швецией, за завоевание Эстляндии, за оборону границ от немцев. Против короля выступили и сторонники разбитого Зебжидовского, которые упрекали короля в том, что иезуиты и папские легаты управляют им и распоряжаются в Польше, чинят расправу, а радных панов король отстранил, „и нас радных панов не слухаешь",—говорили они. Раздавались угрозы „иншого короля усадити". Эта партия имела поддержку у императора. Всплыл на политическую сцену племянник Стефана Батория, который собирал войска, чтобы отвоевать польский престол.

Нарастала опасность второго рокоша.

Король со своими сторонниками, среди которых первую скрипку играли иезуиты, пошел на компромисс с группой Ходкевича, чтобы обеспечить право собирать военный налог для продолжения войны на севере. Королю удалось вписать в решение сейма малозначащее на первый взгляд дополнение: „предотвращение опасности". Это дало королю в будущем возможность облегчить обоснование расходов на московский поход. Да и сам поход пришлось связать с войной со Швецией, использовав пункт договора Скопина-Шуйского о вечном союзе Москвы со Швецией против Польши.

Уже в конце 1608 года второго самозванца в польских придворных кругах открыто называют вором. После сейма король предполагал послать своих представителей в Тушинский лагерь, чтобы устранить самозванца, а польское войско заставить воевать за королевича. Польский король был связан с определенными кругами московского боярства, недовольного своим царем Василием Шуйским. Там было много сторонников избрания королевича на престол. Кандидатура королевича примиряла различные группы бояр (Романовская семья, Голицыны, Милославские), из которых каждая претендовала на престол.

Сделав уступку своим противникам на январском сейме 1609 года, король, поддерживаемый некоторыми сенаторами (Лев Сапега, Стадницкий и др.), совсем не думал отказаться от плана похода в Московское государство. Решения сейма дали ему право собирать военный налог и нанимать войско, что вполне согласовывалось и с его планом. Время работало на короля: сильная тушинская партия (сторонники поддержки второго самозванца, воцарения его на московском престоле) постепенно слабела. Ее слабость обусловливалась нарастанием народной войны на территории, захваченной тушинским вором и поляками, и собиранием враждебных самозванцу сил на окраинах Московского государства (Новгороде, Нижнем-Новгороде). В конце 1608 года в разных местах поднялись крестьяне и горожане. Бурной волной поднимался русский народ на тушинских захватчиков. Из его недр выдвигались вожаки, командиры—Федор Наговицын в Гороховце, стрелецкий сот-

ник Федор Красный—в Юрьевце, Иван Дементьев — в Холуе и др. На помощь к отрядам восставших шли народные ополчения из Великого Устюга, Нижнего-Новгорода, Казани. Особо важную роль в развитии борьбы русского народа с тушинскими захватчиками сыграло новгородское ополчение, руководимое талантливым полководцем Скопиным-Шуйским.

Все это было известно в Польше. В среде сенаторов все больше укреплялось мнение, что с помощью самозванца невозможно завоевать Московское государство; что необходим новый ход, чтобы добиться своей цели.В то же время борьба в лагере московского боярства делала старый (1606 года) проект воцарения королевича Владислава на московском престоле реальным. В кругах московских бояр, как это было известно в Польше, кандидатура Владислава приобретала все новых сторонников.

Партия тушинцев теряла своих приверженцев, и ей поневоле пришлось умолкнуть. Зато королевская приобретала все больший вес. Последним и сильным козырем в ее руках оказался договор, заключенный в феврале 1609 года Скопиным-Шуйским со Швецией, по которому московское правительство обязалось вечным союзом со Швецией против общего врага — Польши. Шведы обеспечили Скопину-Шуйскому набор 5 тыс. наемников и за это получили отказ Москвы от Ливонии и г. Корелу с уездом. Этот договор позволил королю свой план открытой войны с Московским государством выдать за усиление войны со Швецией.

Таким образом, военный договор Скопина-Шуйского со Швецией позволил польскому королю без особой трудности, при поддержке ряда сенаторов, перенести центр тяжести войны со Швецией в сторону московского похода. Король доказал сенаторам, что разгромить Московское государство легче, чем шведов, и что, захватив руководство политикой Москвы, можно будет с ее помощью добить и шведов, а потом соединенными силами трех государств обрушиться на Турцию и открыть католицизму ворота на восток. На последнем положении особенно настаивали всесильные в то время в Польше иезуиты и папские легаты. Правда, не все радные паны были горячими поклонниками планов ко-

роля и иезуитов. Даже гетман Жолкевский одно время относился скептически к начинаниям короля и вначале отказывался стать во главе войск, но настойчивое домогательство Сигизмунда победило.

Королю удалось собрать относительно небольшое количество войск. Вначале выступило различных войсковых подразделений около 12 тыс. человек, из них пехоты около 5,5 тыс., гусар — 3,5 тыс., казаков — 1,5 тыс. С королем в поход выступили многие паны — литовский канцлер Лев Сапега с собственным полком, гетман Жолкевский с полком, князь Христофор Збаражский, маршал Дорогостайский, несколько каштелянов — варшавский, перемышльский, краковский, каменецкий и ряд старост — сандомирский, белокаменецкий, брацлавский, хмельницкий, велижский и др. Впоследствии подошло много различных отрядов польских войск и запорожских казаков—и в распоряжении короля оказалась почти 30-тысячная армия. Лучшей войсковой частью была наемная пехота из немцев и венгров в количестве 1130 человек, под командованием Вайера. Недостаток средств не позволил королю довести численность ее до 5—6 тыс., как это предполагалось.

5 сентября король прибыл в Оршу. В Орше королю пришлось задержаться до 16 сентября. Эта задержка была вызвана тем, что, во-первых, ожидали подвоза артиллерии полевой и осадной и, во-вторых, ожидали подхода войск брацлавского воеводы, которые только 4 сентября вышли из Добрынска к Могилеву, а оттуда через Петровичи двигались к Орше. Маршевые планы явно срывались. В Орше в королевскую ставку привели пленного смолянина, который и подтвердил прежде полученное известие, что в Смоленске годных к бою только 200 бояр и 300 стрельцов.[1]

Польское командование, имея в среде смоленских дворян и детей боярских своих сторонников, прекрасно было осведомлено о том, что делается в крепости. И впоследствии им удавалось утром записывать в дневник похода то, что накануне происходило в крепости. Поход короля среди горожан и крестьян Литвы (особенно белорусских) вызывал такое недовольство, что

---

[1] „Русская историческая библиотека", 1872 г., кн. 1, стр. 433.

имели место открытые выступления. Этот поход принес военные поборы и в случае успеха обещал дальнейший рост панско-шляхетского произвола и насилий иезуитов. Даже в далеком тылу подымались безымянные борцы. И в польском дневнике похода есть указание, что служащий виленского епископа организовал разрушение мостов и завалы дороги, по которой должны были проходить на Лукомлю войска придворного литовского подскарбия.[1] Этот момент подтверждает в своем дневнике современник С. Бельский, но добавляет, что восстание было настолько мощным, что восставшие устраивали засеки, откуда нападали на польские войска.

16 сентября королевская ставка отправилась в Дубровну. На другой день король выступил в Ивановичи, где было устроено совещание, и решили перейти границу, не дожидаясь поляков, идущих с брацлавским воеводой, король со ставкой замедлит движение, а гетман со своим полком, артиллерией и литовский канцлер со своими войсками перейдут границу и направятся к Смоленску, чтобы неожиданным ударом захватить крепость. 20 сентября из Баево за подписями короля и гетмана был послан жителям Смоленска универсал, в котором иезуит-король прикинулся другом русских, болеющим о разорениях и невзгодах в Московском государстве. Король обещал сохранить греческую веру, русские обычаи и имущество населения, если сдадутся ему, в противном случае будут уничтожены сами, жены, дети и имущество. Этот мотив преобладал и в агитации польских агентов в самом Смоленске, где они рассказывали о несметной силе войск, которые ведет король, о страшных заморских пушках и т. д.

Передовые части, ворвавшись на русскую территорию, грабили, жгли, насиловали и толпами угоняли крестьян. Это поведение приняло такие размеры, что король, боясь обезлюдивания смоленских земель, которые поступали в фонд короны, пытался несколько ограничить свою не в меру ретивую шляхту, но это ни к чему не привело.

23 сентября король прибыл в Красный, уже разграбленный частями Льва Сапеги и Жолкевского. В Крас-

---

[1] „Русская историческая библиотека", 1872 г., кн. 1, стр. 431.

ном 15 сентября король получил устный от своего посла ответ смолян на универсал. Шеин сказал послу, что „если в другой раз придешь с такими делами, то напоим тебя водой, т. е. утопим“.[1]

26 сентября передовые части литовского канцлера, несколько казачьих рот, подошли к Смоленску, имели стычку с русскими и должны были отступить, захватив около города пять человек мирных жителей.

29 сентября король прибыл в Лубно. Отсюда гетман выехал к крепости, чтобы осмотреть местность и определить, как расположить войска.

Только 29 сентября смоляне убедились, что идет не очередной польский отряд, а армия с самим королем. Убедил их пленный, захваченный поляками при налете на крепость 26 сентября. В тот же день Шеин собрал посадских людей, где решали вопрос, как быть с постройками на посаде за Днепром. Когда Шеин заявил, что защищать крепость и посады невозможно, тогда смоляне решили пожечь свои дома, чтобы врагами не воспользовался. В этот же вечер, поставив заслон около острога и церкви у Пятницких ворот, смоляне „начали жечь предместье, не щадя даже церквей“. Польские отряды уже заняли посады на западной стороне и помешали уничтожить там строения.

Горел большой для того времени городской посад из 6000 домов. В Лубно, где помещался польский штаб, король видел огромное зарево и посылал проклятия „грубому медвежьему народу“, устроившему его величеству такую грандиозную иллюминацию. Смоленские ремесленники, ямщики и слобожане оставались без крова, теряли имущество, обрекали себя после осады на лишения, но не хотели врагу предоставить готовые квартиры. Такой встречи король не ожидал.

Ни гетман, ни Лев Сапега, бывшие в этот день у крепости, не позаботились занять посад за Днепром, а беспечно остановились на Кловке. Каково было их удивление, которое потом перешло в бешенство, когда вечером запылал посад, подожженный во многих местах. Смоленские посадские люди перепутали все предположения и планы польских захватчиков.

---

[1] „Русская историческая библиотека“, 1872 г., т. I, стр. 440.

Первые девять месяцев осады

30 сентября король со штабом переехал под Смоленск. К вечеру имела место стычка смолян с немецкой пехотой, которая хотела помешать сжечь деревянные спуски от крепости к Днепру. С обеих сторон были убитые.

После вторичного осмотра местности король и гетман решили вести штурм с восточной стороны, где местность позволяет удобнее подойти к крепости. Польские войска расположились следующим образом: между тремя монастырями—Троицы на Кловке, Спаса на Смядыни и Богородицы—устроили укрепленный лагерь, где разместились главные силы и штаб короля и гетмана Жолкевского. На Спасской горе установили батарею легких орудий, чтобы стрелять через стену крепости по городу. Немецкая пехота Вайера заняла шанцы, вырытые вблизи стены западной стороны. За Днепром, на Покровской горе, расположилось лагерем войско Потоцких. Восточную сторону заняли запорожские казаки под командованием гетмана Зборовского. Южную сторону охраняли разъезды и были устроены небольшие острожки. Впоследствии в это размещение вносились незначительные изменения за счет прибывавших новых отрядов.

В этот же день около двух ворот поляки захватили „великое множество народа со скотом".[1] Это были крестьяне Смоленского уезда, которые пришли в осаду, но им не удалось пробраться в крепость.

Из крепости смоляне стреляли по передвигающимся польским частям. Польский хроникер должен был признать меткость попаданий и что „русские часто, однако, стреляют и из порядочных орудий".[2]

После неудавшихся попыток захватить крепость 26 сентября неожиданным налетом и 29 числа уговорить смолян к сдаче, припугнув их присутствием многочисленного войска во главе с самим королем, польское командование срочно стало готовиться к штурму. Из тактических приемов следует указать на такие: 1) штур-

---

[1] „Русская историческая библиотека," т. I, стр. 447.
[2] Там же, стр. 448.

мы предпринимались ночью или на рассвете, чтобы, пользуясь темнотой, меньше подвергаться поражениям со стороны многочисленных крепостных пушек; 2) атаку вели одновременно в нескольких местах и прямо противоположных, чтобы исключить возможность смоленским воеводам сосредоточивать максимум сил на опасном участке, снимая их с других мест. Этот тактический прием исходил из учета явного недостатка в крепости воинов; 3) каждой атаке предшествовал усиленный обстрел крепости раскаленными ядрами, чтобы вызвать пожары и тем самым посеять панику, растерянность и отвлечь защитников на тушение пожаров; ночные пожары особенно опасны и всегда сопровождаются большим переполохом, что имело место и в Смоленске; 4) штурмовали, как правило, предварительно разрушенный участок; разрушение производили на первых порах петардами, а потом осадными пушками и подкопами; 5) к тактическим приемам осады можно отнести и моральное воздействие на защитников крепости в целях ослабления их сопротивляемости. Эти приемы были самыми разнообразными: а) уговоры (письменные и устные) путем присылки королевских грамот, универсалов и выступлений под стеной изменников из смолян, которые убеждали и .упрашивали сдать крепость; б) разлагательская агитация королевских агентов и „доброхотов" внутри крепости, уговоры пойти под „королевскую руку", обещания наград, подарков, сеяние разных слухов о поражениях русских, о смерти царя, победах поляков, игра на лишениях и тяготах; в) организация заговоров с широкой вербовкой участников и с подготовкой прямого выступления против людей, преданных родине; г) подготовка и попытки диверсионных актов—взрыва пороховых запасов; д) активный шпионаж и вредительство; е) разложение дисциплины; ж) провокация выступлений недовольных. Вот далеко не полный арсенал приемов тогдашней польской разведки.

За долгий, свыше чем двадцатимесячный период осады поляки применяли все перечисленные тактические приемы. Но первое время они предполагали взять крепость штурмом.

В донесении архиепископа Сергия относительно первого штурма говорится так: „сентября против двад-

цать пятого числа в ночи приступали в трех местах— в Пятницком конце, да к Копыцким, да к Аврамьевским воротам, и Копыцкие, государь, и Аврамьевские ворота литовские люди злым умышлением, подкрадчись, прислонили к воротам на досках медные болваны с зельем, зажгли и Аврамьевские и Копыцкие ворота зельем проломили".[1] К Копыцким воротам петарду ставили немцы Вайера, к воротам Авраамиевским устанавливал петарду инженер Шембек, а Новодворский должен был обеспечить атаку взорванных ворот. Ночью полякам удалось подкрасться к воротам незамеченными и поставить петарды. Первая петарда произвела слабое действие, но зато Авраамиевские ворота разрушили основательно и проход полякам был открыт. После оглушительного грохота взрыва защитники зажгли на стене факелы и осветили наступавшую немецкую и венгерскую пехоту. Это позволило пушкарям открыть огонь. Два раза врывались поляки в ворота и оба раза смоляне рукопашной схваткой выбрасывали их. Польский хронограф старается неудачу атаки объяснить тем, что трубачи убежали от Новодворского. По польским сведениям, явно преуменьшенным, в атаке на Авраамиевские ворота „погибло около 10 человек немецкой и венгерской пехоты, а раненых камнями и выстрелами было до 70".[2] Немедленно у Авраамиевских ворот смоляне возвели укрепления.

На следующую ночь, „желая поправить неудачу", предпринята была новая атака. Снова польское командование бросает в дело свои лучшие части, наемные войска и прежде всего—немецкую пехоту. Но эта атака ограничилась ударом по острогу в Пятницком конце. И на этот раз поляки потерпели неудачу.

Готовился новый большой штурм. Немецкая и венгерская пехота старались загладить свой провал. Ночью с 6 на 7 октября начался штурм со стороны Днепра. Объектами нападения служили большие Днепровские, или Фроловские ворота и ворота Пятницкие.

Здесь поляки напали на укрепленные шанцы и остроги, которые прикрывали ворота. Полякам удалось,

---

[1] „Акты исторические", т. II, стр. 316.
[2] „Русская историческая библиотека", 1872 г., стр. 452.

пользуясь темнотой, накопить большое количество сил у шанцев. Они незаметно подобрались к укрепленным постройкам у Днепровских ворот и зажгли эти постройки. Смолянам пришлось спешно отступить в крепость. Кнехты пытались вслед за отступавшими ворваться в ворота, но стрельба из пушек и ружей заставила их бежать. Так окончилась попытка поляков добыть крепость приступами. Трофеи были бедные—один поп и стрелец. По всем данным, и тот и другой добровольно остались за воротами.

Смолянам пришлось очистить укрепленный острог у Днепровских ворот, потому что караульная служба хромала. Охрана острога у Днепровских ворот прозевала накопление польских сил у шанцев. Из пятиярусного боя Днепровских ворот можно было развеять любое количество войск.

В первый период осады приказы Шеина о явке всех по росписи нарушались. Богатые часто отлынивали от несения караульной службы и дежурств на стене и башнях, нанимали за себя нуждающихся ремесленников и крестьян. Собственники домов иногда принуждали ходить в караул своих жильцов. Таких случаев в донесениях зарегистрировано много.

Перед штурмом польские агенты и „доброхоты“ должны были произвести очень важную диверсию: поджечь порох, который хранился в подвалах Мономахова собора, но заговор во-время был обнаружен, и одного поймали, пытали и, как утверждает польский хронограф, он выдал других (четырех) своих участников.[1]

Ночью 8 октября против Богословской башни были вырыты шанцы и поляки поставили там батарею осадных пушек. Этой батареей предполагали разрушить хорошо вооруженную Богословскую башню. Из этой башни смоляне стреляли по королевскому лагерю, чем приносили большое беспокойство „его величеству“. Богословская башня, располагая одной дальнобойной (двухсаженной) пушкой, свободно посылала подарки в лагерь польского командования—короля и гетмана Жолкевского.

С 9 октября начался усиленный обстрел Богословской башни и острога у Пятницких ворот. К вечеру в

---

[1] „Русская историческая библиотека“, 1872 г., т. I, стр. 453.

верхнем бое башни были произведены небольшие повреждения. Ночью литовский канцлер установил батарею у Днепра на месте сожженного посада и утром открыл стрельбу по городу, причем одно ядро попало в дом воеводы Шеина.

Несколько дней поляки вели интенсивный обстрел с трех точек—со стороны Спасской горы и из-за Днепра били по городу, и преимущественно раскаленными ядрами, а со стороны реки Чуриловки громили Богословскую башню осадные пушки.

Через два дня от частой стрельбы в нескольких осадных пушках (батарея Вайера) наметились расколы. Некоторые пушки вышли из строя. Однако литовский маршал снова приказал усилить обстрел города, чтобы вызывать пожары. Смоляне отвечали частой стрельбой и в то же время тщательно своевременно заделывали пробоины в верхнем бое Богословской башни. Вокруг этой башни был вырыт окоп.

Ночью 12 октября поляки вырыли шанцы у самой крепости, где установили мортиры для стрельбы раскаленными ядрами по городу. Целый день 13 октября обстреливали город. Ночь с 13 на 14 не принесла смолянам покоя—продолжался интенсивный обстрел крепости раскаленными ядрами. В нескольких местах начались пожары, но силами женщин, стариков и детей их потушили. В эти дни стены и башни охранялись особенно тщательно. Ожидали штурма. Смоляне полагали, что артиллерийский обстрел подготовляет штурм, как это было и перед первыми атаками. Но литовский канцлер Лев Сапега готовил штурм иного рода: он готовился приступить к тактике уговоров. Сапега надеялся измучить защитников и заставить их принять королевскую „милость".

Поляки, не сумев взять город штурмом, делают ставку на уговоры. Одновременно приступают к рытью подкопов.

4 октября Лев Сапега послал в город гайдука с предложением выслушать Богдана велижанина. Шеин, посоветовавшись с посадскими людьми, согласился выслушать королевского посла. И назавтра назначили встречу. Лев Сапега приказал прекратить обстрел, и с 14 на 15 октября была первая ночь, когда не слышалась канонада.

Утром Богдан велижанин, подойдя к крепости, повторил почти то, что писал король в универсале. Смоленские жители знали цену королевским обещаниям, они хорошо разгадали иезуитскую душу „благочестивейшего“ короля. Но защитники на королевскую милость ответили хитростью: с волками жить, по-волчьи выть,—гласит русская пословица, и, чтобы выиграть еще одну спокойную ночь для отдыха, обещали дать ответ завтра. На другой день прибывшего к крепости Богдана угостили водкой и дали ответ: „пусть ваш король делает, что может“, а родине изменять не станут. Поляки ругались, что „этот грубый народ отнял... два дня“.[1]

После этого Жолкевский дал приказ построить ночью шанцы в нескольких саженях от Богословской башни и установить там четыре осадных пушки. Смоляне заметили эти работы и открыли огонь из пищалей. В результате у поляков несколько воинов выбыло из строя.

Утром снова начался обстрел Богословской башни и к вечеру в ней сделали вверху новую пробоину. Смоляне отвечали и убили старосту Гаевского. Стрельба по крепости продолжалась беспрестанно несколько дней. Стреляли с трех сторон—из-за Днепра, Спасской горы и со стороны Богословской башни (западной). В то же время поляки из Чуриловского рва вели под крепостную стену подкоп. О подкопе смоленский воевода узнал в первые дни приступов.

Для точного определения направления подкопа защитники стали рыть глубокие колодцы—слухи у стены. Для наблюдения и дежурств в колодцах была учреждена особая служба „слухов“. Защитники рвались за стены, чтобы дать бой заносчивым панам. Но Шеин избегал открытого боя с сильнейшим во много раз врагом, обладавшим хорошей наемной пехотой. Но зато часты были вылазки малыми подразделениями, а то и просто группами. Так, 25 октября шесть человек добровольцев вышли из Фроловских ворот, переправились через Днепр, вскочили в шанцы старосты Сандецкого, захватили знамя, поранив нескольких человек, в том

---

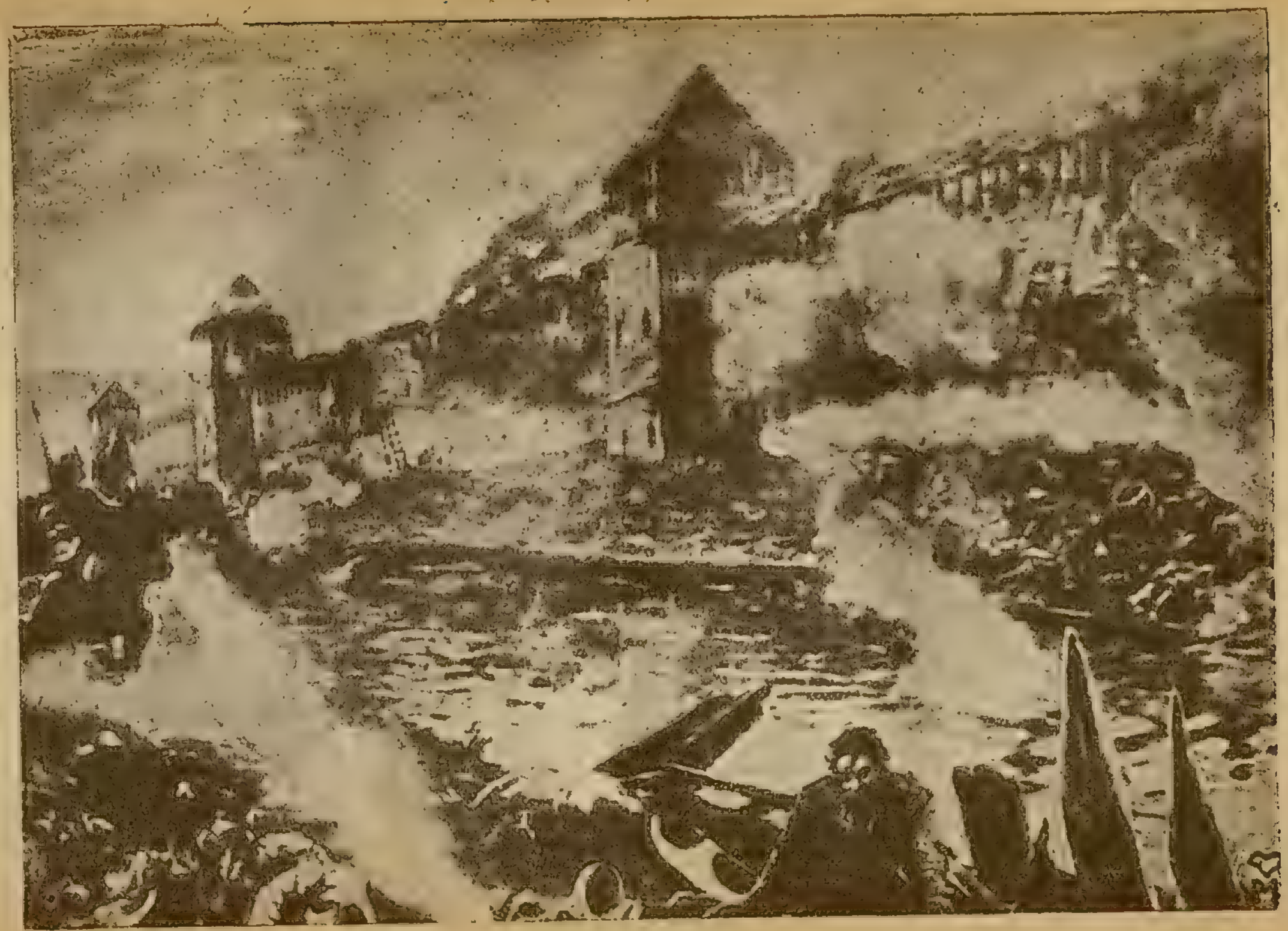
1 „Русская историческая библиотека“, 1872 г., стр. 462.

числе хорунжего, и возвратились целые и невредимые в крепость. Даже польский офицер Маскевич восторженно отзывается об этой вылазке шести храбрецов.

Новый артиллерийский обстрел после отказа смолян сдать крепость не принес полякам никаких успехов, и польское командование убедилось в бессмысленности вызвать пожары в дождливое осеннее время, а имеющиеся осадные пушки обладали слабой силой, чтобы разрушить стены. Были посланы распоряжения привезти из Риги новые осадные пушки большого калибра. Кроме этого, усилились работы по ведению подкопов. Чтобы замаскировать их, польское командование начало посылать под стены „уговорщиков".

Потеряв надежду быстро захватить Смоленск, польский король с сенаторами принимает решение продолжать осаду, тщательно охранять крепость, чтобы взять ее измором, и не вести штурмов до прибытия тяжелой артиллерии и завершения подкопов. Одновременно сенаторы стремятся вмешаться в дела под Москвой, взять руководство тушинским лагерем. Двигаться вперед, не захватив Смоленска, король отказался. Это решение обусловливалось рядом причин: во-первых, как писала королева Л. Сапеге, взятие Смоленска было делом чести „рыцарства" и самого короля, делом его политического авторитета, что особенно было важно в тогдашних условиях, когда на польский престол имелся претендент — племянник Ст. Батория; во-вторых, оставлять в тылу войск вооруженную крепость, имея перед собой победоносную армию Скопина-Шуйского, тактически было опасно.

Осажденный Смоленск скоро стал переживать тяготы. Первым признаком надвигавшихся бедствий был массовый падеж скота. Из документов смоленской приказной избы сохранилось несколько предписаний об уборке трупов павших лошадей. Начавшиеся бедствия были удобной почвой для разлагательской агитации польских „доброхотов". Эта агитация велась исподволь. Польские агенты не могли в своей агитации делать упор, как это было в первые дни осады, на могущество польской армии, которая показала свое бессилие взять крепость приступом. Поэтому они играли на тяготах осады. В этом отношении к услугам было нараставшее недоволь-



„Осада Смоленска поляками в 1611 гг."

С картины худ. В. И. Мушкетова. Смол. гос. музей.

ство в среде семей дворян и детей боярских, пришедших в осаду. Недовольство питалось тем, что бешено росли цены на продукты: в ноябре пуд соли стоил рубль,[1] четверть ржи—тоже рубль, нехватало дров, в довершение бедствий воды не стало. Приходилось за водой и дровами делать вылазки, принимать бои с польской охраной. В каждой вылазке участвовали сотни жителей, которых сопровождали воины. Иногда во время вылазки приходилось драться с поляками всем участникам—дрались не только копьями, мечами, но и кувшинами, ведрами, с которыми жители вышли по воду. Часто с вылазок возвращались, неся не воду и дрова, а трупы убитых. Только за один ноябрь 1609 года в польском дневнике зарегистрировано шесть вылазок, которые сопровождались крупными стычками. За каждый кувшин воды, за каждую палку дров приходилось расплачиваться кровью. Дорого обошлись смолянам беспечность и доверчивость воевод, не подготовивших заблаговременно крепость к осаде.

Защитники пользовались водой из ручьев, протекавших в крепости. Но эти ручьи были загрязнены: в них мыли белье, спускали нечистоты. Шеин издал приказ, установив три дня, в которые запрещалось стирать белье в ручьях. Было запрещено также выливать в ручьи нечистоты. Многие стали пользоваться водой из этих ручьев. Это весной усилило заболеваемость населения.

В декабре 1609 года начали рыть тайные ходы к Днепру, чтобы пользоваться водой. Два таких тайных хода были разрушены поляками. Рано наступившая зима принесла защитникам новые тяготы. В осаду пришло много посадских людей, бедных ремесленников, ямщиков и крестьян Смоленского уезда. Жилых построек в крепости было немного. Эти дома принадлежали преимущественно дворянам, церквам и монастырям. Воевода кое-как разместил семьи служилых людей, ушедших с Барятинским к Скопину-Шуйскому. Ремесленники с семьями помещались по сараям, амбарам, а крестьяне ютились в землянках между Молоховскими и Крылошев-

---

[1] Н. Рожков считает, что по покупательной способности 1 рубль того времени равен 25 рублям золотом конца XIX века.

скими воротами. Досок и бревен крестьяне достать не могли—все лесные материалы были взяты воеводой на оборонные цели. Дожди заливали землянки водой, почва оседала, засыпая часто жильцов. Наступившие морозы делали жизнь в землянках невыносимой. Костры разводить запрещалось, да и дров достать было трудно.

Пришедшие в крепость ремесленники, ямщики и крестьяне имели незначительный запас продовольствия. Через 5—6 месяцев осады большая часть бедного люда уже голодала. Трупы лошадей валялись по улицам. Для голодных людей это был „праздник". Отгоняя собак, жители вырезали мясистые куски у павших лошадей и варили с кореньями похлебки. Впоследствии ловили собак, кошек, галок, ворон и их употребляли в пищу. Хлеб приготовляли из кореньев и древесной коры. Бичом для бедного населения—ремесленников и крестьян было отсутствие соли. Подобного рода пища вызывала массовые заболевания. Детей косила смерть. Зимой 1610 года в день хоронили по 30—40 чел.

Голод, холод, болезни и мор вызывали ропот и недовольство воеводой. Это недовольство обострялось тем, что дворяне и духовенство жили в тепле и в достатке. В закромах дворян, церквей и монастырей было много хлеба и соли. Попы, монахи и дворяне спекулировали хлебом, солью, продавая пуд соли и четверть хлеба по рублю. Таких денег смоленская беднота достать не могла.

Некоторые требовали вооружить всех—и мужчин и женщин—и выйти за стены и там или погибнуть или разбить врага.[1] Но Шеин отверг подобные требования, будучи уверен в поражении; его поддержали многие посадские люди.

Весна не принесла облегчения—в апреле умирало в день по 100—150 человек. Голод нарастал. К лету в крепости вся трава была съедена. Приходилось больным защитникам делать вылазки, чтобы запастись травой, которую население употребляло в пищу. Еще в декабре воевода вынужден был начать снабжать хлебом из государственных житниц семьи дворян и детей боярских, пришедших в осаду. Иногородних дворян, детей

---

[1] „Русская историческая библиотека", 1872 г., т. I, стр. 448—489,

боярских и семей воинов, посланных к Скопину-Шуйскому, было много. Но беднейшее население—ремесленники, крестьяне, которые несли защиту крепости, долгое время оставалось без внимания. Только во второй период защиты—после Клушинской битвы—имели место выдачи хлеба голодающим ремесленникам. В феврале и марте 1610 года была произведена опись хлебных запасов у стрельцов, посадских людей и крестьян. Ошибку допустил Шеин, что не взял на учет большие запасы хлеба у монастырей, церквей и, особенно, в житницах крупнейшего смоленского феодала—архиепископа Сергия. Собственники запасов хлеба, преимущественно попы да монахи, перегоняли „хлеб в вино", варили самогон, продавая склянку по очень дорогой цене, в переводе на довоенное исчисление—по 40—50 руб. Спаивали защитников, забирали у них последние пожитки. Частное корчемство приняло большие размеры. В делах смоленской приказной избы имеется много записей о допросах и наказаниях частных корчемников.

Также часты разборы дел о кабальных записях. Шеин не жаловал попыток богачей брать в кабалу голодных людей, которые иногда продавались за четверик хлеба. Также Шеин стремился пресечь аппетиты собственников домов, повышавших цены за пользование квартирами, углами, банями и сараями. Он запретил на время осады выселять из квартир и повышать цены.

Из мероприятий в области экономической политики в этот период осады следует указать на приказ, регламентировавший торговлю хлебом и запрещавший покупку хлеба тем, „у кого свой хлеб есть".

Воровство, частное корчемство, спекуляция, азартные игры в зернь принимали настолько большие размеры, что полицейским разъездам воевода вменяет в обязанность пресекать эти явления. Эти полицейские патрули обязаны были наблюдать за выполнением также приказов, связанных с обороной.

Полякам тяжкое положение защитников было хорошо известно. Польское командование с ноября до июня не вело военных действий, даже был прекращен артиллерийский обстрел, если не считать небольшой канонады 22 января в честь прибытия послов от русских изменников — бояр и дворян из Тушинского лагеря. Поляки

убедились, что взять крепость плохо подготовленным приступом невозможно. Взорвать крепостную стену легкими минами им не удалось. Королевская ставка решила подготовить подкопы под стену и дождаться получения пушек из Риги. Пока же было приказано строго охранять крепость. Поляки в этот период затишья военных действий делают упор на агитацию под стенами и внутри крепости.

Уговаривания под стеной велись систематически: 3 ноября к воротам подослан был брат игумена одного из смоленских монастырей. „Но напрасно говорить с этим медвежьим народом,— пишет польский хронограф об этом случае,— долго убеждали русских сдаться, но напрасно. После долгой перебранки корчемными словами, разошлись". [1] Через неделю уговаривать пробовал польский офицер Чарлинский, который хорошо говорил по-русски. Он пытался натравить посадских людей и крестьян на воевод и дворян, указывая, что те живут хорошо, а народ голодает. Он обещал „разделить между ними боярские волости... он убеждал, чтобы они кинулись на воеводу. Они ничего не ответили ему". [2] В начале декабря, желая выслужиться и получить награду, предложил гетману свои услуги смоленский поп — итти в крепость „и убеждать их не противиться воле божьей и сдаться". Этот поп в крепость пробрался, его поймали посадские люди, отвели к Шеину. После допроса и пытки попа посадили в тюрьму.

Побывал под стеной и смоленский Иуда — Андрей Дедевшин, который перед тем пытался предать крепость Белую, где был воеводой.

Многих смоленских дворян - изменников подсылали поляки к стенам, но „упорный народ не хотел... верить". [3]

Словом, все уговоры из-за стены не принесли ключей от смоленской крепости. Смоляне не хотели сдаваться. Они до Клушинской битвы были глубоко убеждены, что им будет скорая помощь из Москвы.

Уговоры внутри крепости велись исподволь, агитаторы уже не пугали королевской силой, а, пользуясь

---

[1] „Русская историческая библиотека", 1872 г., т. I, стр. 480.
[2] Там же, стр. 485.
[3] Там же, стр. 595.

тяготами осады, говорили: „однако мы должны будем сдаться, когда не станет сил: так лучше сдаться вовремя".[1] Такие разговоры вел один дворянин, командир сотни. Его разоблачили и арестовали.

В том же духе уговоры вел сын боярский из Брянска, а ему помогал монах Авраамиевского монастыря. Они доказывали, что новгородцы, псковичи и другие давно сдались, „заупрямились-де одни смоляне" и что нам все равно кто на царстве будет сидеть.[2]

Есть данные, что уже весной 1610 года существовала группа заговорщиков, возглавляемая князем Мортким и дворянином Сущовым. Эта группа состояла исключительно из дворян и детей боярских. Она занималась первое время преимущественно шпионажем, посылая сведения в польский лагерь.

Правда, до Клушинской битвы дух осажденных был достаточно бодр, все надеялись на скорую помощь Москвы. И в это время заговорщикам приходилось действовать и вести агитацию очень осторожно.

Смоленским патриотам и Шеину огромные услуги оказывали перебежчики из польского лагеря. Они были желанными гостями, их жадно слушали и им верили. Зарегистрировано несколько случаев перехода в крепость гайдуков, которые вербовались поляками из крестьян и городских жителей. Они разоблачали ложь польских „доброхотов", они вселяли уверенность в победу над польскими панами, которых сами ненавидели всей душой. Влияние этих людей было так велико, что даже польский хронограф должен был отметить, что „портят дело больше всего те, которые передаются в крепость".[3]

Героическую оборону Смоленска приветствовали и в далеком тылу Литовского княжества. Как уже отмечалось, захватнический поход Сигизмунда был враждебно встречен народными массами в Польше и Литве, особенно в районах белорусских. Городские жители, разоренные жадной и разгульной польско-литовской шляхтой, желали поражения Сигизмунду. Они всеми доступными им способами содействовали поражению короля.

---

[1] „Русская историческая библиотека", стр. 470.

[2] „Чтения в обществе истории и древностей российских", 1912 г., стр. 79.

[3] „Русская историческая библиотека", 1872 г., стр. 566.

Литовские купцы разоблачали интриги королевских шпионов (Доморацкого) в Москве, „наши купцы — злодейская Русь — сказали миру и духовенству русских, что король хочет наступить на их веру и церкви, поэтому пусть они не склоняются на его сторону".[1]

В Смоленск также пробрался, рискуя жизнью, купец из Полоцка. Он рассказывал, что у поляков нет средств, что им грозят турки, наступают шведы, тревожат западные границы отряды племянника Ст. Батория. Этот купец уговаривал смолян держаться и не верить королевским грамотам и обещаниям.

16 июня 1610 года хотел пробраться в крепость еще один купец из Польши, но его захватили и жестоко с ним расправились. Эти герои, проникая в крепость, помогали защитникам еще и тем, что во-время предупреждали о готовящихся атаках. Они же указывали на подготовляемые подкопы, что значительно облегчало определить и направление подкопа и предупредить польские планы под землей.

Поляки все внимание сосредоточили на подкопах, которые вели из Чуриловского рва в нескольких направлениях, полагая взорвать большой участок стены. Этими работами руководили нанятые иностранцы и, в частности, инженеры Шембек и Апельман. Первое время рабочей силой служили гайдуки, а потом пленные смоленские крестьяне.

Смоляне, располагая своевременной информацией перебежчиков и наблюдениями в колодцах-слухах, вели контрподкопы. Докопавшись 16 января до польского подкопа, защитники, прежде чем взорвать его, решили несколько поколотить панов под землей; установив в отверстии польского подкопа пищаль, заряженную картечью, они повели обстрел. Это был первый подземный бой. Немногим полякам удалось спастись бегством. Через три дня на другом участке подкопа произошла новая стычка. Смоляне взорвали химическую мину и разрушили подкоп. 27 января защитники встретились с поляками в новом подземном ходу. Снова были использованы легкие пушки, и поляков расстреливали картечью. Новым в то время и замечательным техническим достижением было из-

---

1 „Русская историческая библиотека", стр. 512.

готовление пушечных ядер, начиненных смрадными веществами. Этими ядрами смоленские ремесленники угощали поляков под землей.

Польскому гайдуку удалось забросать землей такое ядро и вынести его. При вскрытии оно оказалось наполненным селитрой, порохом, серой, водкой и другими очень смрадными веществами. Ядра, наполненные химическим составом, говорят, что смоленские ремесленники быстро овладели не только тогдашней артилерийской техникой, но и своими изобретениями поставили втупик лучших европейских инженеров, бывших в польском войске.

Через неделю смоляне открыли еще один подкоп, который вел инженер Шембек. Положив под него большую мину, взорвали ее, причем похоронили несколько солдат и засыпали самого Шембека. Почти всю ночь откапывал себя главный польский минер и только к утру выбрался. Чтобы отомстить, инженер Шембек на другой день взорвал одну мину, но цели она не достигла, так как до стены подкоп еще не был доведен. Таким образом, он еще раз осрамился.

14 февраля смоляне взорвали новый подкоп, который вел французский инженер. Взрыв был настолько мощным, что выбросил огромную массу земли на значительную высоту. Вместе с песком выше крепостной стены взлетел и французский инженер, но, упав в снежный сугроб, остался жив.

В польском лагере контрмины смолян вызвали растерянность. Пятимесячная подготовка штурма была уничтожена. Упорство и напряженный труд защитников дали свои плоды — они завоевали себе новую передышку. Польское командование возлагало все надежды на подкопы и не торопилось получить тяжелые осадные пушки из-за границы. Штурм крепости теперь снова оттягивался. Приходилось вести новые подкопы и торопить с подвозом пушек, так как из привезенных 30 орудий значительная часть вышла из строя, а оставшиеся мортиры ничего не могли сделать стенам. Правда, в это время главное внимание королевской ставки было сосредоточено на тушинских делах. Вместе с этим польское командование было озабочено покорением других городов, расположенных вблизи Смоленского уезда, и обеспечением усилен-

ной охраны крепости, откуда весной участились вылазки.

Во время разлива Днепра вода поднялась до ворот крепости. Каким-то образом по воде пробрался в крепость посланец из Москвы. Об этом на другой день было известно гетману. Жолкевский в порыве бешенства издал приказ — перегородить реку.

Много хлопот причиняли полякам крестьянские партизанские отряды, которых польский офицер Маскевич презрительно назвал „шишами". Убежавшие в леса крестьяне стали собираться в отряды. Скопин-Шуйский узнал, что в смоленских лесах скрывается много крестьян. Он прислал 30 человек ратных людей, чтобы из этих крестьян создать отряды и вести войну в тылу у поляков. Такие отряды образовывались в Порецкой, Бельской и других волостях. И, как утверждает польский хронограф, эти отряды достигали значительной величины. Так, некий Треска собрал 3 тысячи вооруженных крестьян и, нападая на польские части, наносил им большой урон. Подняли восстание и крестьяне Щучейской волости и, как рассказывал пробравшийся в крепость крестьянин, побили литовских людей человек с полтораста. На помощь этим отрядам из Ржева были посланы части наемных войск из шведов и в конце мая 1610 года они совместно добывали Белую, которую держал Гонсевский.

Эти факты лишний раз опровергают утверждения некоторых историков, что смоленские крестьяне отказались от борьбы с польскими захватчиками и перешли на сторону короля.

После Клушинской битвы

Поражение русских войск под Клушином (июнь 1610 г.), шедших на выручку Смоленска, явилось новым этапом в героической обороне города. Этот этап характерен теми изменениями, которые внесла Клушинская битва в расстановку военных и политических сил. В Москве, под влиянием победы поляков, резко усиливается влияние королевских „доброхотов", которым удается привести сначала к капитуляции бояр 17 августа, а потом, через месяц,—и к сдаче Москвы польским интервентам. С другой стороны, временный распад народного движения, выз-

ванный злодейским убийством любимого полководца Скопина-Шуйского, сменился новым подъемом русского народа на борьбу с захватчиками. На смену первому ополчению пришло второе, опиравшееся на всеобщую поддержку.

В этой борьбе русский народ вдохновлялся героическими делами смоленских патриотов. Ни одна призывная грамота из различных городов не забывала поставить в пример „смоленских сидельцев".

Смоленск после Клушинской битвы переживал особо тяжелое положение. Новым на данном этапе являются прежде всего—возросшие колебания в рядах защитников. Если раньше наиболее устойчивая часть — посадские люди вместе с воеводой Шеином — могли утешать голодных и больных защитников ожиданием скорой помощи, в которую все верили, то теперь, и особенно после сдачи боярами Москвы полякам, вера в помощь была окончательно убита. А без веры и надежды переносить лишения — голод, холод, мор — для многих казалось невыносимым. В этой обстановке польским шпионам, „доброхотам" создалась самая благодатная почва для подрывной деятельности. Агитация за сдачу крепости находила себе живейший отклик прежде всего в среде дворян и детей боярских, которым из-за стен уговорщики из русских изменников их же класса сулили всякие блага и почести под властью польского короля. Колебания в известной мере проявляли также и голодавшие и вымиравшие крестьяне.

На данном этапе полякам удалось найти себе активных сторонников и в лагере многочисленного духовенства и даже в самом архиепископе Сергие.

На этом этапе пассивное поведение польских войск сменилось целой серией ожесточенных нападений, штурмов. Активизация польского лагеря объясняется прежде всего сменой главного командования. Почти с самого начала осады против гетмана Жолкевского как главнокомандующего интриговали многие польские воеводы. Первую скрипку среди них играл брацлавский воевода Потоцкий. Неудачи со штурмами, а потом с подкопами обострили отношения до крайней степени. Гетмана Жолкевского обвиняли во всех грехах, а некоторые договаривались чуть ли не до измены. Конфликт был преду-

прежден тем, что настойчиво потребовалась помощь тушинским полякам под Москвой. Гетман с отборным войском направился к Москве, а главное командование было поручено брацлавскому воеводе Яну Потоцкому. Как всякая новая метла метет чисто, так и Потоцкий, стараясь доказать бездарность и неспособность старого гетмана Жолкевского, напрягает все силы, чтобы поскорее захватить крепость и, таким образом, удовлетворить общественное мнение в Польше и „рыцарство", выказывавших в лагере недовольство затянувшейся осадой.

К услугам нового командующего оказались долгожданные осадные пушки, которые из Риги были привезены 29 мая. Эти пушки даже имели имена: одна звалась Бабой, другая — Василиском и шесть более легких — Братьями. Получив пушки, польское командование определило район их действия. Было решено (не без споров) разрушение стены продолжать в районе западной стороны, ранее намеченном для взрыва, где больше полугода велись подкопы, т. е. между Богословской башней и Копытенскими воротами. На этом участке приступлено было к подготовке площадки, к устройству шанцев для установления полученных пушек.

Защитники крепости, имея сообщения передавшихся в крепость гайдука и нескольких крестьян, всячески препятствовали проведению подготовительных работ, чем значительно оттянули сроки штурмов.

Смоляне несколько дней подряд громили подготовительные сооружения из Грановитой и двух смежных башен, которые помещались на месте теперешнего Королевского бастиона, т. е. земляной насыпи в парке. Польский хронограф признает, что „из крепости... открыли непрерывный и очень сильный ружейный и пушечный огонь с значительным уроном для нас".[1] Было выведено из строя около сотни польских солдат, среди них командующий пехотой брацлавского воеводы, а также убито много пленных крестьян, которых поляки заставляли вести земляные работы. Польское командование вынуждено было дать приказ вести подготовительные работы только ночью. Смоляне продолжали обстрел и ночью, освещая пространство факелами. Вместе с этим защит-

---

[1] „Русская историческая библиотека", 1872 г., т. I, стр. 606.

ники приступили к рытью подкопа под площадки и шанцы, намереваясь взорвать их. Но при тогдашних технических средствах подкоп требовал времени, и эти работы смоляне не смогли закончить ко дню штурма. Кроме этого, руководивший подкопом сын боярский, оказавшийся изменником, всячески саботировал темпы проведения подкопа и даже вредительствовал; когда подкоп был готов и установили мины, он вместе со своими приверженцами вынул из подкопа семь возов пороха.[1] Взрыв не мог дать нужного результата.

Вносились предложения сделать вылазку и разрушить подготовленные работы. Но вылазка требовала значительных пехотных сил, которыми крепость не обладала, а главная причина, почему Шеин отверг вылазку, была та, что ближайшие к польской площадке ворота — Копытенские и Пятницкие — были основательно заделаны. Да и от этих ворот до места польских работ было большое расстояние — несколько сот сажен — и враг легко мог, обладая сильным пехотным войском, отрезать путь отступления. Поляки, чтобы ускорить подготовку площадки, возведение укрепленных шанцев, старались отвлечь внимание защитников с западной стороны на восточную. Там часто по ночам казаки делали ложные атаки Крылошевских и Авраамиевских ворот. Спрятавшись в ближайших к стене рвах, они поднимали воинственный крик и создавали впечатление, что идут в атаку; это вызывало переполох в крепости. Подобного рода концерты устраивались ночью.

Воевода и смоляне упорно готовились к предстоящим штурмам. В башнях западной стороны нижние и средние бойницы были завалены камнями. По стенам возвели деревянные срубы, засыпав их землей. Вокруг каждой башни возвели высокие насыпи, обнесенные срубами, за ними устроили еще клети, наполненные землей и камнями. Подобного рода тройные укрепления возводились на случай, если бáшни будут разрушены. Кроме этого, защитники тщательно укрепили все ворота, засыпали их камнями и землей, а вокруг возвели клети. Открытыми остались только одни большие Днепровские ворота; они имели крепкие решетки.

---

[1] „Русская историческая библиотека", 1872 г., т. I, стр. 675,

По ночам с 3 июля поляки начали перетаскивать рижские пушки в шанцы против Грановитой башни и устанавливать их там. Смоляне снова усилили огонь по этим шанцам. От частой стрельбы многие пушки трескались. Их заменяли новыми, снимая с башен южной стороны. Поляки несли большой урон в людском составе, особенно в немецкой пехоте, которая устанавливала пушки. Не раз кнехтам приходилось бросать работы и прятаться в Чуриловском рву, что затягивало работы и срывало приказы о скорейшей установке орудий. Поляки для сохранения своих войск пригнали сотни смоленских крестьян, пойманных в лесу, и заставляли их вести работы на сильно поражаемых участках. Смоляне своим метким огнем вырвали себе не одну неделю передышки.

Поляки стремились посеять в среде защитников разлад, панику, неверие. С этой целью снова подсылались под стены изменники из смоленских дворян и детей боярских, которых после Клушинской битвы в королевском лагере пригрелось немало.

После того как защитники отказались слушать уговорщиков, эти изменники начали угрожать: „не надейтесь на пощаду“,—кричали они,— „отдайте нам, по крайней мере, наших жен, братьев и матерей, чтобы они не погибли вместе с вами“.[1]

Потом смоленские дворяне послали в крепость письма своим родным и знакомым. Некоторые из этих писем попали по назначению. В крепости известие, что в польском лагере много своих, вызвало большое беспокойство. Польские „доброхоты“ спровоцировали выступления семей дворян и детей боярских, ушедших в Москву с Барятинским, с требованием сдать крепость.

Вопрос о том, сдать или нет крепость, захватил всех. Говорили, спорили, ругались. Под давлением посадских людей было решено продолжать борьбу, королю не сдаваться. Дворяне и дети боярские в своей массе стали склоняться к необходимости в лучшем случае вступить в переговоры об условиях сдачи.

В эти горячие дни, когда крепость, как встревоженный улей, гудела на разные голоса, Шеин увидел, где истинные патриоты, любящие свою родину, жертвующие

---

[1] „Русская историческая библиотека“, 1872 г., т. I, стр. 634.

ради нее всем, и где трусы, шкурники и предатели. Шеина не могла не вдохновлять беззаветная преданность родине посадских людей, многие из которых потеряли свое имущество, лишились семей, погибших от мора. Шеина как честного воина не могли не притягивать к себе истощенные ремесленники, храбро сражавшиеся на опаснейших участках. Шеин не мог не восторгаться неустрашимостью „охочих людей“ из ремесленников, крестьян и холопов, беспрекословно отправлявшихся выполнять самые трудные поручения. Там, где надо было рисковать жизнью — добыть ли языка, т. е. пленного, поджечь ли в глубоком подкопе мину — Шеин всегда видел ремесленников, крестьян или холопов. Воевода не знал ни одного случая побега посадского человека-смолянина.

В это время Шеин еще теснее сближается с посадскими людьми, выдвигая из их среды командиров сотен, полусотен, поручая посадским людям важнейшие дела.

Окончательно этот поворот Шеина свершился после раскрытия заговора, в котором участвовала значительная группа дворян и детей боярских, возглавляемая кн. Морткиным и дворянином Сущовым.

Смоляне продолжали готовиться к штурму, который ожидался со дня на день. Защитники спешили с подкопом под польские шанцы, чтобы предупредить опасную для башен стрельбу из рижских пушек. Кроме этого, они определили, что ведется еще один подкоп под стену. Окончание этого подкопа и оттянуло польский штурм. 26 июля смоляне подвели две мины — одну под польский подкоп, а другую под шанцы. Взрыв разрушил подкоп и часть шанцев, где было задавлено несколько немцев. Бешенству польского инженера Апельмана не было предела. Ночью с петардами он бросился к стенам, хотел их взрывать, „но ничего не мог сделать“. Польское командование решило вести новый подкоп. 28 июля Шеину было передано письмо, в котором король требовал сдать крепость, в противном случае угрожал защитникам уничтожить их вместе с семьями. Шеин приказал вернуть письмо посланцу.

Через три часа открыли огонь по Грановитой башне. К вечеру в башне образовался большой пролом. Был дан приказ к утру готовить штурм. Смоляне всю ночь рабо-

тали: заделали бревнами и камнями пролом, натаскали каменьев, песку на стену, установили на бастионах пушки на случай захвата разрушенной стены.

С рассветом 29 июля несколько сотен немцев и венгров бросились штурмовать Грановитую башню, за ними двигались казаки. Другие казачьи отряды при помощи лестниц пытались взобраться на крепостную стену с восточный стороны. В это же время Новодворский должен был взорвать ворота. Немцы с венграми, поражаемые картечью, ворвались было в пролом Грановитой башни, но рукопашной контратакой смоляне вышвырнули их. Приступы казаков тоже быстро отразили, их даже не подпустили приставить к стенам лестницы. Хвастливый пан Новодворский при первом выстреле бежал со своими петардниками, побросав снаряды. Смоленские ремесленники еще раз показали, что польские сенаторы напрасно полагали встретить пустые глазницы многочисленных крепостных бойниц. Поляки продолжали весь день громить стену рядом с разрушенной Грановитой башней. К вечеру образовался второй пролом значительной величины, почти в две сажени. Ночью поляки вырыли от шанцев к стене ров с двумя ответвлениями к обоим проломам, чтобы удобнее и с меньшими потерями добежать до стены. Смоляне непрерывно работали над возведением укрепленного бастиона у второго пролома. Готовился новый штурм. Перед рассветом 1 августа гетман Потоцкий бросил на приступ все свои лучшие части: немецкую и венгерскую пехоту. Вслед за ними двигались казаки, и только в третьей колонне шли польские „рыцари". Храбрые на балах, за кубками вина, как пан Заглоба, польские шляхтичи всегда прятались за чужими спинами, стараясь только поспеть „в случае успеха к захвату трофеев", т. е. к грабежам. Не было ни одного штурма, чтобы впереди шли польские „рыцари".

Передние части немцев и венгров по рву добежали до проломов и ворвались в Грановитую башню. По наступавшим смоляне открыли огонь из двух соседних башен. Этот огонь вносил опустошения в колонны венгров, немцев и казаков, заставил их бежать обратно. Ворвавшиеся в башню были выбиты после непродолжительной рукопашной схватки. Как и надо было ожидать, подкрепление из польских „рыцарей" „не прибыло", т. е.

струсило — побоялись шляхтичи иметь дело со смоленскими „хлопами". Гетман Потоцкий неистовствовал.

На второй день было приказано разрушить две круглые башни, смежные с Грановитой, чтобы исключить страшную поражаемость во время штурма проломов. Три дня громили рижские пушки эти башни. Смоляне вели ответный огонь по шанцам.

В эти дни поляки продолжают действовать тактикой уговоров. К стене подъехал старый знакомец смолян, велижский староста А. Корвин-Гонсевский. Его сопровождали изменники из смоленских дворян и детей боярских. Гонсевский из Москвы привез новость о низложении В. Шуйского. Смоляне отказались вступить в переговоры и не хотели верить Гонсевскому. Низложение Шуйского вызвало ликование в польском лагере — гремели барабаны, ревели трубы, кричали на радостях, что московский престол оказался свободным для польского короля, что скоро конец войне, что скоро получат московское богатство, которое обещал им король. До утра шумел перепившийся польский лагерь. Утром 3 августа смоляне испортили польским панам праздничное настроение, взорвав подкоп Апельмана, где похоронили несколько венгерских солдат. Поляки с остервенением продолжали расстреливать две круглые башни. Там были сделаны проломы.

Защитники, наряду с ответной стрельбой, возводили укрепления на всем пространстве от одной до другой круглых башен. Они использовали старый земляной вал, возвели насыпи на нем вышиной в две сажени. На валу поставили деревянные срубы, засыпав их землей. В середине установили несколько тяжелых пушек, а по бокам четыре мортиры.

На 4 августа Потоцкий назначил новый штурм. Колонны построились в прежнем порядке: сначала—венгры и немцы, потом—казаки, а за их спинами—польская пехота и гусары. Шеин, чтобы снова выиграть день-другой, предложил начать переговоры. Лев Сапега подъехал к крепости. Ему Шеин передал требование: прежде чем начать переговоры,—прекратить стрельбу и возвратить войско в лагерь. Потоцкий отказался и дал приказ наступать. В это время из маленькой тучки полил дождь, земля сделалась скользкой, и приступ не состоялся.

После этих неудач в тактике поляков происходят известные перемены, принесенные бежавшими из крепости предателями.

8 августа к полякам передались князь Морткин и дворянин Сущов. Как уже упоминалось, князь Морткин возглавлял шпионско-вредительскую организацию в крепости. Эта группа после Клушинской битвы быстро росла за счет привилегированных слоев — помещиков и церковников.

Морткин и Сущов бежали к королю с определенным заданием от имени „нескольких десятков боярских детей".[1] Сообщения польского дневника и смоленской приказной избы о целях бегства этих изменников вполне совпадают.

Допрашивая одного из участников этой группы — Дениса Шушерина, Шеин установил, что существовал подробно разработанный план предательства. Денис Шушерин показал, что князя Морткина и Сущова „отпустили к королю в таборы оне все... и с ними приказывали... велели промышлять над городом приступам, а приступать велели большим приступам к Крылошевским..."[2] Здесь документ оборван. Смоленские изменники настойчиво рекомендовали полякам наступать не только с западной, хорошо к этому времени укрепленной стороны, но перенести главный удар на восточную сторону, где много слабых мест в стене и где стояли менее надежные части. Князь Морткин доказывал полякам, что на западной стороне Шеин сосредоточил три полка (по 300 человек), составленных „из лучших людей". Все они хорошо вооружены. Изменники рассказывали, что смоляне хорошо укрепили старый вал, находящийся в нескольких саженях от крепостной стены, и если поляки овладеют проломами и ворвутся в крепость, то осажденные на валу „могут защищаться и дать отпор". Поэтому атаку надо вести одновременно с разных сторон, в крайнем случае с двух — с западной и восточной. Такое наступление может быть успешно, потому что голод и мор вывел многих защитников из строя, резко сократил их численность, и обо-

---

[1] „Русская историческая библиотека", 1872 г., т. I, стр. 646.

[2] „Чтения в обществе истории и древностей российских", 1912 — т. I, стр. 90.

ронять крепость по многим участкам у них не хватит сил. Этот штурм, доказывали изменники, надо дополнить восстанием внутри крепости. Нападение с разных сторон вызовет растерянность и панику в крепости, „тогда желающие сдаться смелее восстанут против упорных".[1]

Допрашивая Шушерина, смоленский воевода выявил еще семь человек детей боярских, близко связанных с кн. Морткиным. После допроса и пытки посажены были в тюрьму Петр Башмаков, Яков Головачев, Богдан Озеренский, Михаил Румянцев, Иван Мокшеев, Никифор Бестужев, Левонтий Бунаков и жена кн. Морткина.

Этот арест переполошил смоленских помещиков, находившихся в крепости. Зашумели служилые люди, начали с их стороны сыпаться просьбы за арестованных. Ходатайствовали за выпуск их на поруки и второй воевода Горчаков и архиепископ Сергий. Под таким давлением Шеин согласился освободить арестованных детей боярских, получив поручную запись за них. Этому акту не противились и старосты посадских людей. В то время в их среде еще была крепка вера в возможность единения сил. Да и сам Шеин, видимо, боялся растерять свой командный состав.

Этим в значительной степени объясняется и дальнейшая мягкость к изменникам.

Эта вредная мягкость ослабила силы защитников и подготовила условия поражения. За изменников поручились 91 человек детей боярских, князь Звенигородский и только один посадский человек. Главный упор делается на предупреждение шпионажа: с поляками „не ссылатца", „никого со стены к литовским людям не отсылати".

Дальше воевода стремится предупредить вторую опасность: не допустить разлагательской агитации — „смутных слов не затевати", „затейныя слова в мир не вмещати". И, наконец, предупреждается прямое вредительство: „город не зажечи", никакого „дурна не чинити".

Польское командование не смогло сразу воспользоваться планом смоленских заговорщиков. В польском лагере нарастало недовольство. Королевская казна давно опустела, а жолнеры требовали жалованье. Это вызы-

---

[1] „Русская историческая библиотека", 1872 г., т. I, стр. 646.

вало ропот, колебания в войске и понижало его боеспособность. Гетман Потоцкий еще раз решается „попытать счастья на приступе". 19 августа он „собрал в коло всех ротмистров" и там обязал их подпиской вывести на другой день свои части на приступ. Всю ночь гайдуки готовили „снаряды для приступа, с тем чтобы с рассветом начать дело".[1]

Но когда наступил час итти на приступ, „то во многих ротах взбунтовались товарищи и не хотели сойти с коней". Мотивы выдвигались различные. Только к вечеру упросили „рыцарей" согласиться участвовать в штурме. С рассветом 21 июля начался штурм. Смоляне приготовились к штурму. Несколько раз казаки бросались в атаку к проломам, но защитники отражали их выстрелами из орудий и ружей. Когда же казакам удавалось добираться до самой стены, их побивали камнями и засыпали глаза песком. Казаки каждый раз откатывались назад. Польское командование приказало спешившимся гусарам итти на помощь казакам. „Все бросились с такой отвагой, какой требовало самое дело и их доблесть", но, добежав до рва, который „храбрым" рыцарям показался глубоким и широким, они отступили, хотя для казаков, венгров и немцев он был вполне преодолим. „Отважные" и „доблестные рыцари" снова бросились в атаку, „но должны были опять отступить от широкого и глубокого рва, ничего не сделав и не без вреда для себя".[2]

Смоленские пушкари свое дело знали — метким огнем поражали перед рвом польских „храбрецов" и внесли большое опустошение в их ряды. На этом приступе было убито 178 человек и ранено 642. Неглубокий и широкий ров заставлял польских гусар два раза бежать.

Даже враг должен был подчеркнуть „доблесть в защите" смолян.

После этого крупного поражения польское командование должно было отложить штурмы на неопределенный срок. Снова полезли под землю, опять начали готовить подкопы, чтобы взорвать стену. Подготовка велась по совету смоленских изменников и с восточной стороны.

---

[1] „Русская историческая библиотека", 1872 г., т. I, стр. 654.
[2] Там же, стр. 657.

Как уже указывалось, раскрытие заговора группы кн. Морткина было последней каплей, определившей известный поворот в политике Шеина.

Если на первом этапе все командные должности были в руках служилого класса — дворян и детей боярских, а представители посадского люда значились на вторых ролях в качестве товарищей, то теперь встречаем их не только начальниками тех или иных участков на крепостной стене, но и командирами сотен. Снимая с командных постов изменников — детей боярских, Шеин назначал на их место товарищей, которыми по первой росписи были посадские люди. Важные поручения, как перепись соли, изъятие ее, расследование измен и попыток к бегству давались исключительно торговцам, ремесленникам.

Под влиянием посадских людей проводится более решительная продовольственная политика. В ноябре сделали учет запасов соли, причем описи подлежали запасы и дворян, попов и монастырей, которые в марте при первой описи хлеба были исключены. Проводилось изъятие хлеба у лиц, нарушавших приказ о регламентации торговли, и под это изъятие, как правило, попадали дети боярские, попы, монастыри, спекулировавшие хлебом. В это время посадские люди по поручению Шеина изымают соль у укрывавшихся от описи. Ведется борьба со спекуляцией — зафиксирован случай конфискации селедок у продавца, который купил их у неизвестного ему сына боярского. Наконец, устанавливается раздача хлеба голодавшим ремесленникам. Но все же Шеин не рискнул конфисковать хлебные запасы монастырей, смоленских дворян и, особенно, у архиепископа Сергия.

Как утверждают Кобержицкий и Жолкевский, после захвата крепости поляки обнаружили там большие запасы хлеба в частных амбарах. А ремесленники и, особенно, крестьяне голодали. Зарегистрировано много случаев нищенства, а также попыток голодных крестьян пробраться в деревню за хлебом.

В этот период заметно усиливается борьба с неявкой на караул, борьба с уклонением от выполнения приказов. Если на первом этапе не встречалось ни единого случая наказания уклонявшихся от дежурств на стене, то теперь таких не только арестовывают, но и наказы-

вают кнутом. Мало этого, наказанию подлежали и командиры, не принявшие нужных мер к обеспечению точного выполнения приказа воеводы.[1]

Частые случаи измен — побеги, шпионаж — развили у воинов чувство бдительности. Зафиксировано несколько случаев, когда посадские люди приводили к воеводе посторонних лиц, близко подходивших к укрепленным пунктам.[2]

Для увеличения работников Шеин привлекает „охочих людей", добровольцев, с выдачей им жалованья.[3] Жалованье выдавалось деньгами и натурой — продуктами. Добровольцами были преимущественно слобожане, ремесленники, крестьяне и холопы.

Овладев с помощью измены бояр Москвой, поляки делают ставку получить смоленскую крепость без штурма, путем уговоров и предписаний московских бояр. Кроме этого, король надеется, что голод и мор, свирепствовавшие в крепости, помогут его агентам и „доброхотам" склонить защитников к сдаче.

6 сентября из Москвы прибыли посланцы с приказанием Шеину от кн. Мстиславского „бить челом" королю. На другой день эти посланцы подошли к стене, но в этот день защитники не впустили их в крепость. Назавтра Шеин дал согласие допустить послов кн. Мстиславского в крепость. В Смоленске от них узнали о договоре московских бояр с Жолкевским, о присяге королевичу Владиславу. Посадские люди снова категорически отказались „бить челом" королю, сдать ему город, но не возражали против ведения переговоров.

Защитники для этой цели выделили шесть послов „от всех сословий". Но в посольстве преобладающую роль играли посадские люди, что вызвало у польских сенаторов сомнение, не будет ли королю оскорблением беседа с такими послами. После долгого обсуждения сенаторы решили признать данное посольство и допустить к королю.

11 сентября послы были допущены к королю, которому они предъявили свою просьбу: прежде чем вести

---

[1] „Чтения в обществе истории и древностей российских", 1912 г., т. I, стр. 116.

[2] Там же, стр. 99, 109.

[3] Там же, стр. 106

переговоры, прекратить стрельбу и отвести войска. Первое требование указывает, что переговоры для Шеина и посадских людей были тактической уловкой — прекращением стрельбы оттянуть время нового штурма, чтобы подготовить лучше укрепления и отпор. Требование смоленских послов вызвало возмущение Л. Сапеги, который в угрожающей форме потребовал полной капитуляции.

Смоленские послы, выслушав грозную речь Л. Сапеги, обещали доложить об этом воеводе, жителям и дать ответ.

Через четыре дня смоленские послы принесли ответ, в котором заявили, что „не хотят... отложиться от... жителей столицы и поддаться чужому государю". Сенаторы „выбранили послов больше прежнего" и приказали с такими речами не приходить. Интересно выражение: „отложиться от жителей столицы". Не случайна такая формулировка. Смоленским посадским людям была известна позиция московских жителей, которые возмущались сделкой бояр с гетманом Жолкевским.

В Смоленске дети боярские и духовенство, поддерживаемые стрельцами, выступили за сдачу крепости королю, „а посадские люди... никак не хотят отложиться от столицы".[1] Шеин собрал защитников „на общую думу". Разгорелись яростные споры, ругань и имели место даже потасовки. Все же одолели посадские люди, составлявшие основную массу воинов. На другой день смоленский воевода Шеин сообщил гетману Потоцкому, что хочет говорить с литовским канцлером. Лев Сапега поспешил принять предложение. Они встретились недалеко от Днепровских ворот. Ни хитрая речь польского дипломата, ни лесть, ни посулы и обещания не сломили упорства опытного воеводы. Шеин „никак не соглашался отделиться от главы — столицы — и отложил окончательные переговоры до приезда великих послов, едущих к королю из столицы".[2]

Шеин всячески затягивал переговоры, чтобы удлинить передышку и толкнуть польское командование к пассивности. На вероломство и хитрость польских панов воевода отвечал также хитростью.

---

[1] „Русская историческая библиотека", 1872 г., т. I, стр. 667.
[2] Там же, стр. 668.

Чтобы занять поляков, Шеин предложил заключить договор об обмене пленными, которые для крепости были лишними ртами. Еще несколько раз смоленские послы побывали в королевском лагере. Шеин как опытный воин (недаром его расхвалил в своих мемуарах Маскевич) надеялся, что нараставшее в самой Польше и в войске недовольство задержкой под Смоленском короля заставит его снять осаду. К этому толкала и возраставшая задолженность войску. А о настроениях „рыцарства" он был хорошо осведомлен.

Чтобы понудить смоленских помещиков бороться за сдачу крепости, король 1 октября прислал универсалы, в которых дал срок три дня, после чего все их имения поступят в раздачу другим. Такую же угрозу он сделал и посадским людям, но добавил, что „сами будут казнены смертию".

На эту наглую угрозу смоляне дали ответ: через три дня подожгли мину в подведенном под польские шанцы подкопе. Взрыв „разрушил часть шанцев" и испортил несколько рижских пушек. Такого ответа на королевские универсалы в польском лагере никак не ожидали. Сколько проклятий послали „благородные" паны „медвежьему народу"!

Смоляне этим взрывом завоевали себе значительную передышку, пока будут возведены новые шанцы и установят там новые пушки, которые ожидали из Слуцка. Эта передышка протянулась два месяца. Смоляне, как и раньше, огнем не допускали дневных работ, а ночные работы всячески срывали, если этому позволяла погода.

Иезуитские обещания короля — дать мир, спокойствие населению захваченных районов — претворялись в насилия, грабежи, убийства стариков, женщин, детей. Отдельные польские отряды из королевского лагеря рыскали по разоренной Смоленской земле в поисках добычи. Им приходилось отлучаться все дальше и дальше от крепости. Даже польский хронограф, всячески старавшийся оправдать „культурную и миротворную миссию" королевского похода, вынужден признать, что части „из королевского войска разграбили Козельск и Мещовск, которыми овладели изгоном, и, изрубив всех жителей, никому не давая пощады, возвратились в королевский

лагерь с полоном и большою добычею".[1] Правда, хронограф считает, что это были запорожские казаки, но захват по лесам крестьянского „полона" уличает его. Полон крестьян нужен был польской шляхте и панам для фольварков, а казакам — зачем крестьяне?

Подобного рода приемы насаждения „порядка и культуры" по плечу только озверелым фашистским бандам. Кичливые польские паны нашли себе достойных преемников.

Упорная и героическая оборона Смоленска, значительные потери в лучших частях короля — венгерско-немецкой пехоте, особенно при последнем штурме, мужественный ответ смолян на королевский ультиматум, когда поляки лишились своих дорогих рижских пушек, не могло не вызвать в лагере интервентов известного разброда.

Беззаветная преданность смолян своей родине, непоколебимая решимость посадских людей бороться до конца, пока захватчики не уберутся с родной земли, привели многих радных панов в уныние. Даже один из вдохновителей и самый заядлый сторонник похода короля — Лев Сапега начал терять надежду взять Смоленск. С возвращением в королевскую ставку гетмана Жолкевского усиливается настроение в среде сенаторов снять осаду Смоленска и бросить войско в центральные города, чтобы там с помощью предателей-бояр подавить поднимающееся народное движение.

Эти настроения стали известны в польской столице, и королева Констанция в письме Л. Сапеге просит его не допустить снять осаду Смоленска: это обесчестит и короля и рыцарство, это может привести к опасным политическим осложнениям внутри страны. Противники продолжения осады и прежде всего гетман Жолкевский настаивали на том, чтобы удержать то, что уже захватили, т. е. Москву, посадить там королевича Владислава и добиться зависимой от Польши московской политики и при ее помощи вернуть шведский престол королю. И потом, при содействии Московского государства, рассчитаться с накопившейся задолженностью рыцарству. Иначе, угрожали они, начнутся конфедерации рыцарства,

---

[1] „Русская историческая библиотека", 1872 г., т. I, стр. 672.

и оно потеряет всякое военное значение, будет бурлящим котлом, а не войском, а средств заплатить им сейчас нет, а надеяться на новые налоги бессмысленно.

Эта позиция нашла в среде панов противников. Среди них первую скрипку играли братья Потоцкие и прежде всего гетман-воевода брацлавский, их поддержали Лев Сапега, иезуиты. Они продолжали настаивать на первоначальном плане покорения Московского государства, передаче московского престола в руки короля. Как и следовало ожидать, победила партия короля. Продолжая реализацию старого плана похода короля, считалось необходимым во что бы то ни стало завладеть Смоленском.

Поэтому первым требованием к прибывшим великим послам было: приказать смолянам сдать крепость. На каждом съезде сенаторов с послами паны домогались Смоленска. Неоднократно заявляли они послам, что, не взяв Смоленска, „прочь не отхаживать". Много раз встречались сенаторы с послами и всегда разговоры велись вокруг Смоленска. Разными приемами добивались паны, чтобы послы приказали смолянам целовать крест королю, наивно полагая, что смоляне немедленно выполнят такое приказание. Паны пригрозили поступить со Смоленском так, как римские войска с Иерусалимом.

Польское командование обращалось и к самим смолянам, переслало им текст договора с боярами. „Благородные" паны, залив страну кровью, разорив до тла Смоленскую землю, прикидываются сердобольными, не желающими проливать кровь смолян, хотя это не помешало им целые города — Козельск, Мещовск — превратить в огромные кладбища. Смоляне отказались от предложений „христианнейшего короля".

К середине ноября поляки закончили подкоп, который защитники почему-то не обнаружили. Видимо, не обошлось здесь без предательства. В этот период в Смоленске развернулась ожесточенная борьба. Помещики подготавливали восстание, организовывали заговоры. Польский подкоп вел изменник-смолянин. Мину заложили для того времени огромную — 150 центнеров пороха.

29 ноября гетман Потоцкий приказал „рыцарям" приготовиться к штурму. „Храбрые" шляхтичи опять взобрались на коней и отказались сойти на землю до тех пор, пока король не заплатит им жалованье за четверть года.

План осады Смоленска в 1609—1611 годах

Экспликация:

- Стан [укрепленный лагерь].
- К — Стан короля Сигизмунда III.
- „Ж" — Стан гетмана Жолкевского.
- „С" — Первоначальный стан Льва Сапеги.
- „С1" — Последующий стан Льва Сапеги.
- „Д" — Стан Дорогостайского.
- „В" — Станы Людвига Вайера (1-й и 2-й).
- В — Шанцы с батареями Л. Вайера.
- „ЗК" — Стан Запорожских казаков.
- „Пр" — Стан Премышского.
- „П" — Стан Потоцких.
- Стан кавалерийских отрядов.
- Шанцы.
- Туры.
- Взорванная, вместе с частью стены, башня.
- В — Операции с петардами Л. Вайера.
- Н — Операции с петардами Новодворского.
- Траншеи.
- Галлерея подкопа.

Два дня гетман с сенаторами уговаривали „рыцарей" пойти на штурм. И только после многих обещаний войско согласилось исполнить приказ гетмана.

1 декабря по сигналу — удар в три барабана — зажгли фитиль мины, но действия не оказалось. Потом „прилади дили длинный полотняный мешок" к мине, наполнив его порохом, и зажгли. Действие оказалось слабое, далеко не то, чего ожидали: повредили стену на протяжении нескольких сажен.

Поляки послали Новодворского осмотреть пролом и образовавшийся от взрыва ров. Новодворский донес, что „русские в большом числе защищали вал вышиною в два копья, а за валом стояло их несколько рядов, готовых к битве, наконец, не дозволяли пушки, с трех сторон направленные к отверстию". Гетман, посоветовавшись с сенаторами, отложил „приступ до другого, более счастливого случая".[1]

Польское командование побоялось потерь.

Снова сенаторы нажимают на послов, требуют от них крепости, которой те не могут распоряжаться; но вмешательство великих послов, особенно князя Голицына, могло бы усилить позиции сторонников сдачи города.

К этому времени под Смоленск прибыло много дворян, детей боярских, ушедших весной 1609 года с отрядом Барятинского на освобождение Москвы.

Гетман Жолкевский, получив под свое командование русскую армию под Москвой, рассылал ее по частям из столицы на окраины. Смоленских служилых людей и стрельцов направил в королевский лагерь. Из них 13 стрельцов в октябре бежали в крепость. Они рассказали, что „смоляне все поехали в таборы ж, бить челом королю о поместьях для того, что Жолкевский писал королю, чтоб их поместья король велел им отдати".[2]

Кроме этого, много смоленских дворян и детей боярских приехало вместе с великими послами.

Впоследствии значительная часть их, будучи посланной гетманом Потоцким к Дорогобужу, ушла от поляков.

---

1 „Русская историческая библиотека", 1872 г., т. I, стр. 701.
2 „Акты исторические", т. II, стр. 351.

Через Калугу смоляне прибыли к Москве и влились в ополчение Ляпунова. Впоследствии они в количестве двух тысяч человек предложили себя в распоряжение нижегородцев и явились основой славного ополчения Минина и Пожарского.

Но в королевской ставке остались из смоленских помещиков преимущественно перебежавшие из крепости и прибывшие на поклон из смоленских волостей.

Сигизмунд, чтобы привлечь к себе побольше изменников, щедрой рукой раздавал поместья и в первую очередь — тех помещиков, которые еще продолжали сидеть в крепости. В погоне за выгодными поместьями смоленские изменники не щадили даже близких родных.

В крепости к зиме 1610 года атмосфера накалялась. Голод, мор и обострившиеся с наступлением зимы бедствия вызвали колебания в среде истощенных и больных „сидельцев". Много трудов пришлось положить наиболее устойчивым элементам — смоленским посадским людям, чтобы пресечь попытки изменников воспользоваться этими колебаниями.

Помещики всячески сопротивлялись стремлениям Шеина и посадских людей обеспечить голодных защитников питанием. О характере борьбы в крепости говорит один документ — донесение отставного стрельца Гришки Мохначева. Этот документ показывает: во-первых, что Шеин был близок к посадским людям и крестьянам, за что его помещики сравнивали с Болотниковым; во-вторых, воевода конфисковывал имущество изменников и спекулянтов, нарушавших приказ о регламентации торговли хлебом; в-третьих, что дети боярские действовали сообща с духовенством и вместе старались оклеветать воеводу, возбудить против него дело перед архиепископом и Горчаковым; в-четвертых, в крепости существовал заговор и подготавливалось какое-то выступление, чтобы расправиться с воеводой и посадскими людьми.

И в самом деле, через несколько дней выяснилось, что изменники из дворян и детей боярских, сорвавшись на неоднократных попытках сдать крепость собственными силами, опираясь только на духовенство, стремятся найти себе сторонников в среде голодных крестьян и дворовых. Предатели развертывают агитацию по кре-

стьянским шалашам, землянкам, чтобы подготовить с ними вместе восстание. Собственных сил детей боярских не хватило, чтобы расправиться с посадскими людьми. Изменники старательно вербовали себе сторонников в среде голодающих крестьян. Характерно в этом отношении дело с воровством „самопала". Подготавливая восстание, дети боярские запасались вооружением. Такое восстание приурочивалось к приступу. Это входило в единый польский план захвата крепости.

Предатели, зная заранее о дне штурма, готовили вооруженное выступление. Изменники из детей боярских становились в прикрытие по башням, чтобы ударить по пушкарям и прекратить огонь. Одновременно другие должны были арестовать Шеина и выдать его полякам. Но решающим моментом в восстании предполагалось выступление крестьян и холопов, которые обязаны были напасть на посадских людей и перебить их. Для привлечения на свою сторону голодающих крестьян изменники обещали отдать на разграбление имущество посадских людей.

Но крестьяне не пошли за предателями, не стали бить посадских людей. Восстание не удалось, и планы польских агентов провалились. Выступление же боярских детей, повидимому, имело место. Есть упоминание в польском дневнике, что в крепости „дело доходило до сабель".

С момента приезда великих послов защитники переживали тревожное время.

Всю зиму шли переговоры. Вторая зима защитникам обошлась очень дорого — недостаток дров усилил заболеваемость. Смерть уносила тысячи. Ряды защитников редели. Оставшиеся в живых были крайне истощены и страдали от болезней. Голод, холод, болезни для смолян оказались несравненно более страшным и могучим врагом, чем польские „рыцари".

Особенно обострились отношения в крепости после того, как часть послов за поместья и награды продалась польским панам.

Эти изменники шныряли под стенами крепости, сея разногласия, обостряя и без того жестокую борьбу в осажденном городе.

Растлевающая агитация послов сказалась. На другой день королевские „доброхоты“ организовали демонстрацию гражданского населения к Шеину. Эта демонстрация состояла преимущественно из семей дворян, детей боярских. Демонстранты требовали прекратить сопротивление, доказывая, что они изголодались, отощали и дальше терпеть мучения осады не могут. Демонстрантов успокоили Шеин и посадские старосты. И польские агенты не добились своего.

Через несколько дней смоляне подвели новый подкоп под восстановленные шанцы и взорвали мину. Мина оказалась заложенной несколько в стороне от шанцев и поэтому не разрушила их, а только засыпала землей.

Внешнее и внутреннее положение Польши осложнялось. На юге снова открыли военные действия турки, а в Инфлянтах беспокоили шведы. Кроме этого, волновались „рыцари“— им не платили жалованья, задолженность росла. Литовский канцлер Лев Сапега поспешил в Литву, чтобы собрать немного средств на выплату жалованья войску, иначе оно теряло свою боеспособность. Уехал в Польшу и начальник венгерской и немецкой пехоты Вайер, чтобы вербовать новые наемные части и пополнить иностранную пехоту, которую изрядно потрепали смоляне.

Из Москвы от Гонсевского поступали тревожные вести. Писали и русские изменники—в частности бояри М. Салтыков, упрашивали „не мешкая“ итти с войском к Москве, там „большая смута... становится“. Они убеждали, что если король укрепится в Москве, то и Смоленск его будет. [1]

Смоляне не только старались отстоять свой город, но страдали и беспокоились за всю страну. В январе 1611 года смоляне пишут грамоту „господам братьям всего Московского государства“.

Вслед за грамотой смолян из города в город посылались призывы встать на поработителей. Все грамоты и обращения ставили в пример героическую борьбу смолян. Защитники Смоленска показали стране, что бояться польских панов не нужно, что их сила в разъеди-

[1] *С. Соловьев.* „История России от древних времен“, кн. II. стр. 964.

нении русских, в натравливании друг на друга. Беззаветной и упорной борьбой смолян восторгались в самых отдаленных окраинах. Смоленских героев ставили в пример все, кто призывал на борьбу. На улицах Москвы было найдено „подметное“ письмо неизвестного автора, где написано: „Поревнуем городу Смоленску, как в нем наша же братия, православные христиане, сидят и великую скорбь и тесноту терпят! Сами знаете, с какого времени сидят. Если бы таких крепкостоятельных городов в российском государстве хоть немного было, неповадно было бы входить в нашу землю нашим врагам“. Дальше автор разоблачает предательство правителей-бояр. Указывая еще раз на геройство смоленских защитников, автор подчеркивает, что борьба, сопротивление их „держат короля ни за голову, ни за ноги, ни за руки, но за самое зловредное и жестокое сердце“. И дальше автор заканчивает призывом: „Придите, православные, мужайтесь и вооружайтесь, старайтесь против врагов своих. Не выдавайте спасителей наших — там города, а здесь общего нашего пастыря“. И в другой грамоте ярославцев в Казань так говорится: „В смертной скорби люди сетуют и плачут и рыдают... а тем и утешаются, божиим милосердием, что дал бог за православную веру крепкого стоятеля Ермогена патриарха... да премудрого боярина Михаила Шеина и всех православных крестьян, смоленских сидельцев, что, узнав они-то все оманки и ласканья ничего не послушали и учинили смерть на память и на славу и на похвалу в роды и роды. А на Москве смоленские люди тем помочь учинили великую, что король не опростався“. [1]

Русский народ с любовью и восхищением смотрел на смоленских защитников. Их упорство, их борьба громким эхом пронеслись по Руси. Призывы смоляи и „досточудные и достохвальные“ дела их были тем толчком, который вызвал огромный подъем народного движения на борьбу с захватчиками.

В январе 1611 года поднялись рязанцы. Пр. Ляпунов ссылается с казаками, оставшимися в Калуге после убийства самозванца, переписывается с нижегородцами и патриархом Гермогеном. Готовят рати нижегородцы. Спи-

---

[1] „Русская историческая библиотека“, т. XIV,— „Новая повесть“

сываются ярославцы с казанцами. Поднялись пермичи, новгородцы.

Силы русского народа оказались неиссякаемыми. Как вешняя вода из бесчисленных мелких ручьев образует могучий разлив, так и многие отряды русских патриотов тянулись к Москве, чтобы освободить свою столицу.

Ратные люди шли из Рязанской и Северской земли с Ляпуновым, из Суздальской — с Измайловым, из Муромской — с Литвин-Мосальским, из Низовой—с Репниным, из Галицкой земли—с Мансуровым, из Вологодской и Поморской—с Нащокиным, из Ярославской и Костромской—с Волынским. К Москве двигались казаки Просовецкого с севера и Трубецкого — с юга.

Первую победу над поляками и черкасами одержал под Зарайском воевода Димитрий Михайлович Пожарский.

Готовились к схватке и москвичи, ожидая подхода полков. Поляки, по совету предателя Салтыкова, решили разгромить москвичей до прихода земских ополчений. Спровоцировав небольшое столкновение, Гонсевский с русскими изменниками учинил бойню, в которой убили несколько тысяч невооруженных жителей. В некоторых частях города москвичам удалось устроить баррикады и отбиться. К ним подоспели на помощь Д. Пожарский, Иван Колтовский. Поляки и изменники решили огнем „выкурить" москвичей из занятых позиций. Предатель боярин Мих. Салтыков первый поджег свой дом. Страшный ветер способствовал распространению пожара. Москва пылала.

С помощью ополчения Ляпунова поляков стали теснить. Они спрятались в Кремле и в Китай-городе. Гонсевский слал гонцов в гетману Потоцкому под Смоленск и просил помощи.

А двинуть войско, не взяв Смоленска, король не мог. Поляки торопились получить крепость. Неоднократные штурмы дорого обходились интервентам, под стенами крепости смоляне растрепали лучшие польские части — венгерско-немецкую пехоту. Польское „рыцарское" войско, не получая жалованья, разлагалось и теряло боеспособность. В ожидании получения средств и пополнения иностранных частей, о чем старались Л. Са-

пега и Вайер, польское командование стремится получить крепость путем переговоров при содействии великих послов.

Если бы послы и предписали смолянам сдать крепость, то не подлежит сомнению, что Шеин и посадские люди не выполнили бы подобного рода приказа. Кроме того, упорство патриарха Гермогена помогло Шеину несколько сдерживать нажим смоленского духовенства и, в частности, архиепископа Сергия, который зимой 1610 года стал оказывать поддержку польским „доброхотам", выступая часто в качестве ходатая за арестованных изменников.[1]

Влияние же духовенства в то время было большое. И несколько сдержать его от активных выступлений помог Шеину и посадским людям отказ Гермогена подписать грамоту послам о сдаче крепости королю. Духовенства и монахов в крепости скопилось очень много. По беглому подсчету, монахов, попов и всякой церковной мелкоты в осаде было свыше 700 человек. Жили они сытно, хотя их несколько беспокоил воевода, преследуя за спекуляцию и винокурение. Одни из них лизали королевские сапоги, выклянчивая разные пожалования; другие были сигизмундовскими пропагандистами, агитируя за сдачу города; третьи спекулировали хлебом; четвертые „превращали" хлеб в вино, спаивая защитников, подрывая дисциплину и зашибая бешеные деньги; пятые организовывали в Смоленске воровские шайки. От всех нарядов, которые давали воеводы, откупались, нанимая за себя „черных людей". Имеется отрывок из дела о взятках, данных игуменом Печерского монастыря за то, чтобы освободиться от поставки даточных людей.[2]

В конце января 1611 года И. Салтыков привез грамоту смолянам. В этой грамоте боярская дума приказывала Шеину сдать крепость королю, угрожая в случае неподчинения всякими карами. Эту грамоту смоляне получили и, как прежде, отказались подчиниться. Правда, не обошлось и здесь без борьбы, но у Шеина был хороший козырь — нет подписи патриарха Гермогена. Этим он закрыл рты наиболее опасным своим противникам — духовенству и архиепископу Сергию.

---

[1] „Чтения в обществе истории и древностей российских", стр. 114.

[2] „Чтения в обществе истории и древностей российских", 1921 г., кн. I, стр. 125—126.

Королевская ставка делает новый ход — составляет условия сдачи города, которые должны были от своего имени предложить смолянам послы.

Шеин и близкие к нему посадские люди знали, что поднялись рязанцы, ярославцы, костромичи и другие и готовят поход на освобождение государства от поляков. Такую информацию они получали и от великих послов и от их свиты. Нужно было выиграть время. В этом отношении затягивать переговоры являлось жизненной потребностью.

Кроме того, ведение переговоров успокаивало некоторые слои защитников, выбивало оружие из рук польских агентов, непрерывно натравливавших недовольных и колеблющихся на Шеина и посадских людей.

Наконец, после нескольких исправлений польские сенаторы передали в конце февраля или в начале марта условия договора смолянам.

15 марта 1611 года защитники дали свои ответные статьи на королевские условия. В своем ответе на королевские условия сдачи крепости защитники в вежливой и очень тонкой форме издевались над „его величеством": принимая с благодарностью его заботы о церкви, его обязательство не мстить и т. д., в то же время просили короля со всеми войсками и чиновниками убраться во-свояси,— туда, откуда пришли.

Взбешенные ответом смолян, паны сорвали свою злобу на послах: их взяли под стражу, не позволили захватить необходимые вещи и не пустили на старые квартиры. Все это сделали под пасху.

В это время пришло известие о бойне, учиненной поляками в Москве, и о наступлении народных ополчений.

После этих известий смоляне отказались вести переговоры о впуске королевских войск в крепость. Нужда в послах в королевской ставке миновала, и в середине апреля их посадили на баржу, предварительно ограбив, и в сопровождении караула повезли в Польшу.

Под Москвой уже собралось первое ополчение и загнало поляков и русских изменников в Китай-город и Кремль, где они отсиживались за высокими стенами. Гонсевский настойчиво просил помощи. Но король застрял под Смоленском, его крепко держали смоляне „ни

за голову, ни за руце; ни за нозе, но за самое злонравное и жестокое сердце". Королю нельзя было двинуться, не захватив Смоленска. Из Польши доносили о растущем недовольстве его политикой, большими расходами, жертвами, а „промыслов" не видно. Там передавались остроты, анекдоты о походе короля, об осаде Смоленска. Престиж королевский явно страдал. Денег не было, задолженность „рыцарству" возрастала, все чаще они стали устраивать конфедерации. Потеряв надежду добыть крепость переговорами, поляки снова решаются на штурмы. В мае несколько раз вели атаки, но „Шеин, как говорит современник, последними людьми бьющеся беспрестанно и к городу поляков не допускаша".

Гетман Потоцкий готовился к генеральному штурму крепости. Он использовал план смоленских изменников— кн. Морткина и Сущова — наступать с нескольких сторон. Привезенные из Слуцка новые пушки решено было установить с восточной стороны, против Авраамиевских ворот. Там же подготавливался подкоп, хотя использовать его не пришлось. Недалеко от Авраамиевских ворот готовили площадки, рыли шанцы. Эти работы не укрылись от внимания защитников. Из трех башен— Авраамиевской и двух соседних с нею, круглой и четырехугольной — громили смоляне, не давая днем возводить шанцы. Поляки опять перешли на ночные работы, но и ночью защитники старались всячески мешать.

Подготовкой атаки с этой стороны руководил сам гетман Я. Потоцкий. С западной стороны тоже велись работы: исправляли разрушенные взрывом смолян шанцы, устанавливали пушки. Готовили поляки нападение и со стороны Днепра.

Эти подготовительные работы особенно напряженно велись в мае. Король и сенаторы торопились во что бы то ни стало захватить крепость к началу сборов поветовых сеймиков, а потом и сейма. Польское правительство знало, что если не удастся взять Смоленск и при наличии осады поляков в Москве, на сеймиках потерпят крах королевские планы продолжения московской войны. Нараставшее в Польше недовольство затянувшейся войной на сеймиках и сейме могло окончиться осуждением королевской политики и безусловным отказом в военном налоге, без которого продолжать военные действия

было бы невозможно: войско отказывалось служить без выплаты жалованья.

Король посылал проклятья „окаменевшим в своем упорстве“ смолянам.

Убеждая в январе 1609 года сейм, что покорить Московское государство и захватить предварительно Смоленск — дело очень легкое, король и сам верил, что „стоит обнажить саблю“ — и Смоленск будет у его ног. Сторонники похода полагали быстро справиться со Смоленском, присоединить уезд к Литве и потом созвать сейм. Захват Смоленска был заветной мечтой польско-литовских панов, к нему они неоднократно в XVI веке протягивали свои жадные руки. „Покорение“ Смоленска было бы использовано сенаторами для получения от сейма двойных, а может быть и тройных налогов. В распоряжении короля оказались бы огромные средства, ему не нужно было бы вести споры с „рыцарями“ и вечно уговаривать их.

Будь деньги, рассуждали сенаторы, король бы не лишился большого отряда, свыше 10 тыс. сабель, который ушел в начале 1610 года к самозванцу. Обладай король средствами, можно было бы полки самозванца, когда его убили, бросить в рязанские и другие земли, где собиралось ополчение, и раздавить „измену“.

Не раз вспоминал и гетман Жолкевский о недостатке средств, „которых при самом начале нам очень не доставало“.[1]

А получение денег упиралось в быстрый захват Смоленска. Смоляне не только задержали королевское войско, но и разрушили планы польских захватчиков.

С тем бо́льшим остервенением польское командование торопилось покончить с „лукошком“, как Салтыков назвал смоленскую крепость.

Не удалось бы панам добыть Смоленск своими саблями и „храбростью“ „рыцарства“. За почти двухлетнюю осаду хвастливая шляхта десятки раз убегала побитая из-под стен. В это „лукошко“ упала не одна сотня „рыцарских“ голов. Но у панов оказались могучие помощники: изменники, голод и мор. Последнюю зиму перенесли немногие защитники. Весной здоровых мужчин ока-

---

[1] „Записки Жолкевского“, стр. 34, 92.

залось, как утверждает Бер, три—четыре сотни. Мор прошелся прежде всего по рядам посадских людей—ремесленников, слобожан и крестьян, которые и составляли вооруженные силы крепости.

Измена, подрывная деятельность польских агентов и „доброхотов" разъедала, как ржавчина железо, силы защитников. Из месяца в месяц росло число побегов из крепости.

До Клушинской битвы, по данным польского дневника, бежало 18 человек, из них 3 дворянина и 3 стрельца.

После Клушинской битвы побеги резко возрастают. За шесть месяцев (по январь 1611 г.) перебежало 124 человека, из них — 26 дворян, 5 попов и 9 стрельцов.

В первые месяцы осады не было ни одного случая бегства крестьян; в первую половину 1610 года зарегистрировано три побега крестьян, один из них был крестьянин известного изменника Андрея Дедевшина. Только последнюю, холодную и страшно голодную зиму не вынесли многие крестьяне. В эту зиму бежали и пытались бежать 21 крестьянин, из которых 13 человек бежало из-за нищенской жизни, а пятеро были из даточных людей сотни изменника Бестужева. Самым устойчивым оказался посадский люд города Смоленска. Только один из 153 человек бесхлебных посадских не выдержал, захотел уйти, но все же остался. Зато посадские люди других городов дали 12 случаев бегства и попыток к бегству. И здесь следствием не установлена прямая перебежка в лагерь врага, а, видимо, была тяга домой, в свои города. Сколько из них ремесленников и торговцев, установить не удалось.

О роли посадских людей в защите города рассказывает автор „Новой повести". Он несколько раз вспоминает о защитниках Смоленска и каждый раз называет их горожанами, дивится „той их гражан храбрости, крепости, великодушию и непреклонному уму". Автора, москвича, поражает единодушие смоленских посадских людей. Он подчеркивает, что „гражане" смоленские „вси стоят единодушно и непреклонно и неподвижно умом и душею... хотят славне умерети, нежели безчесне и горько жити". Эта устойчивость смоленских посадских людей восхищает автора еще потому, что они уже больше года отбиваются от хорошо вооруженной и огромной

для того времени польской армии, упорно переносят все лишения — голод, мор. И автор с гордостью заявляет в своем обращении к русскому народу: „И каково мужество показали (смоленские горожане. — *Д. М.*) и какову славу и похвалу учинили во все наше Российское государство! Да не томко в нашу во всю пресловущую землю, но и во иншие орды, в Литовскую и Польскую и во иные многие: чаять и до Рима или будет и дале".

Кроме этого, автор много раз указывает на значение обороны Смоленска, что „гражане" держат „супостата нашего злого короля... „Если бы не защита Смоленска, без всякого бы сомнения давно супостат наш у нас зде был". Автор „Новой повести" хвалу и благодарность воздает смоленским „сидельцам" от всей России. Он много раз призывает все другие города поревновать „крепкостоятельному городу", и если бы таких городов „в российском государстве хотя и немного было, не токмо что все", то неповадно было бы „нашим врагам и злым волком" „в нашу землю" ходить. Автор разоблачает замыслы польского короля; во-первых, договор о воцарении королевича Владислава есть только „блазный оман и прелесть", а в самом деле „хотят нас конечно погубити и под меч подклонити и подружия наша и отроды в работу и в холопи поработити и имение наше пограбити, горше же всего и жалостнее — святую нашу непорочную веру в конец искоренити и свою отпадшую учинити, и сами в нашем достоянии жити". Внимание горожан и крестьян автор обращает еще на то, что польский король многих побьет, а кто останется в живых, должен будет „безмерные и неподъятные кормы" давать, „дани-оброки всякия тяжкия" нести, а товары, продукты за бесценок отдавать. Эта цель разоблачается в самых ярких и сильных выражениях. Данное разоблачение приобретает особое значение, если учесть, что в это время Владислав считался московским царем, а в Москве правили поляки и польские „доброхоты". Этих предателей автор пригвоздил к позорному столбу, величая бояр вместо „земледержцы", как они любили себя называть, „землесъедцами", вместо „правители", „кривители", предателями, рабами врага. Свое страстное послание автор обращает не к боярам, духовенству и дворянам, а к

народу и прежде всего — к горожанам, так как „наши благородний зглупали и душами своими пали навеки". Одни из них врагу-супостату „нас всех выдали да не токмо выдали, ино заедино с ними, со враги, вооружилися вкупе и хотят нас всех погубити", другие „ничего не могут учинити и не смеют стати".

Не только бояре и всякие „благороднии" предались врагу, но от них не отстало и духовенство, особенно высшее. „Богомольцы...—говорит автор,—и те славою мира сего прилестного прельстилися, просто рещи,[1] подавилися и к тем врагом приклонилися и творят их волю".

В своем послании автор дает целую программу действий. Наряду с многочисленными и горячими призывами восстать, он рекомендует вооружаться: „и препояшемся оружием телесным", „совет межу собою чинити, како бы нам от тех врагов своих избыти", защитить Гермогена, помочь смолянам; „станем храборски, — говорится в „Новой повести",—за православную веру, за православное христианство и не подадим того пастыря и учителя и крепкого поборника по вере православной и того нашего преславного града, иже за всех за нас тако же стоит и сопостата нашего держит". Дальше автор призывает поступить с врагами, с изменниками так, как это сделали смоляне, которые „многих доброхотных их, а наших врагов перерубили и перегубили и позорные смерти многим давали". Это обращение указывает, что во второй период осады Смоленска посадские люди и Шеин довольно решительно расправились с изменниками, польскими доброхотами. И, наконец, автор призывает к объединению всех сил и самопожертвованию: „не нерадите о себе", как это делают смоленские горожане, „и постоим вкупе крепостне... за свое отечество о достояние" и лучше „изберем славную смерть... нежели зде безчестное и позорное и горькое житие под руками враг наших". „Поревнуем и подивимся великому оному нашему граду Смоленску".

При рассмотрении случаев перехода из польского стана в Смоленск еще крепче подтверждается тот факт, что настоящими патриотами и защитниками родины были трудящиеся люди: ремесленники, слобожане, крестьяне.

---

[1] Говоря.

Из нескольких десятков зафиксированных случаев видно, что крестьяне убегали от поляков или в крепость, или в леса, а оттуда в город. Из 35 человек патриотов, которым удалось пробраться в крепость, было 23 крестьянина, из них одна женщина и один мальчик. Герой — крестьянский мальчик Титко Микифоров, захваченный под Смоленском поляками, был взят одним паном, который хотел отвезти его в Польшу, но Титко расстроил панские предположения и, улучив удобный момент, бежал. После долгих мытарств ему удалось по трубе в стене пролезть в город. Патриоткой была и Марица Ларионова, крестьянка Смоленского уезда, которая, пробыв две недели в „полону", бежала в Смоленск со своим ребенком. Все эти крестьяне выполняли свой гражданский долг еще и тем, что иногда сообщали очень ценные сведения о польских войсках и их мероприятиях.

Об отношении к польским панам крестьян говорит факт бегства польских воинов-гайдуков, которые в известной мере вербовались из крестьян. Сохранилось упоминание о таких трех „литвинах". Эти воины, как видно из документов, оказали неоценимые услуги защитникам, сообщив о планах подкопов, приступов, чем в большой степени облегчили оборону и отпор наступавшим. Эти факты перехода приобретают особое значение, если учесть то, что воины уходили из лагеря победителей в лагерь, судьба которого была решена у поляков и положение которого было чрезвычайно тяжелым. Они шли на прямую смерть, так как поляки с такими расправлялись беспощадно. Сколько надо было иметь мужества и как сильно должны были ненавидеть эти люди своих угнетателей, чтобы пойти на явную смерть.

Но кроме убежавших, было много попыток со стороны гайдуков уйти в город; так, например, в дневнике польского лагеря записано, что 1 мая 1610 года „один гайдук хотел передаться в крепость, но когда он пробирался тайком к стенам, то немцы заметили его и схватили... он и на пытках ни в чем не сознался, однако, на страх другим, приказано его повесить".[1] 4 марта 1610 года „усмотрен гайдук, желавший передаться в крепость. Когда он соз-

---

1 „Русская историческая библиотека", т. I, 1872 г., стр. 578.

нался в своем намерении, то был повешен".[1] Не зарегистрировано ни одного случая, чтобы из польского лагеря бежал шляхтич, а тем более какой-либо пан. Симптоматично явление, когда из Смоленска в польский лагерь бежали дворяне и попы, а из польского лагеря — гайдуки из крестьян и ремесленников.

Достойны быть отмеченными семь стрельцов, попавших в польский плен в разных местах. Они бежали в Смоленск во второй половине 1610 года, когда защитники терпели всякие бедствия, чего не могли не знать эти стрельцы. Как видно, они отказались перейти на службу к полякам, за что гетман пытал их и держал в тюрьме.

Приближалась развязка. Польское командование напрягало все силы, чтобы покончить со Смоленском. Поляки пользовались услугами изменников из смоленских помещиков.

Еще раньше, во второй половине 1610 года, есть упоминания, что подкоп с западной стороны вел какой-то смолянин, перебежавший в стан врага. Советы кн. Мортkина и Сущова — одновременного удара с нескольких сторон гетман Потоцкий претворяет в жизнь. Особую услугу оказывает интервентам смоленский Иуда — Андрей Дедевшин, который принимал участие в постройке крепостной стены. Он хорошо знал ее слабые места. Дедевшин указывает полякам на один участок с восточной стороны, около Авраамиевских ворот, который строили поздней осенью, где кирпичи были плохо сцементированы. Против этого участка поляки возводят шанцы и устанавливают орудия. Штурм крепости с нескольких сторон для защитников был особенно опасен именно летом 1611 года, когда в крепости осталось 300—400 человек здоровых, способных носить оружие. Остальные или вымерли, или были убиты, или, обессиленные, страдали тяжелой болезнью. Некоторые утверждают, что в крепости свирепствовала цынга. Теперь смолянам трудно было выставить необходимый заслон из воинов.

Шеин и посадские люди, несмотря на слабость своих сил, все же не согласились сдаться. Они решили выполнить свою клятву, данную в первые дни осады: по-

---

[1] Там же, стр. 547.

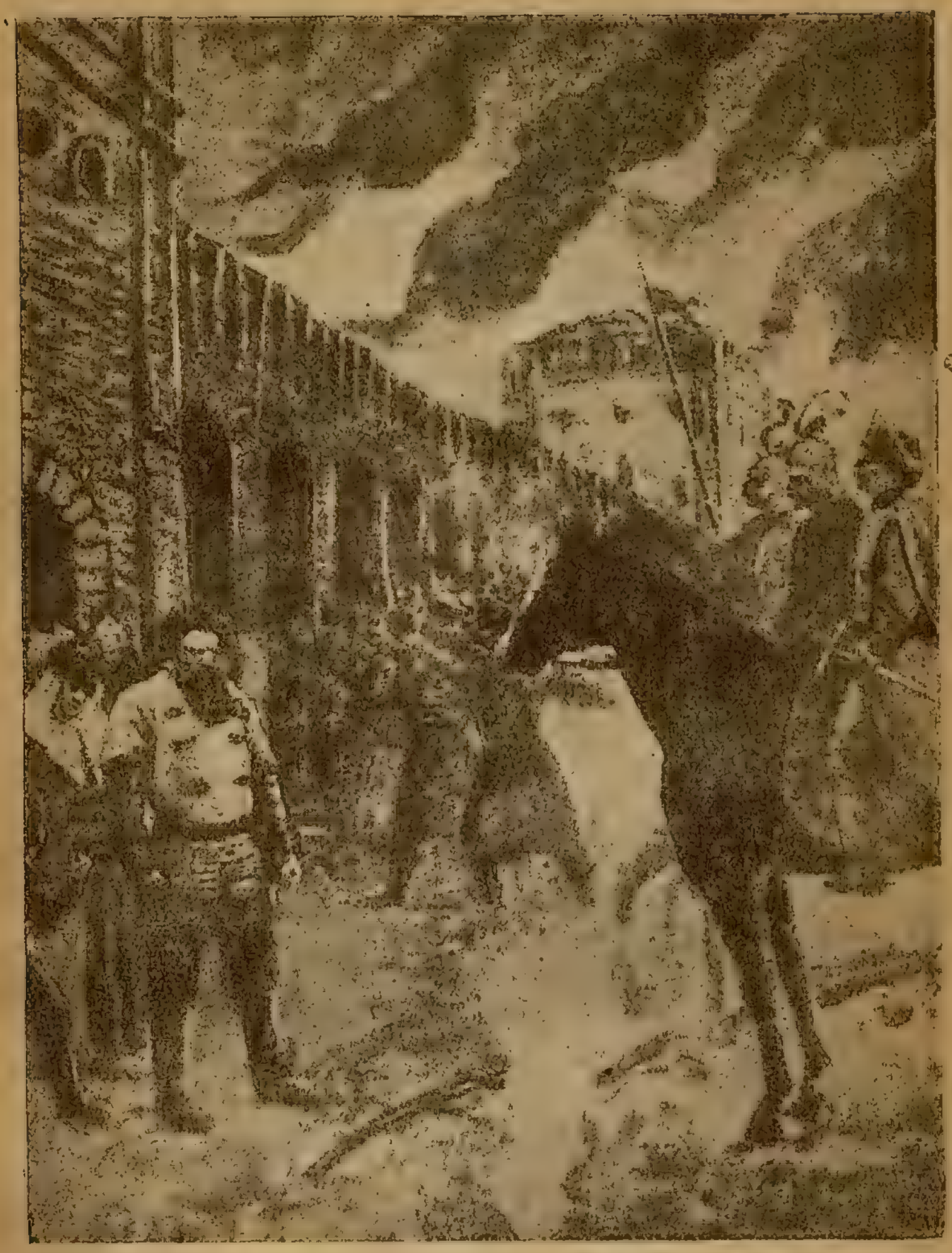
мереть, а польскому королю не поклониться. Несколько дней перед атакой поляки громили стены крепости с двух сторон — восточной и западной.

Трусы и изменники своими разговорами о том, что лучше сдаться, чем быть уничтоженными, выматывали последние силы у больных защитников. Смоляне несколько ночей с часу на час ожидали штурма. Женщины и дети работали, помогая воинам возводить укрепления, таскали камни, песок на стены.

Особенно разрушительной артиллерийская стрельба была 2 июня.

Авраамиевские ворота и прилегавший к ним участок стены сильно пострадали. Польские пушки громили уже насыпь за воротами. Та же картина наблюдалась и на участке старых проломов, с западной стороны.

Как только стемнело, поляки пошли на штурм. В проломанные Авраамиевские ворота в полночь на 3 июня врываются казаки и гусары, которыми командовал сам гетман Потоцкий. В это же время проломы западной стороны штурмуются немецкой пехотой. На этой стороне обороной руководит сам Шеин. Небольшой горстке смолян удается отбить атаку и вышвырнуть немцев из захваченной ими башни. Но у Авраамиевских ворот казаки потеснили защитников и овладели воротами. Шеин спешит подать помощь к Авраамиевским воротам. В довершение всех бед поляки делают большой пролом у Крылошевских ворот со стороны Днепра. Там пан Новодворский подложил петарду в водосточную трубу и разрушил стену. В этот пролом, который никто не защищал, беспрепятственно ворвался с несколькими ротами Дорогостайский. К пролому спешили больные защитники. Но было поздно. Все торжище захватил Дорогостайский. К нему прибывали все новые и новые силы. У Днепровских ворот завязалась горячая сеча. Под натиском в несколько раз превосходящих сил врагов защитники с боем начали отступать в гору по Родницкой улице, устилая путь трупами наседавших польских гусар. „Рыцари“ пана Дорогостайского спешили раньше своих собратьев ворваться в собор Мономахов, где хранились драгоценности, чтобы „промыслить“ побольше трофеев, т. е. пограбить. В этот собор, за его стены, бежали семьи смолян. Защитники упорно отбивались



„Сдача воеводы М. Б. Шеина 13 июня 1611 года".

С картины худ. В. И. Мушкетова. Смол. гос. музей.

от озверелых орд Дорогостайского. Немногие смоленские воины отступили в собор. По городу гуляли молодчики гетмана Потоцкого. Шеин со своим небольшим отрядом был отрезан. На него наседали с двух сторон немецкая пехота и казаки гетмана. Мужественный воевода продолжал отбиваться. Около него осталось 15 человек воинов да семья — жена, дочь и сын. Женщины, дети и часть защитников заперлись в соборе. На невысокие стены собора со всех сторон лезли поляки. Спасения не было. Их ожидала смерть или кабала. Защитники выбрали первое, решили взорвать собор. Некто Белавин поджег огромные запасы пороха (около 8 тысяч пудов), хранившиеся в подвалах собора. Страшный взрыв разрушил собор, похоронив под его развалинами несколько тысяч жителей, не пожелавших „поклониться польскому королю“. Немногие оставшиеся в живых бросались в огонь, ища там спасения от поработителей. Этот момент подтверждает, по рассказам очевидцев, и гетман Жолкевский. „Многие, — пишет он, — подобно как в Москве, добровольно бросались в пламя“.

Остался Шеин с пятнадцатью воинами на Коломенской башне. Он тоже хотел погибнуть, но мольбы и просьбы дочери и сына, которым гетман Потоцкий обещал сохранить жизнь и позаботиться о них, заставили Шеина сдаться.

Героизм смоленских защитников так описан у Карамзина:

„Россияне зажгли порох и взлетели на воздух с детьми, имением и славой. От страшного взрыва, грома и треска неприятель оцепенел, забыв на время свою победу, и с равным ужасом видя — весь город в огне, в который жители бросали все, что имели — драгоценности и сами с женами бросались, чтобы оставить неприятелю только пепел, а любезному отечеству пример добродетели. На улицах и площадях лежали груды тел сожженных. Смоленск являлся новым Сагунтом, и не Польша, но Россия могла торжествовать сей день, великий в ея летописях“.

Польское командование учредило Шеину допрос, который чередовался пытками. История знала немного случаев, когда командующих армиями пытали. Этого не позволили себе сделать московские „варвары“, когда

пленили на реке Ведроше польско-литовского воеводу Острожского. Этого не сделали „шпыни да блинники" Пожарского с начальником польского гарнизона в Кремле, паном Струсем. А „культурные" польские „рыцари" не хотели считаться с установившимися традициями.

Допрос Шеину был учинен по 27 статьям. Почему не сдал крепость, на что надеялся? — допытывались сенаторы. На это Шеин мужественно ответил: надеялся, что король отступит от Смоленска. Такого ответа от своего пленника король не ожидал. Почему не слушал советов архиепископа Сергия и кн. Горчакова о сдаче крепости? — требовали ответа обвинители. Польские паны вымогали у Шеина имена тех, кто советовал и помогал так долго держаться. Шеин не назвал никого и принял всю вину на себя. Но с помощью изменников поляки арестовали вместе с Шеином и еще несколько защитников, которых потом в качестве трофеев водили по улицам Варшавы на забаву пьяной шляхты. Поляки допытывались, где закопаны деньги. Им хотелось обвинить Шеина в связях с самозванцем, чтобы выставить его в качестве „вора" и найти удобный предлог расправиться с ним. Но воевода убедительными фактами отверг эти обвинения. Еле живого от перенесенных пыток, его заковали в кандалы и отправили в заточение.

Малолетнего сына Шеина взял себе Сигизмунд, чтобы по примеру немецких „рыцарей" в Пруссии сделать из него католического янычара.

Дав своим солдатам вволю пограбить Смоленск, король устроил торжественный парад, где поздравил рыцарей с победой, благодарил за „храбрость" и „подвиги". Ближайший советник Сигизмунда иезуит Скарга откровенно выразил мысли короля, которому по политическим соображениям нельзя было их высказывать вслух. Скарга в своей проповеди подчеркнул, что радоваться нужно прежде всего потому, что бог указывает путь „к расширению... правды католической". Предатели-бояре из Москвы прислали королю поздравление, в котором славили бога, что он послал „победу и одоление" над „непослушниками вашими". Низкопоклонно называя себя „верноподданными" короля, бояре всю вину за разрушение Смоленска и гибель многих жителей взвалили на „лихих людей" и прежде всего — на Шеина. Тем самым

они толкали сенаторов расправиться с неугодным и ненавистным боярином. Но в среде польских панов нашлись некоторые, вроде Новодворского, которые воспротивились кровавым замыслам. Мужество Шеина импонировало. Не случайно один польский хронограф сравнивал Шеина с Гектором, сыном троянского царя Приама. Кроме этого, польскому следствию не удалось подобрать сколько-либо удовлетворительное обвинение.

Король хотел было послать войска к Москве на выручку поляков и бояр, осажденных первым ополчением, но „рыцарство" потребовало жалованье за прошлую четверть. Королевская казна давно была пуста. Надеялись поживиться в Смоленске, но защитники вместе с собой похоронили ценности. Тем самым смоляне оказали еще одну огромную услугу родине: королю нечем было расплатиться с войском. „Рыцари" отправились в Польшу и Литву „в королевские имения" ожидать жалованья. Вскоре туда же и за тем же двинулись некоторые польские полки из Москвы. В Смоленске был оставлен небольшой гарнизон во главе с Потоцким, назначенным смоленским воеводой.

Польский король с сенаторами направился в Варшаву на празднество по случаю „покорения" Смоленска. Во всех городах Польши и Литвы устраивались пышные торжества. Во всех костелах говорились проповеди. Ксендзы и иезуитские проповедники призывали шляхту к дальнейшему походу во имя прославления апостольской церкви. На банкетах, балах восхвалялась храбрость и мужество „рыцарства", рассказывались небылицы, превращавшие каждое поражение в победу, выдумывались факты невероятного героизма. Все это было рассчитано на разжигание захватнических настроений шляхты, чтобы толкнуть ее дать на поветовых сеймиках свою санкцию на новые налоги.

В Варшаве была устроена демонстрация „победителей". 29 октября 1611 года по улицам Варшавы двигался своеобразный карнавал: в открытой и дорогой коляске, запряженной шестеркой белых турецких лошадей, ехал гетман С. Жолкевский, за ним везли Василия Шуйского с братьями, потом—Шеина с пленными смолянами, за ними везли Филарета Романова и остальных членов посольства. У королевского замка процессия остановилась. Ва-

силия Шуйского с братьями ввели в залу, где присутствовали сенаторы и знатные паны, а на троне, окруженный семьей, восседал Сигизмунд III. Там Жолкевский говорил речь, а бывший царь с братьями припадал к стопам короля. Эта комедия была завершающей сценой торжеств по случаю „покорения" Смоленска.

Благодарный советский народ никогда не забудет великих дел смолян и М. Б. Шеина.

Значение героической почти двухлетней (с 1609 по 1611 г.) обороны Смоленска для Московского государства было огромно. Смоленск задержал польское войско, не дал Сигизмунду „опростаться" и тем самым позволил собраться первому ополчению, позволил подготовить воинские силы для отпора полякам. Смоленский пример, смоленские грамоты разогрели сердца русского народа и подготовили почву для успешного выступления Минина и Пожарского. Страна была спасена от „угрозы порабощения русского народа польскими панами" („Правда").

Н. Рыленков

У Смоленских башен

В небо врезалась сурово,
Воле мастера верна,
В дни Бориса Годунова
Возведенная стена.

Мы взбираемся на башни,
Опаленные врагом.
Наши села, наши пашни,
Наша родина кругом!

Не сюда ль полки поляков
Собирались на разбой,
И грозил вельможный Краков
Править русскою судьбой?

Не сюда ль Наполеона
Шел разноплеменный сброд?
Не склонил Смоленск знамена,
Не открыл своих ворот!

С горьким дымом прах мешая,
Кровь—с днепровскою водой,
Вся страна моя большая
Принимала встречный бой.

Пролетает ветер мимо
Темной башни вековой,
И стоит неколебимо
Город мой, как часовой.

Н. Рыленков

1611 год

Москва поругана. В Кремле засели ляхи,
Чадят костры у Иверских ворот.
А старые бояре жмутся в страхе
И лижут пятки польских воевод.

Но родина жива. Готовит мщенье
Народный гнев, родившийся из мук.
И в земское скликает ополченье
Людей посадских Минин-Сухорук!

Н. Рыленков

Скоморох Овсей Колобок

I. Толкучий рынок

У кружала толпится гулящий народ,
Ловят нищие черствые крохи,
И, толпу раздвигая, ярыжка орет:
— Стронитесь, идут скоморохи!

Скоморохи идут, короб смеха несут,
Торбу присказок свежих, горячих —
Про боярский ли суд,
Про неправедный суд,
Про попов,
Про дьяков,
Про подьячих.

Сторонись, кто не слеп, сторонись, кто не глух,
Не мечись, словно девка в горохе.
Затихает народ, раздвигается круг
И выходят на круг скоморохи.

Впереди выступает, дороден и сед,
В колпаке из бересты, боярин.
Он умаялся. Мочи у старого нет.
Красный весь, будто в мыльне распарен.

Охти мне,— говорит,— как не вымотать жил
Мне в заботах, трудах неустанных?
Трем царям,—говорит,— я прямил и служил,
Был боярином ближним в трех станах.

Трем царям отдавал я боярскую честь,
Что же чести боярской дороже?
От Василия Шуйского грамота есть,
От калужского царика — тоже.

Третью дал Жигимонт. Помогал, сколько мог,
Возвести на престол Владислава.
Был в трех лицах един, яко бог Саваоф,
И до смерти умаялся, право.

А второй скоморох отвечает ему,
Пыль взметая боярским кафтаном:
— Где же были твои сыновья, не пойму,
Что один ты в труде неустанном?

Я ж спокойно своих сыновей разошлю,
Мной указано каждому место.
Первый служит Василью,
Второй — королю,
А уж царику — младший, известно.

А когда Владислава избрала Москва,
Всех троих к Жигимонту отправил.
Кто боярские наши не рушит права,—
Тот и царь нам. Держись моих правил.

Неугодных боярам не будет царей,
Не придут в наши вотчины воры.
А в народе шумят — хоронитесь скорей,
Из кружала выходят жолнеры.

Два жолнера идут на толпу, озверев,
А толпа — будто рой перед ульем.
— Не позволим московскому хлопу, пся крев,
Над панами глумиться, над крулем.

— Отгадайте-ка лучше загадку мою,
Чем пустые вести разговоры:
Я в Москве или в Кракове с вами стою?
— Все равно,— отвечают жолнеры.

— Все равно, да не всем,— говорит скоморох,—
Я не рыцарь, как вы, и не витязь,
А оглоблю возьму — не найдете дорог,
Оглянуться назад побоитесь.

— Ого-го,— зашумела толпа,— скоморох
Правду молвил — огреем не плохо.
Но жолнер длинноусый от злости оглох
И схватил за плечо скомороха.

— Кто ты, хлоп? Говори!
— Я — Овсей Колобок.
Что оскалился, словно собака?
Я от бабки утек,
Я от дедки утек,
От тебя утеку, краковяка!

Мне дорога прямая, открытая в лес,
Лес мне дома отцовского вроде.
Развернулся, плечами тряхнул и исчез,
Словно в омуте щука, в народе.

А когда не спеша выходил из толпы,
Скомороха окликнул посадский:
— Ты куда, Колобок, направляешь стопы?
Проходи-ка за мной, да с опаской.

II. Разговор в боковуше

По кривым переулкам, по улочкам узким,
Мимо домиков, духом обвеянных русским,

Шел Овсей и раздумывал: нет ли подвоха,—
Что́ посадскому надобно от скомороха?

Не ведет ли его он к литовским жолнерам,
Не таятся ль они где-нибудь под забором?

Налетят вороньем: уж теперь-то повесим!
Для того ль он скитался по градам и весям.

Не свернуть ли в сторонку, пока не связали!
А посадский уходит все дале и дале.

А осенние сумерки пусты, туманны.
Запирают свои рундуки торгованы.

По задворкам вечерняя бродит истома;
Окликает посадский:— Ну, вот мы и дома!

Распахнули калитку, прошли через дворик.
— Дым жилья моего не покажется горек,

Побеседовать будет за чаркой не тяжко,
А зовут меня, ведай, Русанов Ивашка.

Но Овсей оглянулся назад. У порога:
— Что посадскому надобно от скомороха?

Улыбнулся посадский:— Входи без сомненья,
На тебя ль мне за пазухой прятать каменья!

Родился я далече, в Смоленском посаде,
На Москве поселился торговлишки ради,

Да от смуты великой торговлишки нету,—
Всех нас польские паны сживают со свету.

В рундуках у меня, как в отцовских владеньях,—
Облюбуют товар, забирают без денег.

Как потребуешь платы — берутся за сабли.
Ну, не хлоп ли я польского пана, не раб ли?

Потихоньку в кармане покажешь им кукиш:
Погоди, мол, на саван холста себе купишь!

И повел в боковушу. В пустой боковуше
Не подсмотрят глаза, не подслушают уши.

Покосился Овсей на кивот золоченый,
Оглянул поставец из березы точеный,

Стол — с ковригою хлеба, с высокой солонкой,
Серебристые кисти на скатерти тонкой,

Пооконник узорный, полавочник шитый,
Расцвеченный хозяйской рукой домовитой.

На тяжелых подвесках лампады горели,
Озаряя литые судки и тарели.

Все, на что ни взгляни, в боковуше блестело
И не знал он, куда ему деть свое тело.

На лице, перепачканном сажей и глиной,
Чуть топорщился клок бороденки недлинной,

Под усами колючими прятались губы:
— Нет, лужайки просторные больше мне любы!

А посадский, в порядке домашнем уверясь,
Снял намокший колпак, распахнул свою ферязь,

Подошел к поставцу — загремела посуда.
— Белорыбицы будет отведать не худо.

И достал сулею веселящего зелья:
— Ради дружной беседы, не ради безделья,

Не побрезгуй моей небогатой закуской,
Выпьем за избавленье земли нашей русской

От литовского пана, от крымского хана,
От всего иноземного вражьего стана!

А Овсей:— Скоморошьи гудки да сопели
Уж давно бы им вечную память пропели.

А посадский:— Так что ж не дает скомороху
Созывать на ховтуры народ понемногу?

А Овсей:— Легковерны московские люди.
Скажут мне, скомороху: царем у нас буди,

Поиграй золотою державой, как цацкой!
— Ну, какой же ты царь! — удивился посадский.

— А такой же, как Шуйский, он тоже по чину
Перед вами менял скоморошью личину.

И морочил вам головы сказкой нехитрой:
То Димитрий убит, то воскреснул Димитрий.

И внимали московские люди, доколе
Старый плут не уселся на царском престоле.

А уселся, потешил вас новою сказкой
О мощах... — Ну, довольно! — ответил посадский.

— Что напрасно теперь поминать про Василья,
У того у Василья подрезаны крылья.

Семь бояр посадили в Кремле за царя мы,
И неведомо стало, кто кривы, кто прямы.

Ляхам продал Мстиславский Москву, как Иуда,
Чтоб княжат сберегали от черного люда.

Утонула боярщина в скверне и блуде
И решили посадские лучшие люди:

С городами списаться, просить порадеть их,
Чтобы смута, как тень, не лежала на детях.

И подумал Овсей: „Говоришь ты неплохо,
Только что тебе надобно от скомороха?"

— Стал оплотом от ляхов Смоленск крепкостенный,
Только страшно — не взяли б Смоленска изменой,

Говорят не облыжно про это в народе,
Уж бояре послали указ воеводе,

Чтоб в Смоленск он впустил королевское войско,
Чтобы стал он податливей теплого воска.

Но указ был без подписи без патриаршей,
И его воевода ослушался старший.

Воевода тот — Шеин, он крепок в осаде,
Любят все воеводу за то на посаде.

Землякам и держателям славного града
Мне б отправить советную грамоту надо.

Пусть узнают о нашей злокозненной жизни,
Порадеют по всей по великой отчизне.

— Что же, мне до Смоленска знакома дорога,
Положись без сомнения на скомороха.

Усмехнулся посадский, прищурясь лукаво:
— Вижу я, что гудок у тебя не забава.

III. Смоленская дорога

От города торгового, от Вязьмы,
Казали путь Овсею старики:
— Лаптями протоптали через грязь мы
Тропинку потайную до реки.

За переправой поверни направо,
Бреди в ночи по звездам золотым.
Придешь в Смоленск, — скажи, что Владислава
Мы на престол московский не хотим.

Еще скажи смоленским ратным людям,
Что скорбь их слышит русская земля.
Мы животов своих жалеть не будем,
Доколе не прогоним короля.

Обычаев отцов на поруганье
Папежским изуверам не дадим...
Вдали зари холодное мерцанье,
Пороши первой синеватый дым.

Днем Колобок скрывался в перелесках,
Наощупь ночью продолжал свой путь,

Чтоб слышать звон колоколов смоленских,
В бессонные бойницы заглянуть.

И поклониться Шеину:— Для всех ты
Стал стражем русской горестной земли...
Но у стены смоленской взяли кнехты
И для допроса в табор повели.

Шел Колобок, по сторонам глазея.
Попался сам, так и держися сам!
Нет, грамоты московской у Овсея
Не отыскать им, королевским псам!

Не перебрать им дудки да сопели.
А пытка — что ж, Овсею не нова...
Костры дымили, лошади храпели,
На приступ собиралася литва.

Орала шляхта, пьяная на совесть.
И шла вразвалку косяком гусей.
Взглянул на стены города, готовясь
Перед панами отвечать, Овсей.

Но в таборе знакомой русской бранью
Длиннобор дый встретил дворянин:
— Куда совал ты голову баранью,
Зачем, скажи, пришел сюда один?

Лазутчиком от Шеина?

Смиренно
Поклон отвесил низкий Колобок:
— Я — скоморох, мне море по колено,
А ручеек, что море, мне глубок.

Из края в край ходил я, потешая
Простых людей. Так голова целей.
Я не боярин, борода большая,
Не мне судить да разбирать царей.

Был Дмитрашка царек,
Был Василий царек,
Был Илейка царек,

Был Петрушка царек,
Был в Тушине царек,
Был в Калуге царек,
Был на Волге царек,
Был в Черкасах царек,
Я, Овсей Колобок,
Ото всех я утек.
Полюбил, скоморох,
Я раздолье дорог.

А кто они — цари аль самозванцы,
Пусть ведомо то будет королю.
— Эй, не дури! Скажи, зачем за шанцы
Пробрался ты? Не то пытать велю.

— Я брел туда, куда глядели очи,
Да и забрел к вам, в королевский стан.
Литовцы-де до музыки охочи,
Слыхал я мимоходом от крестьян.

Хотел я прибауткой скоморошьей
Литву потешить...
— Ты свое опять?
Ну, так понюхай дыму. Эй, хороший
Разжечь костер. Попробуем пытать.

И вот уж груда хворосту дымилась,
Валялась сумка, спутница дорог.
— Ну, что ж, погреюсь, если ваша милость,—
Сказал Овсей.— Я до костей продрог.

А рядом пан скривил брезгливо губы:
— Ну что за важный пленник. Хлопский шут.
Мы много чести сделали ему бы,
Когда б его огнем пытали тут!

И так забыл он все пути и тропы,
Не доберется до своей дыры.
Пускай московские узнают хлопы,
Как милосердны мы и как добры.

Назад Овсей шагал, как победитель,
Подмигивал жолнерам на-ходу:
— Прощай, литва, глядите ль, не глядите ль,
Куда я брел, туда и прибреду.

Как боярин-то дурак
В решето пиво цедил,
В решето пиво цедил,
В сарафан его сливал.
Возьми, дурак, бочку,
Больше нацедишь!

А поп-от дурак
Чепелем траву косил.
Возьми, дурак, косу,
Больше накосишь!

Прощай, литва,
Костлявая плотва.
Плывет щука,
Сторонись, ну-ка!

IV. Воевода Шеин

Шла ночь, снежок сквозь сито сея
На груды мерзлые земли.
Подняли на стену Овсея
И к воеводе привели.

Стрельцы бессонные у входа
Переглянулись — скоморох.
В доспехах ратных воевода
Встал перед ним, суров и строг.

Войной до времени состарен,
Пытливый взор его тяжел.
— Откуда?
— Из Москвы, боярин,
С советной грамотой пришел.

— Так где же грамота?
— В сопели.
— Ах, скоморох, ты бес почти!
Не дьяки перьями скрипели
Над этой грамотой... Ну, чти!

И Колобок читал:
— Радея
К тебе, о русская земля,
За сердце жадное злодея
Смольняне держат короля.

Доколь стоит Смоленск, не страшен
Король, свою поправший честь...
И воевода встал:
— У башен
Велю я грамоту прочесть!

Оставят головы на плахе
Все доброхоты короля.
И пусть идут на приступ ляхи,—
Мы отстоим, в огне и прахе,
Тебя, Московская земля!

Крепки мы волею народа,
А рухнут башни подо мной...
— Дозволь, боярин-воевода,
Просить о милости одной.

— Проси!
— В Смоленске ратных мало
И стены некому беречь.
А я мечом владел, бывало.
Вели, боярин, дать мне меч.

Но воевода сдвинул брови
И руку вытянул вперед:
— Ступай в поля,
В леса,
В дубровы,
На ляхов собирай народ!

V. Боярыни

У хором воеводских столпились боярские жены,
Все равно как на жальнике, заголосили впричет:
— Животы наши забраны, вотчины наши сожжены,
Кровь отцов и мужей наших лето и зиму течет.

Слышь, как пушки палят, не заделать пробоин и трещин.
Покорись, воевода, не слушайся черных людей,
На московский престол Владислав-королевич обещан,
И король Жигимонт нам не ворог теперь, не злодей.

Так почто ж супротивничать будешь ему, воевода,
Нас в сиденьи осадном под медленной пыткой держать?
Брось упорство свое, распахни городские ворота,
Поклонись королю и впусти королевскую рать.

И сказал воевода:— Не вы подставляете груди
Под литовские пули. Ложитесь не вы головой.
Королевские милости знают московские люди,
А сладки ль эти милости,— скажет свидетель живой.

Выходи, Колобок, похвались, Колобок, нам с крылечка.
Каково на Москве за поляками стало житье?
— Похвалюсь, воевода, как станет хвалиться овечка,
Когда снимет хозяин косматую шубу с нее.

Похвалюсь, воевода, как будешь хвалиться ты, в терем
Душегуба захожего ночью осенней впустив...
А боярыни прут: — Мы глумцу-скомороху не верим,
Потому — скоморох — он рассказывать сказки ретив.

— Что ж,— вздохнул Колобок,— если сказывать сказки негоже,

Я могу вам, боярыни, сущую правду сказать.

Патриарх Гермоген не чета скомороху, а тоже
На кремлевском подворье литовцами заперт, как тать.

Он указ подписать не хотел под ножом Салтыкова,
Чтоб сдалися смольняне, как овцы ватаге волков.
На меня ж, скомороха, не сыщут запора такого,
Мастера иноземные сделать не могут замков.

Я — Овсей Колобок,
Я от бабки утек,
Я от дедки утек,
От того ль вертопраха,
От ляха,
Не утечь Колобку?
И потрогал гудок на боку.

— Прощевай, воевода, прощайте, смоленские люди,
Не кляните, коль словом я, словно крапивой, обжег...

У скудельной избы Колобок оглянулся. На груде
Мертвых тел — пеленой похоронной белелся снежок.

А у башен стояли суровые сторожевые,
Коченея, сжимали рогатины и бердыши.
— Не откроем ворот, королю не сдадимся живые,
Пусть нас мертвых казнит. Так про нас на Москве и скажи.

VI. Плач о разорении земли русской

Шел Овсей Колобок по тропам и дорогам,
Ночевал на заимках, в починках и селах.
И под каждым окном и за каждым порогом
Слышал скорбную повесть о днях невеселых.

На пути, как в недоброе время Батыя,
Даже ветер кусты обходил осторожней.
Попадались все чаще деревни пустые
Средь забытых лугов и неубранных пожней.

Замолкал у околиц гудок скомороший,
Где, дымясь, обгорелые бабки торчали...
И метель по зиме не закроет порошей
Ни обиды народной, ни горькой печали.

Кто ушел, позабудет родные места ли,
Пепел крова родного по ветру рассея?
Скоморшьи запевки — заплачками стали
Над поруганной русской землей у Овсея.

То не туча со громом, с перкучею молнией
Обложила все небо с восхода до захода,
То литва окружила поганая
Все великое царство Московское.
А и русские люди на поклон к ней пошли,
Все московские люди, все знатные,
Все большие люди, служилые,
Боярских родов да княжеских.
Приходили к папежскому выродку,
К королю Жигимонту литовскому,
И просил себе каждый милости,
А за Русь заступиться и некому.
Первый просит: дай мне стольничество,
Другой просит: дай окольничество,
Третий просит: дай боярство мне.
А за Русь заступиться и некому.
Подымайтесь, люди черные,
Городские и посельские,
Кто не слеп, кто не глух, кто не крив душой,
Не надейтесь на бояр со княжатами,
Выгоняйте вы литву долгополую,
Иноземную силу несметную
Из великого царства Московского,
Не надейтесь на бояр со княжатами.

И ковали себе мужики шестоперы,
Самострелы прилаживали за плечами,
Хоронились в барсучьи глубокие норы
И шишами в стороже себя величали.

Подымалась на ворога Русь городская,
Деревенская Русь ей на помощь спешила.
По земле по великой, друзей окликая,
Шел Овсей Колобок, и росла его сила.

Слышал--в Нижнем купцов уговаривал Минин,
Слышал—пробовал старую саблю Пожарский.
Шел Овсей Колобок. Путь был труден и длинен,
Да пошел он по нем не по воле боярской!

Н. Грибачев

Воевода Шеин

I

Цынга.
Осада.
Похоронный звон
над городом с утра и до заката
ползет, возносится на скат со ската,
как будто к мщению призыв:
Дон-н-н...
Дон-н-н...

Расщепленные пни на месте сада,
разрыта мостовая,
и ядром
разбитый —
догорает чей-то дом...
Звон похоронный и цынга.
Осада.

А за стеной зубчатой,
над Днепром
весь день маячат ляхи и рейтары,
идут полки,
и на редутах старых
рождается
и к стенам мчится гром.
И Сигизмунд, обрюзгший и усталый
от козней сейма,
сплетен и войны,
глядит на грозные зубцы стены,
вонзившей в синеву
свой профиль алый.

Глядит и думает:
— Кому верны
те, что в осадный город собралися?
В пучине смут исчезла тень Бориса,
развеян пепел Дмитрия,
захлестнут петлею волчы тяжкой и холодной
Болотников Иван, гроза царей.
Развенчанный немилостью народной
судьбы злокозненной своей
второй Димитрий не избегнул:
„Вор!“—
вот та история суровой мета,
которую ничем уже не смыть.
Не тронь он Араслана—может быть
была б взята корона и надета...
Суровый, беспощадный приговор!

Проклятье неба, кажется, таится
у трона московитского. Ей-ей!
Пойдешь к нему — далек,
взглянешь—он близко.
Шесть лет прошло — и пять ушло царей!
Кому ж служить Руси? Итти к кому
и мудрому, и сильному с поклоном?
Грызней боярской, колокольным звоном,
слезами смерда в поле и в дому
пугая королей,
влечет Москва.
Как далека она,
и как близка!

„Один удар,“—нашептывали ксендзы.
Один удар? Но вот второй уж год
стою,
не в силах двинуться вперед,
и нищенские тянутся обозы
на сотни верст —
да сохранит их бог —
по ненадежной ниточке дорог.

„Назад“,— теперь мне гетманы твердят.
Но кто сказал, что путь открыт назад?

Сильней я их,
а стычки все не реже,
со стен — стрельба,
отставших смерды режут,
отряды пропадают по лесам.
Дивлюсь еще,
как я не пленник сам!

Но я — король
и не приму позора,
не будет стыд на совести моей.
Со смердами вступать в переговоры
прилично ли потомку королей?
А снять осаду —
на смех всем,
кто сейм мутил,
кто нынче мутит сейм.

Так те, что мне „вперед“ твердили,
пусть сами первыми идут,
пусть обещают,
угрожают,
лгут,
пусть покупают —
деньги в этом мире
возводят троны, направляют труд,
ломают сталь
и крепости берут.

Уж к нам бегут смоленские бояре,
попов не жалует паства.
У нас защиты просят не спроста —
в победу
веру потеряли!

И лишь смоленский воевода
ведет войну на собственную власть.
Но город
и бесхлебный, и безводный
не пасть не может.
Он обязан пасть!

Так пусть же, руки над углями грея,
он властвует над трупами и тьмой.
—Эй, кто там!..
Приказать на батареи—
пускай стреляют, ядер не жалея,
пусть жгут, крушат, над крепостью-тюрьмой
пожаром зажигая
облака...
И позовите мне
духовника!

А над Смоленском с четырех сторон
плывет церковный звон —
над улицей, над выгоревшим садом,
над стенами, что стали страшным адом,
как мести зов:
—Доннннн...
—Доннн....
—Доннн....

II

От дум тревожных одуревший,
все ходит, ходит горницею он.
Опять звонят. К чему трезвон?
Все похороны, похороны... Где же
конец всем бедствиям народным?
Шесть лет разбоев, заговоров, смут,
боярские перемешались роды,
царя все нет, как мухи, смерды мрут,
поляки и ливонцы наводнили
потомственные вотчины князей,
одних купили, а других казнили,
и от врагов
не отличишь друзей.

Куда податься? И когда конец?
И кто там ломится?
— Гонец!

Шеин

— Я ниотколь гонцов не ожидаю.
От Сигизмунда, что ль?

Гонец

— Москвы послы,
с хорошей вестью... Множество страданий
мы приняли; все лезли, аки псы,
в цари, вокруг кровопролитье ширя,
но избран Владислав. И вот
боярское собрание решило
великим миром замирить народ...

Шеин

— Достойное Салтыковых решенье!

Гонец

... и тушинский бесславно помер тать,
и должен-де ты, воевода Шеин,
отцу царя Смоленск без боя сдать.
Тогда и мир с поляками...

Шеин

— Эй, люди!
Под стражу сих изменников-послов.
Давно бояре с ляхом в блуде,
наслушались мы их медовых слов:
в лоб не возьмут — идут с обманом.

Гонец

— Есть грамоты охранные у нас!

Шеин

— А кто их пишет на Москве сейчас?
Кто нынче верит грамотам охранным?
Царя все нет, верхи бояр в разброде,
и польскому не трудно воеводе
и грамоты писать и слать послов...

И где-то глухо звякает засов.
И снова,
темнолицый,
шагает он по горнице в ночи...

... Спасибо, что предупредил Голицын:
придут послы —
приказ прими и чти,
но, думскому не следуя посланью,
Смоленск держи, покуда хватит сил:
царя не будет — сами биться станем,
кому и край и говор русский мил.

Да, пусть Москва арест послов сочтет
ошибкою в сидении осадном:
имеет право ошибаться тот,
кто облечен доверием и саном.
А взыщут — что ж... Одна бывает смерть!
Покуда ж и ремесленник и смерд
плечом к плечу подперли эти стены,
пока идут в осаду к нам —
ни подкупами,
ни изменой не быть здесь
польским королям!

И пусть бояре потеряли веру
в спасенье от литовских орд —
смоленских воинов примеру
на всей Руси последует народ.

И мы в ответ на думское посланье —
о польском иге сладкую тоску —
от наших воинов напишем сами
простолюдинам русским на Москву.

— Всем русской веры людям,
вставайте! Нам ли по-литовски петь?
Доколе ляхам покоряться будем
и веры поруганье терпеть?

Иль разучились мы сражаться? Или
брать у Литвы нам мужества взаймы?
Тевтонов били мы, татар мы били,
бьем Сигизмунда под Смоленском мы.

Пусть город год уж голодом томим,
но коль в сидении осадном нашем

нам не помогут — мы костьми поляжем,
а славу русскую не посрамим!..

Так думал воевода. А за рощей,
как на картинах адовых точь-в-точь,
багровым дымом по верху обросший
вставал пожар, распарывая ночь.

... И вспомнил службу Шеин воевода,
болотниковский памятный поход.
Народ Руси? Не с этим ли народом
шумел бунтарь у Иверских ворот?

В разгромах вотчин он ли не повинен?
Казалось,— миг и трон падет.
Сам чудом жив остался он у Ливен.
А кто разбил его?
Народ!

Боярина и воеводу —
его едва живого унесли...
А ныне сам он к этому народу
Взывает о спасении Руси.

Зовет народ со всей округи,
с посадскими советуется сам,
ремесленникам пожимает руки,
шлет письма смердам, севшим по лесам.

Со старостой садится рядом,
томит себя бессонницей, постом...
Но лучше нынче власть делить с посадом,
чем данниками панов стать потом.

Так ночь идет.
И в лагерях обоих
горят костры и кони ржут
и,
потревожены стрельбою,
царей и крулей ратники клянут.

III

Всю ночь не спится королю,
все то же
мерещится видение ему:
посол Москвы —
тяжелый, краснорожий,
и трон Москвы —
весь в искрах и дыму.

Поют дьяки протяжно и гнусаво,
курится пар,
в дыму заря...
И на престол
возводят Владислава,
а он,
осмеянный отец царя,
забытый гетманом, оттертый в тень
стоит, как нищий, у смоленских стен.

Ну, пусть уж это бред — не под стеною,
пусть Владислав — на сына он не зол,
но, матерь божия, какой ценою
московский
покупается престол!

Принять их веру, нравы и обычай,
москвичку называть женой,
лишить поляков на Москве отличий
и отозвать войска...
О, боже мой!

Какая азиатская насмешка,
какое поношение без слов!
А он надеялся,
он мешкал,
он уговаривал послов.

И все — Жолкевский, гетман и Сапега —
сплошная дурней рать!
Не взять Москву
ни речью, ни набегом,
Москву в Смоленске надо брать.

Поляки были с Дмитрием в Кремле,
а где они?..
Не спит король. Во мгле
все ходит он, шаги то сокращая,
то ширя под покровом темноты.
Как были щедры все на обещанья,
как обещанья их
пусты!

Манили — приносили подношенья,
пришел — того гляди, что будешь бит...

Не спит король.
И воевода Шеин,
задумавшись о будущем,
не спит.

IV

А над Днепром,
Над Волгою,
Над Волхвом,
В ночной полет
выманивая сов,
плывет луна,
в пути глухом и долгом
оглядывая
марево лесов.

В такую ночь
Руси бы спать да спать бы,
и,
набираясь сил в объятьях сна,
рожать хлеба,
готовить в осень свадьбы,
плясать и пить.
И все ж не спит она.

Звонят в церквах,
кострами у дороги
разбойников дразня,
бредут шиши,

проходят скоморохи,
со свитой
скачут на Москву князья.

Порою
погрохатывают пушки,
блеснут секиры
в воинском строю,
и,
колоколу вещему-послушны,
новогородцы,
как поток ревущий,
спешат
на сходку шумную свою.

И в пламени Москва вся,
как в обнове,
туманной ночи
рушит тяжкий плен,
и режутся с Гонсевским
Ляпуновы,
и молится за русских
Гермоген.

В багровых бликах
бороды и лица,
тепла
и кровью перемыта медь...
Что этой ночью русскою
родится?
Что в ней должно
навеки отмереть?

Какие
испытания и беды
несет
народу русскому она?
Какие в ней
начертаны победы,
чьи выплывут
над веком имена?

Какие
города и поселенья
возникнут вновь
иль будут сожжены?
Плывет луна,
бегут над лесом тени,
ветра шумны
и облака черны.

И Русь не спит.
И, как в былые годы,
взнесенная
на яростной волне,
она зовет,
она трубит походы,
она рождает
громы в тишине.

И пусть местами
шум как будто мирен:
позавтракав,
пока не рассвело,
уже с супругой
распрощался Минин,
и князь Пожарский
сел уже в седло.

Быть на заре
неотвратимой буре!
Опять вся Русь
пойдет в свой тяжкий путь.
Ее татары гнули —
не согнули
и ляхи гнут —
и ляхам не согнуть!

Богатыри
падут в бою со славой,
полягут серым пеплом
города,

но над Москвой ее
золотоглавой
величья не закатится
звезда.

И новой володетели науки
для громких дел,
презрев глухой уют,
споют ей славу
боевые внуки,
и боевые правнуки
споют.

И, как смоленский воевода,
скажем
мы,
люди новых дней — сынам своим:
„Придет пора — в бою костьми поляжем,
но славу русскую — не посрамим“...

И ночь идет,
таежная, глухая,
и кажется —
нигде ей края нет,
но,
грозовые тучи собирая,
уже во мгле
прорезался рассвет,
раскраскою военною
играя...

V

Утром пришел к королю дворянин —
грязью забрызган, высок.
— В крепости нашей я не один,
но воевода — строг.

Прибрал к рукам воеводу посад,
черная кровь и кость.
Город, король, может быть взят...
— Садись, любезный нам гость.

Садись, говори, ничего не тан.
Крепость — вроде тюрьмы,
плохо придется им... Но твои
заслуги оценим мы.

— Город строил нам крепостной,
задумано дело впрок.
Но зима наступала, и со стеной
управки не было в срок.

Клали ее кирпичом сырым,
глиной крепили сырой...
Отдай приказ саперам своим,
где укажу я — рой.

— Русский? — спросил дворянина король.
— Русский! — ответил тот,
старинная кровь, дворянская кровь,
рюриковичей род.

— Я умным дворянам отменно рад,
избрали правильный путь.
Не пожалею чинов и наград,
иди и почтенным будь.

И когда показал пришелец стену
и ушел
сухопар и сед,
поднялся король, собрал слюну
и плюнул ему
вослед...

VI

Полки пошли.
Сперва, как на парад,
за рядом ряд,
за рядом ряд,
через туман
туда, где взнесена
руками смердов
гордая стена.

Копейщики,
жолнеры,
волонтеры,
немецких кнехтов
тяжкие уборы...
Так из тумана,
словно из воды,
под стенами
возникли их ряды,
сперва по пояс,
по колено,
выше.

И тяжкий шаг их слышен
за стенами.
И от туманов сед,
едва
прорезался рассвет.

Потоцкий
у Аврамьевских ворот
нежданно появился,
наперед
отборную пехоту посылая.
У Крылошевских,
лопоча и лая,
жолнеры с венграми
в сверканьи лат.

Тогда,
начало битвы возвещая,
с Молоховских
ударили в набат,
и, как гроза грозе,
как грому гром —
набатом отозвалось
над Днепром.

И вдруг,
над грозным говором оружья,
над звоном,
город алым озарив,

сметая все,
круша,
ломая,
руша —
у Крылошевских прокатился взрыв, —
и до седых холмов
потрясена,
осела красным облаком
стена.

А там ворота взорваны,
а там
подвозят пушки
к воротам...

Больные,
исхудавшие в осаде,
снимая
кафтаны и армяки,
средь тучи искр и пламени
в посаде
литовцев
режут мужики
и,
отражая утро и пожар,
сверкают
сабли горожан.

Ударит меч,
сорвется выстрел гулок
и брызнет кровь,
вскипая на углях...
За каждый дом,
за каждый переулок,
за каждый камень
рассчитывайся, лях!

Так, выбит мором,
голодом измучен,
пылающий, как факел,
над Днепром
он, город, умирал,

подобно туче
рождая
молнии и гром.

Когда же ляхи
мутною рекою
к собору хлынули
на воре вор! —
подорванный
недрогнувшей рукою,
поднялся, грозный,
встречно дню и бою
и на врагов,
гремя,
упал собор.

И стихло все на миг.
И содрогнулся
король —
томили злоба,
страх и грусть:
так вот оно —
гостеприимство русских!
Так вот она как умирает —
Русь!

Победа?
Да. Но, как злосчастный Пирр,
какой ценою он ее купил!..

А над полями стлался пепел тихо,
тянулся дым, чтобы пропасть в лесу,
и капельку росы гречиха
на землю обронила, как слезу.

VII

Шел в башнях бой,
сужаясь и стихая:
взрывали их
и поджигали их,

и лишь одна,
в лучах зари играя,
вела огонь
из всех бойниц своих.

В крови проход
и лестницы уступы;
на стенах
мозг и кровь,
и вход
загородили трупы,
оружье
и доспехи смельчаков.

Уже давно
назначили награду
тем, кто туда
ворвется, осмелев...

То Шеин сел
в последнюю осаду —
израненный,
но все же грозный лев.

Опять послы
идут к нему с почетом,
вновь то прощают,
то грозят тюрьмой.
Но путь его
давно начертан —
путь смерти,
неподкупной и прямой.

Простых людей
пример явила рать,
как биться,
как
в сраженьи умирать!

И он умрет, придет пора,
но он
еще свободен
и вооружен,

свои еще вокруг него
и меч
его ответ
на вражескую речь.

И вдруг поник
устало и бессильно
предчувствием недоброго
томим:
приказом гетмана
жену и сына
поставили
пред ним
(„Взять Шеина живым“— в который раз
начальникам король отдал приказ).
— Сдавайся, воевода!
— Подожду!..
...и мальчика до пояса раздели.
— Сдавайся, воевода!
— Подожду!
...взлетела плетка и на детском теле
оставила змее подобный след...
— Сдавайся, гордый воевода!
— Нет!

— Сдавайся! — молвил ратник из посада,—
Сдавайся. Биться больше не с руки.
Коль буря дерево свалила — надо
зеленые оберегать ростки.

Глядь, год пройдет, глядишь, минует два,
а там, глядишь, поднялись дерева...

— Сдавайся!
— Нет!
— Конец такого рода!..
...А год пройдет,
еще минует год...
И молча отвернулся воевода,
раздавлен горем,
но пред ляхом горд.

Нет, совершиться этому не гоже —
воскликнул ратник.— Все равно втроем
к своим уже дороги не проложим...
— Ну, там, входи!
— А жалко, что живьем!..

VIII

Король

— Вот шпага ваша.

Шеин

— Шпага не нужна,
я пленник здесь — в бою годна она.

Король

— Как дар возьмите. Мы восхищены,
хоть и пленим вас с горечью понятной,
и вашим ярким гением войны,
и ваших воинов отвагой ратной.

Шеин

— Тогда, пожалуй, одарите их
из тех немногих, что еще в живых.

Король

— Что ж, вашу честь насиловать не станем,
понятна дань печали и тоске,
но без оружия и с вашим саном
удобно ль появиться на Москве?

Шеин

— Кому же выдадите?

Король

Никому:
Смоленск уже погиб, так почему
Москве не стать под польские знамена?
Час пробил — мира над страною час.

Уже мы знаем поименно
всех, кто за нас,
и всех,
кто против нас.

...И мрачный, бледный и темнобородый,
в крови, в грязи — о, ратных страд пора!
впервые усмехнулся воевода
с тех пор, как сном повален был вчера.

Шеин

— Нет, никогда!
Смоленск — всего лишь искра,
лови ее, топчи ее, гаси —
пожар зажжен, расплаты время близко,
Стоять Руси!
Во славе быть Руси!

Возьми ж, король, подарок свой. Не нужен
он мне пред польским войском на виду:
пойду в Литву как пленник — безоружен,
вернусь в Москву — оружие найду,
чтоб стать за нашу землю, как вчера...
Ну, что ж,
путь отступленья будет кружен —
и вам в Литву,
и мне в Литву пора...

Смоленск, 1939 г.

В. Арйстов

ОСАДА

1

Мужики стояли перед воеводой Михаилом Борисовичем Шеиным. Тот, что говорил, был хром, опирался на посох. Новая сермяга надета поверх холстинной с шитым воротом рубахи. Говорил он скороговоркой, равнодушно, точно то, о чем говорил, считал привычным делом.

— В четверг перед духовым днем пришел в Порецкую волость с Велижа пан Шиман, а с ним воинские литовские люди и сожгли в трех деревнях пятнадцать дворов. Ржи и ярового во дворах сгорело пятьсот мер, да всякой дробной животины — пятьсот. Да в полон литовские люди увели тридцать лошадей и коров дойных двадцать и выдрали пчел семьдесят роев. Да взяли у мужиков платья пятнадцать однорядок, да кафтанов пятнадцать, да бабьих шуб двадцать, да топоров пятьдесят, да сошников пятьдесят...

Воевода сидел на лавке. Оконце, что наискосок, выходит на Облонье. В зеленовато-мутное стекло (недавно купили у немецкого купчины, поставили вместо слюды) воеводе видно, что делается на площади. Вот баба прогнала корову, проехал верхом протопопов холоп, гурьбой пошли посадские, должно быть, к съезжей избе с челобитной.

— Погоди, сколько числом тех литовских людей приходило?

Хромой мужик вздохнул.

— Не ведаю дотошно, боярин-воевода. Смекаю, более сотни.— Посмотрел на своего товарища. Тот стоял переминаясь. Редкая борода с проседью, на лице застарелые шрамы, уши сидят криво.

— Литовских людей, боярин-воевода, приходило двести. Я за ними до броду брел, перечел, да и как за рубеж ходил,—в Велиже на торгу тоже слыхал.

Воевода быстро вскинул на мужика глаза.

— По имени как прозываешься?

— Оверка Фролов, боярин-воевода. В деревне Бороде в бобылях живу.

— Будешь и впредь за рубеж ходить лазутчить!

Хромой мужик продолжал:

— Да взяли еще литовские люди кос двести да триста серпов, а мы, сироты, с жонками да детишками в лес убежали. А Сеньку Назарова да Фомку Иванова литовские люди саблями до смерти посекли, а жонок их в полон увели. Ныне, боярин-государь, жить нам на тех пожженных деревнях немочно, и пахать не на чем, и сеять нечем.— Поклонился до земли.— Будь нам, сиротам, боярин, заступником, чтобы государевы подати нам не платить, не то доведется крестьянишкам вконец погибнуть.

Хромой потянул из-за пазухи бумагу. Воевода взял челобитную, скользнул глазом по строкам.

— О челобитье вашем доведу великому государю. Просить буду, чтобы от податей порецких мужиков полеготил.

Шеин встал, прошелся по воеводской каморе. Статный, в плечах сажень, над густыми усами точеный с горбинкой нос. Остановился. Строго посмотрел на мужиков умными глазами.

— А вы литовским людям, что из-за рубежа крестьян приходят зорить, спуску не давайте. Литва не храбростью — наглостью сильна. Станете литву топорами да рогатинами встречать, пану Шиману ходить из-за рубежа будет неповадно.

Хромой мужик несмело сказал:

— Бьем челом, боярин-воевода. Укажи дать порецким мужикам свинцу да порохового зелья. Иные крестьяне самопалы для обережения держат, а припасу к самопалам нету.

— Ладно! Идите к нижнему зелейному амбару. Зелья порохового велю вам дать пуд да свинцу пуд. Ратных людей для обережения не ждите. Стрельцов в городе мало. С литовскими людьми управляйтесь сами.

Мужики поклонились, повернулись итти.

— Погодите! Прослышите что о королевских делах, не мешкая приносите вести.

Мужики ушли. Шеин ходил по каморе. За дверью трещали перьями подьячие. Под тяжелыми шагами воеводы поскрипывали половицы. Высокий лоб прорезали морщины. Второй год сидит боярин в Смоленске на воеводстве. В государевой думе в Москве большие ворчали в бороды: „Чего ради худородному такая честь?". Шеин подошел к столу, сел на лавку. Подпер рукой подбородок. Вздохнул. В голову шли невеселые мысли. Времена для Руси пришли лихие. Великий срам пал на русскую землю. Еще деды кичились: Москва — третий Рим, а четвертому не быть. За гордыню и покарал бог. Обманом сел на московском престоле самозванный государь Димитрашка. Усидел недолго, не потерпели русские люди, чтобы правил землею польского короля выкормленник. Самый прах обманщика по ветру развеяли. Поляков, что с вором пришли, многих побили. Возвели думные бояре на престол московский князя Василия Ивановича Шуйского. Возвели самочинно, не советуясь соборне со всею землей. Оттого великая пошла на Руси смута. Только сел на царство Василий Иванович, пополз слух: жив царь Димитрий, в Москве вместо Димитрия немчина убили, а настоящий царь в Литве хоронится. В украинных городах холоп князя Телетевского Ивашка Болотников рать тьмотысячную на бояр поднял. Украинные дворяне и дети боярские к Ивашке пристали. Многие тысячи мужиков и холопов государевы люди побили. Ивашку Болотникова тайно утопили в Каргополе, но корня смуты не извели. Только и слышно — то там, то здесь объявляются самозванные цари. Из-за рубежа пришли литовские люди, бродят по Руси с казаками, велят целовать крест на имя будто бы во второй раз спасшегося царя Димитрия. Пан Александр Гонсевский, тот, что в Москве послом от короля был, сидит в Велиже старостой. Что ни месяц, приходят в Смоленск порецкие и щучейские мужики, бьют челом: старостин брат Шиман с воинскими людьми набегает из-за рубежа, разоряет деревни, велит платить дань по пятнадцати алтын со двора. У старосты велижского на воеводины грамоты один ответ: знаки на рубеже ставлены плохо. Воинским людям неведомо, где Московская земля начинается. Зарится ко-

роль Жигимонт на русские земли, знает — от междоусобья слаба стала Русь, приходи — голыми руками бери. Каждый час жди: вот пожалует в гости королевская рать. Грозен город Смоленск стенами и башнями, да не башнями и стенами одними город силен, а людьми.

Шеин встал.

— Дьяче!

Вошел дьяк Никон Алексеев. Стоял ссутулясь, тускло поблескивая восковой плешью.

— Сядь! — Сам сел против. Диктовал грамоту на рубеж заставщикам, стрелецким сотникам Ивану Жадовину и Румянцеву.

...Жить вам с великим бережением и засеки от литовского рубежа засечь и крепости поделать накрепко, чтобы безвестно литовские люди к нам не пришли. Да живет в деревне Бороде бобыль мужик Оверко Фролов. И вы бы того мужика посылали за рубеж лазутчить. И вестей бы всяких проведывали, и о тех вестях писать вам в Смоленск почасту...

2

Хромой мужик Осип Беляев и Оверьян Фролов ждали у амбара зелейного приказчика — получить обещанные воеводой порох и свинец. Пороховой амбар стоял у Никулинской башни. Ждать пришлось долго. Осипу надоело, сказал, есть дело, захромал к торгу. Оверьян сидел на приступке, поглядывал на позевывавшего караульного стрельца, думал: „Житье стрельцам в городе — лучше не надо. На торгу торгуют беспошлинно, всякий рукомеслом занимается, каким захочет. Жалованье денежное и хлебное идет, сукном на кафтан жалуют. Дела же всего — амбары да башни караулить. Порубежным мужикам от литвы покоя нет, а стрельцы рожи в городе наедают. В Смоленске стрельцов два приказа, Чихачева и Зубова. Зубовские две сотни ушли под Дорогобуж, а все же можно было бы воеводе на рубеж хоть сотню послать, помочь мужикам отбиваться от литвы".

Стрелец, карауливший зелейный амбар, дюжий, с сонным лицом, потянулся, хрипло кашлянул:

— В горле першит, мочи нет. Ты пригляди, сирота, за амбаром, тебе все одно ждать, я побреду, водицы изопью.

Стрелец сдвинул на затылок колпак, волоча древко бердыша, поплелся. Оверьян видел — побрел прямешенько к кабаку.

Солнце поднималось к полудню.

Мимо, обходя тропкой лужи, шли двое. Одного узнал — плотник Андрошка. Окликнул. Подошли. У второго лицо тоже как будто знакомое. Оверьян сказал:

— Видел тебя, а где — не припомню.

Тот прищурил глаз.

— Вместе в датошных татар воевали.

— Михалко Лисица!

Андрошка с Михайлой сели рядом. Лисица спросил:

— За боярином или за монахами живешь?

Оверьян рассказал, как в голодный год ушел он от князя Василия Морткина. Хлебнул лиха. Едва не помер голодной смертью. Прибился к государевым крестьянам в Порецкую волость, жил в подсуседниках. После хотел князь вернуть обратно. Просил на Оверьяна Фролова суд. Оверьян судье сказал, что бежал он от боярина с великого голода. То ли на посул Морткин поскупился, то ли в самом деле по закону вершил судья дела, хозяину сказал: „Не умел своего крестьянина в голодные лета кормить, ныне не пытай".

Оверьян рассказывал:

— Деревянным делом кормлюсь. В писцовые книги бобылем вписали. Тягло берут против крестьянского двора вполовину. У рубежа на государевой земле сидеть леготно, да литва житья не дает.

Сидели, говорили: великая идет на Руси смута. Пришли на Русь литовские люди с казаками, пристали к ним свои русские воры, разоряют землю, велят целовать крест на имя царя Димитрия. А царь тот не царь, а вор, в Тушине сидит. Бояре — кто к вору тянет, кто за царя Василия стоит. Лисица сказал:

— Крестьян да черных людей бояре теснят. Воры и литва сулят милости. А податься черным людям некуда. От бояр одной тесноты жди, литва стелет мягко, да жестко будет спать.—Рассказал, как жил он за паном в Литве. „Паны крестьянам у себя те же вороги злолютые, что и бояре, только веры латинской. От пана едва ноги уволок. А хлопов его с собой увел".

Оверьян спросил, давно ли прибрел Михайло в Смо-

ленск. Лисица скребнул по оверьянову лицу взглядом. Не знал, следует ли рассказывать все, что с ним было.

Рассказывать всего, однако, Андрошке и Оверьяну пока не стал. Только, как в Москве мастеру Коню, горько усмехнувшись, сказал: „Думал чертежу да палатному делу научиться, города и палаты ставить, вместо того довелось к сабле да самопалу навыкать".

Подошел щуплый поп, одет в рыжую монатейку, борода торчит в стороны ежиком. И сам весь колючий, точно еж. Визгливо закричал:

— Пошто, Ондрошка, амбар ставить не идешь?— Стукнул суковатым посошком.— Забыл, что долгу за тобою три алтына ходит?

Андрошка вскочил, метнул попу поясной поклон.

— Не гневайся, господа ради. Завтра приду, скорым делом поставлю.

Поп засопел, погрозил крючковатым пальцем.

— То-то! Не довелось бы тебе на правеже стоять.— Повернулся, зашагал быстро, только развевались полы монатейки.

Андрошка сплюнул сердито, почесал затылок.

— Поп Прокофий, от Николы-полетелого. Денег взял у него три алтына, росту каждый месяц жаждущая рожа по две деньги берет.

Вернулся караульный стрелец. Лицо в пятнах, от самого разит сивухой. Стукнул бердышом.

— Бредите отсюда, сироты. К зелейному амбару подходить заказано.

Андрошка, отходя, проворчал:

— Заказано! Скажи, молодец, спасибо, что мы амбар сторожили, пока ты в кабаке сидел.

3

От Смоленска на заход солнца — порубежные волости, Порецкая и Щучейская. Лес, болота, глушь. Деревни Борода и Богуславка стоят у реки Дороговицы. К самой реке подошли болота. Петляют по болотам тропы-сакмы, идут к реке и дальше, на ту сторону. На той стороне королевская земля — Литва. У сакмы, что зовут мужики

Большой, за прогнившим частоколом крытая дерном длинная изба — банька, да еще изба поменьше — застава.

В малой избе живет заставщик Иван Жадовин с подьячим; в большой — стрельцы, числом тридцать, сторожат рубеж. Верст двадцать к озеру Ельшино, у сакмы Широкой, вторая застава, тоже тридцать стрельцов и заставщиком Семен Румянцев. В наказе заставщикам сказано: „Глядеть накрепко, чтобы литовские люди воровским делом через рубеж не переходили бы". Да разве стрельцам усмотреть? Заставу, кто за воровским делом идет, обходит стороной, потаенными сакмами. Жизнь на заставе — хуже не придумать. Стрельцов на рубеж шлют за провинности. Только и радости служилым, что баня да корчма в деревне Бороде.

В воскресенье пришел на заставу Оверьян Фролов, принес заставщику Ивану Жадовину писанную воеводой грамоту. Заставщик сидел на лавке, лениво чесал гребнем бороду, смотрел, как подьячий Фома Ивашин, шепча себе под нос, читал воеводский наказ. Читал подьячий, водя по столбцам пальцем: был он в письменном деле не тверд. Одолевши написанное, сказал:

— Велит воевода тебе, Иван, засеки засекать и караулить рубеж с великим бережением.— Повел глазами на Оверьяна.— И о тебе, Оверьян, боярин-воевода пишет, чтобы ходить тебе для вестей за рубеж лазутчить.

— Ведаю сам, воевода наказывал.

Жадовин отложил гребень, строго сказал:

— А ведаешь, так мешкать нечего! Со господом и бреди. В Велиже сходника нашего Александра Ясыну сыщешь, на посаде он корчму держит. От него про королевские дела сведаешь. А более всего узнавай, подлинно ли то, что король умыслил войной итти, да собирает ли ратных людей к рубежу, а собирает, так сколько тех людей уже собрано.

С заставы в Бороду Оверьян вернулся к вечеру. Двор его стоял у околицы. Во дворе изба и навес под черным от времени тесом. Настоящего хозяина двора, Никитку Хрящева, задавило деревом в послеголодный год. Оверьян прибился к никиткиной вдовке Катерине, полюбился бабе за тихий нрав, так и жили пятый год невенчанными. На рубеже в лесных деревнях было такое не диво. Не только вдовки, и девки часто венчались

вокруг пня. Пашни Оверьян не пахал, себя и Катерину кормил тем, что промышлял деревянным делом — резал корчики, миски и ложки. Изделие сбывал в Смоленск купцам, а случалось — перебирался за рубеж в Велиж.

Катерина сидела на крылечке. Увидев возвращавшегося Оверьяна, пошла в избу наготавливать ужин. За ужином Оверьян сказал, что завтра идет за рубеж. Катерина вытерла губы, вздохнула.

— Ой, не сносить тебе, Оверьян, головы! Чует сердце — доведется мне, горемышной, вновь во вдовках сидеть.

Чуть свет Оверьян сунул в сумку краюху ржаного, положил ложки, изготовленные на прошлой неделе, вышел за околицу. Брел напрямик через лес глухими тропами. Заночевал он у знакомого смолокура на литовской стороне. В Велиже был к полудню. Перед деревянным зáмком с башнями — торжище. На торжище народу — не повернуться. Речь литовская, еврейская, русская. Больше всего русская. Оверьян легонько вздохнул. „Мужики под Велижем сидят русские, а над мужиками паны — литва. Земли тоже искони русские".

Потолкался Оверьян на торжище, послушал, о чем говорят, продал ложек на четыре деньги. Услышав крики, стал проталкиваться сквозь толпу. Топча конями народ, на торг въехали гайдуки. Размахивая плетьми, кричали:

— Сторонись, холопе! Пан урядник едет!

С голов полетели шапки. Народ раздался в сторону. Зазевавшегося мужика гайдук вытянул по голове плетью. У крестьянина из рассеченного лба брызнула кровь. Другой полоснул мужика по плечам:

— Геть с дороги, падло!

За гайдуками на сером в яблоках коне ехал Симон Гонсевский, брат пана Александра Гонсевского, велижского старосты. Мохнатый кулачище упер в бок, лицо переполосовано шрамами, усища в пол-аршина, чортом глядел по сторонам из-под низкой с белым пером шапки. На малиновом кунтуше горели серебряные жгуты. Побрякивая о стремена саблями, за паном, по два в ряд, тянулись гайдуки. Всадники направились к деревянному зáмку. Тяжелые ворота отворились, старик в голубом кафтане вышел навстречу, прижав к груди руку, низко поклонился.

Солнце пошло к закату. На торгу поредело. Оверьян, потолкавшись еще, побрел к корчме. Корчма на въезде у мытной избы. Дверь в корчме настежь. На пороге в нос Оверьяну ударило сивушным духом, от шума и гама оглушило. Между орущих за дощатыми столами мужиков и панских челядинцев он пробрался к стойке. Дородный, с бородой клином, корчмарь Александр Ясына за стойкой цедил водку в пустые склянницы. Оверьян видел корчмаря не первый раз, для порядка все же сказал условные слова: „Летела ворона в хоромы, а залетела в кабак".

Ясына только повел на Оверьяна глазом. „Каков гость, такова и честь".— Тихо: — Бреди в горницу, там пожди. На людях тебе сидеть негоже — приметный.

Оверьян поднялся по лесенке в горенку. Сел. Пришла баба, поставила на стол склянницу вина и еду. Ждать пришлось долго. Ясына пришел уже в сумерках. Засветил свечку, сел близко, вполголоса заговорил.

— Вести недобрые, так заставщику Жадовину, а доведется в Смоленске быть, самому боярину воеводе Михайлу Борисовичу слово в слово перескажи. Пана Шимана с гайдуками видал ли?— Изогнув бровь, смотрел на Оверьяна вопросительно. И, не ожидая ответа:— Слышно, что пан Шиман с воинскими людьми за рубеж опять в Порецкую да Щучейскую волости снарядился мужиков воевать. Тебе мешкать нечего. Передохни ночь да с богом бреди обратно, заставщиков и мужиков упреди, чтобы гостей встречали. А про королевские дела так скажи: пану Юрью Горскому король велел из Мстиславля, с Кричева, из Радомля и иных городов собирать в Могилев шляхтичей и гайдуков. Да ему же, Юрью, указано под Оршею через реку Днепр мост делать. Куда ратным людям поход будет, того не ведаю. Слух есть, что по осени пойдет король воевать Смоленск...

В обратный путь Оверьян пустился чуть заалела заря. Брел по лесным тропам, проваливаясь по колено в болотную жижу. До вечера не присел передохнуть. Да куда там отдыхать! В голове дума одна: во-время бы упредить заставщиков да мужиков, что пан Шиман Гонсевский опять не сегодня — завтра нагрянет в гости. На слова знакомого смолокура перекусить и заночевать отмахнулся. „Какая ночевка, солнце высоко". Так и за-

ночевал в лесу, где застигла ночь. Холодея от страха. слушал, как ухали в лесу филины и бубукал кто-то, должно быть, нечистая сила в ближнем болоте. Трясущейся рукою крестил лоб. „Свят, свят, свят, господи помилуй!“.

Тронулся в путь чуть посерело. У сакмы, что через реку ведет на русскую сторону, увидел на брегу следы многих копыт. Оверьян охнул: „пан Шиман раньше поспел“. От реки до Бороды не шел — бежал бегом. В клочья изорвал лапти, сбил до крови голые пальцы. Издали увидел лениво вздымавшийся над лесом пепельный дым. На опушке в лицо ударило жаром. Там, где стояла деревня Борода, рыжий огонь догладывал черные головешки.

В глазах Оверьяна потемнело. Из-за кустов, тихо ступая, вышел мужик. Лицо перемазано сажей, половина бороды спалена, голова повязана окровавленным рушником. Хрипло сказал:

— На заре пан Шиман налетел. Мужиков и баб— каких в полон взял, каких ратные люди посекли и в огонь вкинули.— Помолчал.— Твою бабу тоже посекли. Шиман, как жолнеры под избы огонь клали, грозился: „Вы королю подвластны. А не станете дань пану старосте платить, что обложены, да будете в Смоленск с челобитьем ходить, весь уезд огнем выжгу“.

4

В мае месяце явился под Вязьмой ротмистр Чиж с литовскими охотниками, казаками и приставшими к Чижу своими русскими „ворами“. Приводил Чиж мужиков к крестному целованию на имя вновь обретенного в Литве царя, „тушинского вора“. Тех крестьян, какие стояли за государя Василия, Чиж приказывал рубить в куски, а деревни жечь.

Дворянам и детям боярским Смоленского уезда велено было из Москвы садиться на коней и итти воевать литовских и своих воров. Михайло Борисович Шеин послал по уезду подьячих и стрельцов собирать поместное воинство. Помещики, обряжаясь в доспехи, ворчали. Частые сборы и походы надоели. Осенью собирали, велели итти под Москву с воеводами Барятинским и

Одадуровым. До Москвы, однако, дворяне не дошли, вернулись с дороги. „Нам-де, не очистя Смоленского уезда от воров, итти на Москву не мочно". Однако воевать воровских людей не пошли и разъехались по поместьям.

Под вечер в вотчину князя Василия Морткина заехал Михайло Сущов с Андреем Дедевшиным. Ехали в Смоленск на сбор ратных людей. Михайло Сущов всегда, когда приходилось ехать мимо, не забывал навестить старого дружка. Дедевшин был у Морткина впервые, заехал с Сущовым по пути.

Холоп собрал на стол. Ради гостей князь Василий велел принести из погреба фряжского вина. Когда холоп ставил на стол ендову, пожалел: „Вино-то за бочонок шесть рублев плачено!".

Порядка ради позвенели чашами, выпили за царское здоровье. Князь Василий сидел против Сущова, на лице сквозь редкую бороду отсвечивала лимонная кожа, и сам весь желтый, высохший, словно лимон. Покашливая, говорил:

— В ратном деле против вора Ивашки Болотникова воровской мужик из седла выбил и конями воры потоптали, с той поры в голове шум великий и телом стал слаб. Рожей тот воровской мужик как будто знаком. Как по шишаку треснул, память отшибло. Воевода Михайло Шеин по немощи моей указал в поход мне не ходить, а быть к ратному делу, когда доведется садиться в осаду.

Михайло Сущов отпил из чаши, долго тер усы.

— Того, князь Василий, ждать не долго. Войны с королем не миновать. Жигимонт на Смоленск давно зубы точит.— Отпил еще.— Был я с послами князем Григорием Волконским да дьяком Ивановым в Литве. Когда в Варшаве жили, многие паны к нам приходили, хвастались: „Король-де у нас под панами ходит, не то, что у вас, у московских, царь. Как поволим, так король и вершит".—Помолчал.— То правда. В старые годы князья да бояре русскую землю держали. Царь Иван извел старые роды, землей правил самовластно, не советуясь с боярами. Бориска Годунов по-Иванову самовластвовал.— Смотрел хозяину прямо в лицо.— Ваську Шуйского посадили на престол думные бояре, им и мирволит. Середним и худым служилым людям одна тягота. Меж чер-

ных людишек шатание, Ивашку Болотникова извели, да корня Ивашкина век не известь. А корень — холопья да худые мужики. На служилых людей волками глядят.— Вздохнул, помотал бородой. — Ох, страшно, Василий Федорович!

— Чего страшно?

— Холопов да черных людишек тьма, а служилых много ли, сочти. Встанут гилью — не то добро отстоять, дай господи ноги унести!..

— Пустое молвишь, Михайло.

— Не пустое, князь Василий. Сколько Ивашка Болотников вотчин и поместий пожег да служилого люда извел!

У Морткина дрогнули восковые веки. Спросил хрипло:

— Чего ж, по твоему разумению, делать, Михайло?

Михайло Сущов махнул прислуживавшему столовому холопу: „Выдь!“. Подождал, пока холоп вышел.

— На фоминой неделе был я в Москве у тезки боярина Михайла Глебовича Салтыкова, и боярин Михайло мне говорил: смута на Руси великая, и оттого смута, что не люб стал Василий многим боярам и дворянам. Надо Ваську Шуйского с престола свести да королю Жигимонту челом бить, чтобы отпустил на царство королевича. Сядет королевич на московский престол, учинится на Руси тишина. Править будет королевич не самовластно, а как в Литве ведется — с совета бояр да служилых людей. Тогда и от мужиков и холопов безопасно будет. Встанут воровским делом гилью, паны пособят утихомирить.— Откинулся, глядел пытливо.— Как ты о том, Василий Федорович, мыслишь?

Морткин вздохнул, легонько кивнул головой. „Такие слова не при чужом, с глазу на глаз говорить“.

Сущов будто угадал хозяиновы мысли. Повел бровью на Дедевшина. Сын боярский, точно не слышал разговора, тянул из чаши заморское вино.

— Ондрея, хозяин, не опасайся. Нашего сукна епанча.

Дедевшин поставил чашу, повторил за Сущовым:

— Не опасайся, князь Василий.

За столом сидели до поздна. Говорили о королевиче Владиславе. Успеть бы королевичу прежде других крест

целовать. Сядет на московский престол, пожалует за верную службу кого поместьем, кого вотчиной.

5

Амбар попу Прокофию плотник Андрошка ставил вместе с Михайлой Лисицей. За силу и проворство Михайло пришелся попу по нраву. Когда поставили амбар, Михайло остался жить у попа в задворных мужиках. Договорились так: жить Лисице у попа год и работу делать всякую, какую укажет хозяин. Как кончится срок, попу дать Лисице деньгами тридцать алтын и порты с рубахой. Кормиться с поповской поварни, как и другим задворным мужикам.

Как-то под воскресенье поп правил вечерню. Михайло, попарившись в бане, один валялся в черной избе. Влетела горничная девка, смешливо сверкнула белыми зубами. „Иди, Михайло, в горницу, хозяйка кличет".

Попадья сидела на лавке, волосы стянуты шелковой повязкой, тучна, лицо набеленое, будто собралась в гости. Спросила — смолол ли Михайло жито, что велел утром поп. Бросила на лавку подушку. „Голову от угара ломит". Потянула Михайлу за рукав. „Сядь". Пододвинулась, горячо дохнула в лицо. „Деточек у нас с хозяином трое, да еще хочу, поп же немочен".

Поп, отслужив вечерню, пересчитывать казны, как всегда, не стал, вернулся раньше. На лесенке в горницу нос к носу встретился с Михайлой. Поп затрясся, петушиным голосом выкрикнул:

— Почто без времени в хоромах шатаешься!

Лисица и бровью не повел. „Не гневайся, хозяин, попадья пытала, ладом ли жито смолол".

Поп Прокофий с того вечера точно осатанел. От поповских прицеп Михайле не стало житья. Донимал поп и непомерной работой и поученьями. Урок задавал — не то одному управиться, на троих бы хватило. У Михайлы всякое дело под руками горело. Сделавши, только ухмылялся. Попадья Лисицу всячески ублажала. То пирога сунет, то пришлет с девкой скляницу вина. Поп только потряхивал рыжей гривкой. Пробовал было поучить попадью плеткой, да куда там! Кулаки у поповской жонки оказались точно свинчатки. Оставив в руках у по-

падьи клок бороды, выскочил поп из горенки, кубарем скатился с лестницы. Учить попадью плеткой больше не пробовал. Рад был, что никто не видал поповского сраму. Прогнать Михайлу со двора не решался. (Прогони — ославит на весь город). Всю же злость вымещал на закладчиках. Рост за закладную рухлядь стал брать больше прежнего. Отсрочку давать вовсе перестал.

Как-то утром въехал на поповский двор верхоконный. Поп стоял на крыльце, щипал бороденку, смотрел, как дед Огофон задавал свиньям корму. В верхоконном узнал стрелецкого пятидесятника Порфирия Ногтева. Пятидесятник, не слезая с коня, кивнул попу.

— Велел воевода ради осадного времени взять с поповских дворов датошных мужиков для ратного дела. Тебе, поп Прокофий, указано по росписи дать одного мужика.— У попа от радости затряслись руки. „Избуду Михайлу со двора".

— Воевода велел, — быть по-воеводиному. — Крикнул: Михалко!

Михайло вышел из конюшни, бросив лопату, подошел к крыльцу. Пятидесятник оглядел Лисицу, прищурил веселый глаз.

— Мужик дюжий, в датошные гож. — К попу: — Да дать тебе, поп, датошному твоему мужику топор, а корма давать во все дни попрежнему, пока осадное время не перейдет.

У попа глаза полезли на лоб.

— Пошто мне мужика датошного кормить!

Ногтев усмехнулся в дремучие усы, дернул головой.

— То не мне, поп, говори — воеводе. — К Михайле:— Быть тебе под началом у боярского сына Добрыни Якушкина. Иди тотчас. Добрыня ратных мужиков, какие ему под начало отписаны, у Богословской башни смотрит.

Пятидесятник огрел коня плетью, вынесся в раскрытые ворота. Михайло, натянув озям, пошел.

Перед Богословской башней горой сложены каменные ядра... На ядрах и у стены сидели и толпились посадские мужики. В руках — у кого топор, у кого бердыш или рогатина. Михайло увидел плотника Андрошку и Оверьяна Фролова. Оверьян сказал:

— Литовские люди в Порецкой волости деревни без малого все повыжгли. Мужики—одни в лесу схорони-

лись, другие пришли в осаду садиться. Мне воевода велел до времени лазутчить не ходить, а сидеть с другими мужиками в осаде.

Пришел боярский сын Добрыня Якушкин, быстроглазый старик с седой бородкой. Из подвернутого рукава кафтана торчит култышка (кисть отсекли в войну со шведами). Шел прихрамывая, бойко постукивая костылем. За Добрыней шли посадский староста и подьячий Гаврюшка Щенок. Якушкин остановился, поднял култышку.

— Все ли, что к башне приписаны, в естях?[1] — К подьячему: — Читай роспись!

Щенок развернул бумагу, кашлянул в кулак.

...Башня круглая, Богословская. По городу, по стене, по Никольскую башню ведать Добрыне Григорию сыну Якушкину да посадскому человеку Булгаку Дюкареву. К наряду и по городу по стене посадских людей и черных мужиков восемьдесят человек. — Щенок повел кривым носом.

— Олфимка портной! Есть ли?

— Есть!

— Ондрошка, плотник?

— Есть!

Выходили наперед кузнецы, пирожники, шапочники, скорняки, портные и иного дела посадские люди. Становились в ряд. Якушкин оглядывал стенных мужиков с головы до пят. Выкликнули всех, кто был приписан к башне. Двое стрельцов притащили пищали-рушницы. Якушкин спросил:

— Есть ли мужики к огненному бою свычные?

Вышел Михайло и еще десяток посадских. Самопалов было восемь, на всех не хватило. Михайле досталась не пищаль — одно горе. Кольца переела ржавчина, железо от дерева отстало. Пришлось самому мастерить кольца и притягивать к колоде.

Ночью Михайло с Оверьяном и Андрошка караулили стену у Богословской башни. Ночь была месячная. С Днепра тянуло сыростью. В лунном тумане чернел на той стороне зубчатый бор. У Пятницких ворот скрипели телеги. То, спасаясь от поляков, из поместий

---

[1] Налицо.

и деревень тянулись к Смоленску с женами и детьми уездные жители садиться в осаду. Караульные мужики сидели на колоде, поглядывали сквозь зубцы. Разговором отгоняли сон. Лисица вспоминал, как ставили стены.

— Когда башни клали, не думал, что доведется город от литвы оборонять.

Андрошка зевнул, поднялся разминая ноги.

— Федор Савельич город крепко поставил, бог даст отсидимся. Смолянам с литвой биться в обычай. Исстари в Смоленске говорится: к кому богородица, а к нам литва.

Оверьян завозился, громыхнул бердышом.

— В Порецкой волости паны Шиман и Олександр Гонсевские двадцать деревень огнем выжгли. Бабу мою Катерину саблями посекли и в огонь кинули.—Со злостью:— Не одному ляху голову сниму!

Михайло вспомнил, что говорил в Москве мастер Конь, как поднимал мужиков на вора Димитрашку:

„Руси под панами не бывать!".

6

Весь август в Орше собиралось войско.

В конце месяца явился и сам король Сигизмунд. Вместе с королем приехали маршал Литовского княжества Монвид Дорогостайский с отрядом казаков и пеших жолнеров, канцлер Лев Сапега с тремя сотнями гусар, пехотой и татарами и кавалер Новодворский с рейтарами. Явился и сендомирский староста Станислав Любомирский и много других знатных панов с войсками, обозами и слугами.

Король проводил время в монастыре у отцов-иезуитов. Войско до костей объело окрестных мужиков. От грабежей и насилий шляхты крестьяне бросали жилье и уходили, куда глаза глядят. Деревни стояли пустые, будто прошла чума. Двух местечковых мещан, пробовавших обратиться к королю с жалобой, шляхтичи подвесили вниз головой и коптили на малом огне.

В Орше шпионы принесли известия из Смоленска. Паны узнали, что собранные в уезде дворяне и дети боярские еще два месяца назад ушли к Скопину-Шуйскому, чтобы итти выбивать из Тушина нового царика

Димитрашку, тушинского вора. Из двух приказов стрельцов в городе осталось человек триста, едва хватает на караулы. Узнали также, что Шеин готовится к осаде и велел расписать по башням и стенам городских ремесленников и мужиков.

Было ясно, что русским известны замыслы короля. Надо было усыпить внимание русских. Оршанский староста по приказанию Сигизмунда отправил со шляхтичем Вецеловским письмо Шеину. Сапега от имени короля уверял воеводу в миролюбии Сигизмунда и обещал строго взыскать с Гонсевского, позволившего месяц назад своим людям разорить Порецкую и Щучейскую волости. Одновременно с отсылкой гонца начали переправлять через Днепр доставленные накануне из Вильны осадные пушки и тяжести.

В середине сентября пришло известие, что казаки из отряда литовского подскарбия вторглись в русские пределы, сожгли деревни и захватили в плен несколько десятков крестьян... Король высказал свое неудовольствие шляхтичу, привезшему известие о первой победе. Надо было действовать более осторожно и не возбуждать против поляков крестьян и холопов, которых король надеялся склонить к покорности обещанием вольности.

В поход выступили на другой день. Впереди всего войска двигался гетман Жолкевский с пушками и гаковницами, пехотой, собственными гусарами и тремя кварцяными ротами. За Жолкевским и Львом Сапегой шел сам король с королевской пехотой и гусарами. Шли тихо, не разворачивая королевского знамени. В пограничной деревне Бае подошла немецкая пехота пуцкого старосты Вайера.

Выступление к русской границе было назначено на утро. Перед рассветом начал сеять дождь. В водяной мути хрипло запели трубы. Первою выступила венгерская пехота и гусары сендомирского старосты. Король Сигизмунд ехал, окруженный сенаторами и панами. За королевской свитой следовал придворный отряд гусар. Шляхтичи были одеты в богатые панцыри, за спиной у каждого торчком два орлиных крыла.

Переправлялись через границу у болотной речонки Ивалы по наведенному жолнерами мосту. На русской стороне короля ждал выехавший вперед с несколькими панами подканцлер королевства Шенсний Криский. Завидев

вступившего на мост Сигизмунда,Криский подкрутил отсыревший ус, дал коню шпоры, полетел навстречу. За Крискими, разбрызгивая грязь, поскакали паны. Король со свитой, переехав мост, остановились. Дождевые капли падали с немецкой шляпы на алый плащ короля. Откинув назад голову, Сигизмунд смотрел на приближающихся панов.

Подканцлер соскочил на землю, потянул с себя голубую в серебре епанчу, расстелил перед королевским конем, опустился на колено.

— Ваше величество, бог, давший столь счастливое начало вашему замыслу, даст столь же счастливо его закончить. Вы вступили на землю, отнятую у нашего отечества грубыми московитами 9[illegible] лет назад. Ныне бог указывает вашему величеству установить нарушенную сим варварским народом справедливость. Расширение государства послужит к чести и благу отечества и безмерной славе вашего величества.

Промокшие до костей паны приободрились. Приподнимались на стременах, махали шапками.

— Vivat! Vivat, Sigismundus rex!

Гусары потряхивали намокшими крыльями, точно утки, выбравшиеся из воды. Налетел ветер, разорвал низкие тучи. Над лесом сверкнула просинь. Криский поднял палец.

— Благоприятный знак, ваше величество, само небо радуется вашему предприятию.

Встречавшие короля паны и подканцлер присоединились к свите. Все отъехали в сторону, стали у разбитой молнией березы. Затрубили трубы, ударили барабаны. Войска проходили мимо короля. Прошла, ощетинившись копьями, венгерская пехота. За венграми — немцы Вайера, семь знамен, под каждым знаменем двести человек. Солнце сверкало на латах и шишаках кнехтов. Немцы были как на подбор, один к одному, рыжеусые и кряжистые. На плече у каждого — мушкет с раструбом. На боку — длинный палаш.

Криский потянулся в седле, наклонившись к королю, громко, чтобы перекричать рев труб и треск барабанов, сказал:

— Ваше величество, у самого императора нет солдат, которые бы могли соперничать с нашими кнехтами. Я не сомневаюсь в том, что варвары-москали обратятся в бегство от одного их вида.

За немцами потянулся полк гусар брацлавского воеводы Якуба Потоцкого, девятьсот человек. Под каждой хоругвью у гусар были лошади одной масти. На концах длинных копий колыхались двухцветные значки. У всех гусар богатые панцыри из блях, поверх панцырей голубые и белые плащи, за плечами короткие ружья, сбоку тяжелые сабли в железных ножнах. На ногах алые или зеленые полусапожки с серебряными шпорами.

Войска шли долго: рейтары, пешие жолнеры, копейщики, потом опять рейтары и гусары, одетые победнее, в проволочных кольчугах и тусклых шишаках.

Войско втянулось в лес. Болотистой просекой по прогнившим гатям двинулось на Красный. Король тронул коня. За ним поскакали свитские обгонять войско. На поляне король увидел татар Сапеги. Запахло гарью. Желтоватый дым стлался над просекой. Горела подожженная татарами лесная деревня. Некоторые из них уже тащили на арканах голосивших во всю мочь баб. Король повернул к подканцлеру длинное, с козлиной бородкой, лицо, лицо иезуита и ландскнехта.

— Война началась. Господь поможет нам покарать грубых московитов.

7

Туман покрывал город. От оврагов тянуло банной сыростью. В тумане глухо ударил большой колокол у богородицы-на-горе. Со всех концов потянулся к собору народ. На-ходу обгоняли друг друга, спрашивали встревоженно:

— Пошто без времени в колокола бьют?

У соборных ворот прохаживались посадские старосты Огопьянов и Лука Горбачев, покрикивали:

— Копитесь, копитесь, православные! Владыко Сергий молебен правит. Как молебен отойдет, воевода Михайло Борисович речь держать будет.

Собирались, становились по концам, как заведено исстари: вязовенцы, крылошане, городенская сотня, веденецкая и воровская полусоха, ямщики, загородняя слобода и другие посадские и черные люди. Стояли, ждали долго. Туман поредел, уполз в овраги. Над соборными главами несмело блеснула небесная лазурь. На паперть

вышел архиепископ Сергий, старик малого роста, с пергаментным лицом, и воеводы Шеин с Горчаковым. За архиепископом толпился духовный синклит. По обе стороны за воеводой стояли оба дьяка, стрелецкий и пушкарский головы и другие начальные люди. Колокол, ударив несколько раз, смолк. Архиепископ поднял руку, махнул крестом на три стороны, благословил народ. Шеин подался вперед. Перехваченный цветным кушаком турский кафтан застегнут на серебряные пуговицы. Воевода повел широкими плечами, вскинул большую, накоротко остриженную голову. Рядом с архиепископом, синклитом и начальными людьми — богатырь.

— Люди смоленские! Ведайте, что король Жигимонт, презрев гнев божий и крестное целование жить с Русью в мире, то целование нарушил. И, собрав великую воинскую рать, и панов, и жолнеров, и немцев, и иных иноземных ратных людей, идет, чтобы Русь повоевать и дома наши пограбить. И прежде Литва приходила русскую землю пустошить. От Степана Батура и других королей и воевод довольно Русь натерпелась.

В толпе закричали.

— Помним, боярин-воевода!

— Под Смоленск не один раз Литва приходила!

Огопьянов и Горбачев замахали руками:

— Угомонитесь!

— И то ведомо вам, что король и паны помогли вору и обманщику Гришке-расстриге казной и воинскими людьми. Сел Гришка облыжно, назвавшись Димитрием, на престол. За великие обиды побили в Москве литовских людей, что пришли с обманщиком Гришкой, и самый прах вора по ветру развеяли. Чтоб вконец погубить русскую землю, паны вновь навели иного вора и от того пошла меж русскими людьми великая смута...

На взмыленном коне подлетел стрелецкий пятидесятник Ногтев. Вертя над головой плеткой, пробился сквозь толпу к паперти. Приподнялся на стременах, выпалил одним духом:

— Боярин-воевода, королевские ратные люди деревни Выю и Корытню огнем выжгли! К вечеру быть литве под городом!

Воевода кивнул пятидесятнику.

— Чую! — Вскинул руку. — Люди смоленские! Земля русская ныне слаба, ратных людей в городе мало. Дворяне, стрельцы и дети боярские под Москву ушли. Впустим короля в город — откроем ляхам дорогу на Москву и души свои и землю русскую погубим. А станем крепко,— итти королю под Москву будет немочно.— Воевода опустил руку.

— Рассудите по совести, как быть!

Собрав у переносицы брови, чуть сутулясь, ждал.

Колпаки, овчины, рваные сермяги, однорядки колыхнулись, точно ветром подуло:

— Постоим!

— Не пустим короля на Москву!

— Не дадим Литве городом володеть!

— Не поклонимся королю!

— Стоять нам за святую богородицу до смерти!

Воевода выпрямился. На лбу разошлись складки.

— Чтоб в городе крепко стоять, посады выжечь надо. Согласны ли на то?

Стало тихо. Кто-то вздохнул.

— Жги!

И трудно, точно выдохнули одной грудью:

— Жги!

— Сами избы пожжем!

Шеин повернулся к Чихачову.

— Послать в посады и слободы стрельцов! Посадским людям животы везти в город. В посадах оставить стрельцов и охочих людей. Как ударит вестовая пушка, избы жечь немешкотно.

Сразу опустела площадь перед собором. Воевода спустился с паперти. Холоп подвел коня.

Шеин пересек Родницкий овраг. В улицах и переулках скрипели возы — в осаду ехали уездные люди. У дворов смятенно суетился народ. Дети таращили на воеводу глазенки. Поднялся к Облонью, мимо осадных дворов бояр и детей боярских. Воеводский двор стоял на горе рядом со съезжей избой. Шеин рысью въехал во двор. С крыльца сбежал холоп, подхватил коня под уздцы. В сени выскочила женщина, развевая полы малинового летника, кинула на плечи воеводы белые руки.

— Не томи, хозяин, говори скорее, каковы вести!

Воевода обнял жену. Так и пошли, обнявшись, в хо-

ромы. Воевода бросил на лавку колпак. Сел. Русая борода поникла. Знал: бодриться теперь не надо.

— Вести, Ириница, худые. Ляхи под Смоленском деревни жгут. Перед вечером к городу ждать надо.— Вздохнул.— Жонок, детей да старцев немочных в город съехалось великое множество. Годных же к ратному делу немного, стрельцов четырех сотен не наберешь. Дворян с детьми боярскими, хромых да увечных — сотни две. На посадских людей и черных мужиков надежду кладу. Тех поболее двух тысяч наберется. У литвы рать великая. Лазутчики прикидывают — пятнадцать тысяч, и немцы, и угры с иноземными капитанами. Как бог даст осаду высидеть, не ведаю.— Посмотрел воеводше в глаза.— Страшно, Ириница?

— С тобою не страшно, Михайло Борисович. Даст господь отсидимся.

— Отсидимся, Ириница! На то крест государю целовал.— Тихо:— Мне что. За тебя да детей боюсь, как возьмут паны город на щит. Помощи от государя Василия не жду. Москве впору самой от воров тушинских да панов, что с вором пришли, отбиться.— Встал, прошелся по горнице.— Вели перекусить собрать. Ночь доведется на стенах стоять.

Солнце клонилось к закату. Медно отсвечивала в дальнем бору последняя листва. У окна башни стоял воевода Шеин, обряженный по-ратному: в доспехах, сбоку сабля, за поясом длинная пистоль. Луч солнца упал в оконце, осветил темные углы башни, заиграл на медных пластинах панцыря и серебряной стреле на шишаке. Рядом с Шеином стоял голова Чихачов, обряженный тоже по-ратному в легкую кольчугу.

Заслонив рукою глаза, Шеин вглядывался в окраину бора. Желтой лентой пролегала пустая дорога. На дорогу выехали верхоконные, за спинами виднеются крылья. На длинных копьях тряпками висели значки. Воевода опустил руку, медленно повернул к Чихачову посуровевшее лицо.

— Литва идет.

— То королевские гусары, Михайло Борисович, по крыльям отличны.

Из оврага вылетели на конях человек двадцать детей боярских; вертя над головами саблями, поскакали

навстречу полякам. Гусары повернули вспять, не вынимая сабель. Летели, пригнувшись к седлам; видно было, как болтались за спинами орлиные крылья.

Гулко бухнула вестовая пушка. И тотчас, еще не замерло над холмами эхо, у Днепровских ворот откликнулся сполошный колокол. Сизый дым поднялся над Городенским концом и, зловеще розовея, пополз в вечернее небо.

Всю ночь горели посады. Тянулись над башнями огненные облака и в черной реке до рассвета плясали рыжие языки.

8

Всего скота посадские угнать не успели. У Копытецких ворот догнали поляки, зарубили до смерти троих посадских мужиков, скот угнали в королевские таборы. Утром со стен увидели на месте слобод и посадов черные пожарища и польское войско, кольцом сжимавшее город. Поляки держались далеко,— из пушек и пищалей не достать. К стенам по двое и по трое подъезжали шляхтичи и гайдуки, дразнили, кричали по-русски срамные слова. Со стен отвечали тем же. Когда надоедало лаяться, палили по подъезжавшим из самопалов.

Михайло с Андрошкой и Оверьян держались на стене вместе. Андрошка пришел в город черный от копоти. Михайле сказал:

— В посаде замешкался, помогал людям животы да рухлядь спасать. У меня спасать нечего. Изба — три кола вбито, небом покрыто, да и ту сам огнем пожег, литве пристанища не будет.

Перед полуднем к Копытецким воротам подъехали трое панов и трубач. Остановились. Трубач приложил к губам изогнутую медную трубу, затрубил. Рыжеусый, в желтом кунтуше, всадник Богдан Величкин, русский дворянин, бежавший при Годунове в Польшу, приподнялся на стременах, задрав кверху голову, зычно крикнул:

— Гей, холопы! Кликните воеводу да начальных и торговых лучших людей. Маю от его королевского величества речь держать.

Меж зубцов просунулся Михайло Лисица.

— Бояре наши отдыхают. На стенах всю ночь

стоявши, притомились. Речь твою мы и без бояр послушаем.

Еще высунулось несколько стрельцов и стенных мужиков. Свесив бороды, смотрели на посланцев. Величкин переглянулся с товарищами, откинулся в седле, рука в бок.

— Чего ради его королевскому величеству супротивничаете? Король не злым умыслом к вам пришел, но как христианский государь, сжалившись над вами. Род царский на Руси пресекся, государи часто меняются. Оттого в царстве смута и кровопролитие. Король пришел, чтоб кровопролитие на Руси унять и тихое и мирное житие всем людям даровать. Вы же, точно псы, ощерились. Добейте челом королю, отворите ворота, зато король вас пожалует,— крестьян и холопов волей, посадских людей многими милостями, а веру греческую и обычаи по-старому держать будет.

Оверьян Фролов сопел, слушая королевских посланцев. Не дав закончить Величкину, закричал:

— А пошто литовские люди на русскую землю войной приходят, деревни и животы жгут? Крестьян и других русских людей убивают?

На стене задвигались, зашумели. Стенные мужики кричали, трясли бородами, сучили кулаками.

— Не первый год с Литвой соседствуем, ухватку панскую знаем.

— От Литвы всегда кровопролитие.

— Король — что волк: пожалует кобылу — оставит хвост да гриву!

— Не раболепствовать нам перед королем вовеки.

Олфимка, портной мастер, сунул в рот пальцы, озорно свистнул. Михайло достал из сумы пулю. Подбросил на ладони. Пуля железная, в голубиное яйцо. Вкатил в пищаль (пороху всыпал раньше). — Утекайте, паны! Не погляжу, что посланцы, стрелю из пищали!

Посланные, боязливо косясь на стены, отъехали, Проехавши шагов двадцать, пустили коней вскачь, только развевались по ветру епанчейки. Со стен им вслед улюлюкали. По всем ближним пряслам и башням пошел хохот. Смеялись мужики самопальники, затинщики, пушкари, стрельцы и другие ратные люди. Кричали:

— Гей, паны, порты подберите.

Перед заходом солнца Шеин обходил прясла и башни. Ступал тяжело. Позвякивала на панцыре медная оторочка. Ратные, завидев издали знакомый, с серебряной стрелой, шишак воеводы, вставали. Шеин пытливо вглядывался в лица стенных мужиков, начальным людям говорил:

— Глядите крепко, чтобы ратные люди и стенные мужики, какие на ночь на сторожу расписаны, становились во-время, за час до вечера, как отобьют дневные часы. Стоять людям по своим местам безотступно, с великим бережением.

На прясле у Богословской башни спросил:

— Михайло Лисица, попов датошный мужик, тут ли?

— Тут, боярин-воевода.

Лисица стоял перед Шеином, держал в руке колпак, думал: „За каким делом воеводе понадобился?".

— Добрыня Якушкин довел, что ты, Михалко, королевских посланцев бесчестил и пищалью грозил.

— Они ж, боярин-воевода, речами обманными прельщали.

Воевода, отставив ногу, весело глядел на ратных.

— Что не стали прельстительных речей слушать, за то хвалю.— К Лисице.— Грозить посланцам оружием не гоже.

— То я, боярин-воевода, смеха ради.

— То-то, смеха ради. Для первого раза милую, вдругорядь станешь королевским посланным оружием грозить, отведаешь батожья.

9

Король и придворные чины расположились в Троицком монастыре. Монахи — одни ушли в город, в осаду, другие — куда глаза глядят. В игуменовых покоях сидел король Сигизмунд. Волосы гладко зачесаны, светлые усы закручены кверху, вокруг жилистой шеи кружевной воротник. Перед королем, склонив плешивевшую голову, стоял Лев Сапега, канцлер государства.

— Вы и Гонсевский уверили меня, — говорил, оттопыривая тонкую губу, король, — что жители Смоленска сами откроют ворота и встретят меня на коленях, с колокольным звоном. Я внял вашему совету и не

послушался гетмана Жолкевского, советовавшего мне отложить поход. Я вижу теперь, что, подавая этот коварный совет, вы менее всего думали о чести вашего короля. Вы сделали меня посмешищем в глазах москалей. Вторую неделю мы стоим под Смоленском и напрасно теряем время в бесполезных перестрелках. Мне надо было пренебречь вашим советом и итти на Москву через Северские земли.

Сапега распушил усы, стал похож на хитрого старого кота.

— Ваше величество, путь к Москве лежит через Смоленск. Но Москва еще недостаточно ослаблена кровопролитием. Пройдет еще немного времени, и все бояре готовы будут признать своим царем любого государя, который избавит их и от тушинского царика и от ненавистного Шуйского.

— Царик Димитрашка — ваше создание, пан Сапега. Вы вместе с Мнишком отыскали этого бродягу. Но кто поручится, что, укрепившись, это ваше создание не обратится против поляков?

Сапега усмехнулся, лукаво блеснули зеленоватые глаза.

— О, ваше величество, вы преувеличиваете мою роль в деле со вторым Димитрием. Мы должны были оказать помощь царику и возможно дольше длить спасительное для нашего отечества и разорительное для Московии междоусобие. Тушинский царик должен будет уйти, как только сделает свое дело. Он силен польскими полками. Достаточно моему королю призвать к себе находящихся в тушинском стане поляков — и через неделю царь Василий взденет перед Кремлем нашего Димитрашку на кол. Но, — Сапега поднял палец, — ваше величество не сделает этого, прежде чем плод не созреет достаточно и не упадет к ногам польского короля.

Сигизмунд хлопнул о стол ладонью.

— Я бы мог сам сорвать этод плод, если бы смоленские жители не оказались столь упрямы. Но нельзя итти на Москву, оставив позади себя такую сильную крепость, как Смоленск.

Сапега развел руками.

— Ваше величество, Христофор Людоговский, ока-

завший немало услуг отечеству, уверял, что смоленские дворяне готовы отдаться под покровительство вашего величества. В этом уверил его русский дворянин Андрей Дедевшин. Смоленск, не желающий покориться вашему величеству, должен быть рассматриваем, как мятежный город. Об этом мы должны оповестить иноземных государей.

В сенях лязгнули шпоры. Вошли гетман Жолкевский, маршал Дорогостайский, пуцкий староста Вайер, за ними королевский инженер француз Шембек, большой мастер минного дела. За панам и толпой ввалились нидерландские и шотландские капитаны в кожаных кирасах, несколько полковников и ротмистров. Стали рассаживаться по лавкам. Из-за тесноты в покоях сидели плечо к плечу. Пока рассаживались, пришло еще несколько панов, позванных на военный совет.

Канцлер стал позади королевского кресла. Грудь вперед, пушистые усы в стороны. Смотрел на панов бархатными глазами. Сигизмунд кашлянул, кивнул козлиной бородкой. Сапега только этого ждал, шагнул вперед, положил руку на рукоять сабли. Заговорил негромко:

— Паны сенаторы, рыцари и вы, господа иноземные офицеры! Его величеству угодно было собрать вас, чтобы выслушать ваш совет. Русские, сей грубый и невежественный народ, презрев милостивые обещания наихристианнейшего нашего короля, заперлись в крепости. Они наглыми и смешками отвечали Богдану Величкину, явившемуся для переговоров от имени его величества. Смоленск надо добывать силой. Его величество желает знать на сей счет ваше мнение.

Паны и рыцарство, переглядываясь, собирали мысли. Встал пуцкий староста Вайер, лихой рубака, усы вразлет, разбойничья рожа в шрамах.

— Ваше величество, мои кнехты горят желанием переведаться с москалями. Они пойдут на приступ, как только будут готовы штурмовые лестницы. Если бы ваше величество пообещали отдать город на два дня моим солдатам, это бы подняло их дух и вселило бы уверенность в победе.

Вайеру не дали говорить. Паны вскакивали с лавок, топорщили грозно усы.

— Почему король должен отдать город кнехтам?

— Каждый имеет право получить свою долю военной добычи!

— В сем походе поляки терпят жестокие невзгоды.

— Верность отчизне должна быть вознаграждена равно всем.

Сучили кулаками, гремели саблями, лезли к Вайеру. Полковник Моховецкий схватил начальника кнехтов за ворот кафтана, рванул с треском.

Королевский инженер Шембек, прищурив глаза, смотрел на панов. Под крючковатым старческим носом насмешливо подрагивали короткие усы. Поднялся. Обтянутые узкими штанами ноги — циркулем. Сапега прижал к груди руку.

— Панове!

Паны и рыцари, тяжело дыша, оставили Вайера, расселись по лавкам. Заговорил Шембек.

— Господа военноначальники делят шкуру еще живого медведя. Для того, чтобы солдаты его величества могли воспользоваться плодами своей храбрости и захватить военную добычу, они должны проникнуть в город. Сделать это с помощью одних штурмовых лестниц невозможно. Этой ночью я с господами нидерландскими и шотландскими капитанами измерил высоту городских стен, а также глубину рвов и утром подробно осмотрел укрепления. Я весьма изумлен, что столь грозную крепость, не уступающую тому, что создавал великий Тарталья, русские построили без помощи европейских инженеров. Я бы считал крепость совершенно неприступною, но есть немаловажное обстоятельство, изменяющее дело.

Шембек закашлялся. Кашлял, прижимая к желтому горлу пальцы. Продолжал:

— Как извещают наши шпионы, людей, знающих военное дело, в городе мало. Стены и башни защищают не дворяне и солдаты, но мужики и городские ремесленники. Надо окружить город шанцами и, подвезя осадные пушки, ошеломить непривыкших к войне мужиков частой стрельбой. Если ядра не окажут необходимого действия, то мины, подведенные под стены, внесут среди русских страх и смятение.

За Шембеком поднялся грузный пан Любомирский.

— Ваше величество, задерживаться под Смоленском нельзя. Надо спешить к Москве, чтобы ударить на русских, пока они заняты междоусобием. Иначе мы упустим удобный момент нанести москалям смертельный удар. Устройство шанцев и подкопов отнимет много времени. Мы должны немедля добывать город саблями. Шляхтичи и солдаты готовы сложить головы за ваше величество и отчизну.

Мнения панов и рыцарства разделились. Одни стояли за немедленный штурм города, другие находили, что крепость нужно брать правильной осадой. От немытых тел и пота в тесной горнице не продохнуть. Конец спорам положил король. Поднялся, закинул голову, на шее остро выступил кадык.

— Я ценю кровь моих подданных. Указываем делать шанцы и вести осаду, как повелевает военное искусство. Приступать к крепости, когда будут сделаны бреши или взорваны стены. Ведать этим делом поручаем нашему инженеру Шембеку.

В покои вбежал ротмистр Глоцкий. Дышал тяжело. Звеня шпорами, приблизился:

— Ваше величество! Несколько русских переправились через реку и взяли знамя у пехоты пана Любомирского.

10

Знамя у поляков унесли Михайло Лисица, Оверьян, Олфимко портной и трое ямских мужиков. Переправились через Днепр перед утром и до света сидели на той стороне в глиняной яме. Высматривали все, что творилось в польских таборах за выгоревшим Городенским концом, где стояла пехота пана Любомирского. Между шалашами из хвороста и земли слонялись жолнеры. Одни у костров варили еду, другие, собравшись в кружок, играли в кости. Перед полосатым шатром мужики увидели голубую хоругвь с ликом святого. У хоругви, уткнув в землю древко копья, дремал караульный жолнер. Олфимко с Михайлой ужами переползли через пожарище, выскочили прямо на караульного. Лисица налетел на копейщика, смаху ударил по затылку кистенем. Солдат, не пикнув, ткнулся носом в землю. Олфимко схватил хоругвь, волоча по земле полотнище, кинулся к реке.

Жолнеры опомнились, когда Олфимко с Михалкой и ямские мужики были уже на середине реки. Поляки рассыпались по берегу,— лезть в ледяную воду не решились,— забухали из мушкетов. Вокруг поднялись водяные фонтаны. Михайле пулей сорвало колпак. Со стен криком подбадривали удальцов. Вскочили в фортку у Днепровских ворот. Переправившихся на лодке поляков отогнали выстрелами из самопалов со стен. Подошел голова Чихачов. Мужики, раздевшись до-гола, выжимали из зипунов и портов воду. Голова, узнав в чем дело, усмехнулся. „Не воевавши, без кроволития у литвы хоругвь взяли!“. Велел стрельцу скорым делом притащить из кабака сулейку, сам налил по чарке.

— Выпейте, молодцы! И чтоб не застудиться, в баню бредите. На ночную сторожу сю ночь не ходите, о том я начальному вашему Добрыне Якушкину накажу.

Из бани, просушив порты и зипун, Михайло побрел к поповскому двору. Поп каждый раз, когда Михайло приходил из караула с прясел, ворчал: „Не с руки мне тебя кормить“.

Еду поп давал теперь Михайле против прежнего вполовину. Согнать же со двора не решался. Бирючи дважды кричали на торгу воеводский указ: датошных мужиков, дворников, батраков и других хозяевам ради осадного времени кормить попрежнему и тесноты не чинить. Михайло ночь караулил на стенах, днем делал работу, какую указывал поп. Урвет время, прикурнет в клети, подремлет, вечером сунет за кушак топор, взвалит на плечо самопал — и опять к пряслам на сторожу. Тому, что голова Чихачов велел сегодня ночью в караул не итти, обрадовался: „отосплюся!“

Черную избу и жилую подклеть поп сдал внаймы приезжим дорогобужанам, торговым людям. Агафону и Михайле велел спать на сеновале.

Спал Михайло, ночью привалился под бок кто-то, дохнул горячо в лицо. Разобрал знакомый шопот — попадья. „Ой, гляди, матушка, поп проснется!“.— „Не проснется, дрыхнет без задних ног! Поцелуй, сладкой!“.

Так, не отоспавшись толком, работал Михайло днем по двору; вечером побрел в ночной караул.

Кольцо осады с каждым днем сжималось. К королю

подходили новые подкрепления. Чуя добычу, стекались под Смоленск волонтеры-шляхтичи. Перебежавший ночью в город пахолик, спасавшийся за какую-то провинность от петли, показал, что у короля двадцать две тысячи войска. Шеин только покрутил головой. „Двадцать две тысячи! На каждого ратного, что в городе сидят, десять супостатов".

Поляки копали шанцы и воздвигали туры. Работы не прекращались ни днем, ни ночью. До утра в польском стане горели костры и двигались факелы. Инженер Шембек все дни проводил у шанцев. Ходил, вертел крючковатым носом, тыкал тростью, показывал, как ставить туры. Из города били по шанцам из пищалей и пушек. Вести шанцы, однако, полякам не помешали. За два дня убили только троих пахоликов да каменным ядром оторвало голову у высокого старосты Гаевского. Шеин велел без дела не стрелять, порох зря не палить.

В шанцах против Богословской башни поляки поставили четыре осадных пушки. В воскресенье после покрова дня ударили разом из всех четырех. Каменные ядра, завывая, понеслись к башне. Градом брызнули кирпичные осколки. Синим дымом заволокло шанцы. Из города отвечали тюфяки и большие пушки, поставленные в подошвенном бою. Стреляли и из затинных пищалей. За дымом нельзя было ничего разобрать. Когда дым отнесло, со стен увидели раскиданные туры и за шанцами убитую лошадь и двух жолнеров.

Утром поляки открыли пальбу из всех своих батарей. Стреляли из шанцев против Богословской башни, у Пятницких ворот, близ Заалтарной башни. Били и через стены с Покровской горы каленными ядрами. К концу дня зажгли несколько изб и епископовы хоромы. Пожары во-время потушил сбежавшийся народ. Воевода Шеин настрого велел держать во всех дворах кади с водой и помела на шестах. Залетавшие ядра тушили сырыми кожами. На третий день пробили дыру в Богословской башне, в верхних и средних боях. Троих мужиков побило кирпичами.

В городе ждали большого приступа. Стенные мужики и стрельцы день и ночь стояли на стенах и башнях. Ко дворам ходили только по очереди поесть. Михайло не спал две ночи. От бессонницы глаза точно

засыпаны песком. Как-то прикурнул на соломе у зубцов подремать. За полночь его растолкал десятник. „Твой черед, Михалка, на сторожу заступать". Михайло встал, положил меж зубцов самопал, поеживаясь от мозглой осенней сырости, смотрел в ночь. В небе, завешанном тучами, ни звездочки. В польских таборах мутно желтели сквозь туман огни костров. Тихо, только протяжно крикнет в темноту караульный:

— По-огля-дывай!

Ему отзовется другой, рядом:

— Гля-я-дим!

И пойдет вокруг города по стенам и башням:

— Поглядывай!

— Глядим!

Михайло Лисица смотрел в темноту. Чтобы скоротать время, стал думать. Вспоминал, как ставили стены и башни. „Поту мужицкого да крови сколько пролито. Добро, что не впустую то. Город Федор Савельич поставил крепкий, отсидимся от Литвы". Подумал о том, что так и не пришлось ему выучиться у мастера Коня городовому и палатному делу. Вздохнул.

К рассвету туман стал гуще. Огни в королевских таборах едва виднелись. Показалось, как лязгнуло будто железо. Михайло лег меж зубцами на брюхо, перегнувшись через стену, стал всматриваться. В темноте увидал там и здесь красноватые искорки; догадался, что то фитили самопалов. Вскочил, крикнул ближнему караульщику:

— Гляди!

Кинулся к башне. Под потолком похоронно мерцал слюдяной фонарик. На соломе лежали Добрыня Якушкин и десятка два стенных мужиков. Михайло растолкал Якушкина:

— Литва приступает!

Старик вскочил, сна — как не бывало. Махнул обрубком руки:

— Гей, люди! Изготовиться к бою! Самопальщики, ладьте пищали! Пушкари, становитесь к пушкам!

Ударил сполошный колокол у Днепровских ворот. Там тоже заметили поляков. На пряслах и в башнях багровыми языками загорелись факелы. Ратные люди выбегали из башен, переговаривались:

— Литва приступает!
— Держись крепко!
— Отобьемся!

Михайло схватил факел, бросил вниз. Из темноты медно сверкнули латы и шлемы кнехтов, заваливавших фашинами ров. За немцами — усатые венгры, копейщики и жолнеры с лестницами.

Стрельцы, мужики-самопальники ударили из пищалей. Стены и башни оделись пламенем; у кого не было пищалей, хватали камни и кирпичи, бросали вниз. В подошевном бою раскатисто громыхнули заряженные мелкими камнями и кусками железа большие пушки: „Лев Вилянский“ и „Две девки“. С той стороны тоже забухали аркебузы и мушкеты.

При вспышках выстрелов видно было, как кнехты, приставив большие лестницы, проворно, обезьянами поползли кверху. Михайло, бросив пищаль, схватил топор. Между зубцов показалась голова в шишаке. Лисица хватил по шишаку топором. Немец, хрипло вскрикнув, полетел вниз. Рядом плотник Андрошка рогатиной сбросил просунувшегося венгра. Нескольким кнехтам удалось взобраться на стены. Мужики их окружили. Прижавшись к зубцам, немцы яростно отбивались. От факелов тянулся под кровли сизый дым. В чаду багровыми молниями летали длинные палаши кнехтов. Неосторожно подвернувшегося близко Олфимку портного долговязый кнехт разрубил до пояса. Кто-то крикнул:

— Они ж в железе, а мы голые!

Подбежал Неклюд Скоба, посадский кожемяка с Пятницкого конца; сразбега взметнул топор, крякнул, разрубил на долговязом немце железный шишак вместе с черепом.

— Што в железе немцы — ништо! Давай другого!

Второму кнехту Неклюд отсек кисть, третьего положил из пистоли Добрыня Якушкин. Уцелевшие немцы сами сбросились вниз, замешкавшихся жолнеров стенные мужики сбросили рогатинами.

Мутное забрезжило утро. Во рву, в грязи и под стенами увидели много неприятельских трупов. На запотевших от сырости железных доспехах—запекшаяся кровь.

В полдень к Молоховским воротам подъехал ротмистр-поляк, просил не стрелять, пока подберут убитых.

11

Когда приехал в вотчину подьячий с тремя стрельцами, объявил воеводский указ ехать в город, садиться в осаду, князь Морткин стал отнекиваться. „Я ни к полю, ни к осадному сидению не гож. Телом слаб и в голове шум великий". Подьячий в ответ дерзко усмехнулся.

— Добром не поедешь, князь Василий, учиню, как воевода велел: свезу в город за караулом. А там ведаешь, что нетчикам бывает,— тюрьма да батоги.

От злости и обиды Морткин позеленел. Хотел было крикнуть холопов, чтобы выбили воеводского посланца вон, но, вспомнив про стрельцов, стоявших у крыльца, во-время опомнился. Пришлось, скрепя сердце, закопать в ямы лишнее зерно и, прихватив жену и чад, тащиться в город. Следом на десяти возах холопы и датошные повезли хозяиновы пожитки и кормовой запас. За Днепром уже хозяйничали поляки. В город едва успели вскочить. Дворника в городе на осадном дворе, как делали другие дворяне, князь Василий не держал. Хоромы много лет стояли заколоченными. Пришлось долго топить для изгнания из горниц гнилого духа. У воеводы Морткин опять стал жаловаться на болезнь. Шеин выслушал князя, не моргнув бровью.

— А если телом слаб, дело дам, князь Василий, по силе. Ведать тебе пороховою казной.

Вечером, через день после того как отбили приступ, заглянул к Морткину старый дружок Михайло Сущов. Сущов по приказу воеводы Барятинского вернулся из Вязьмы собрать с уезда недоданных датошных мужиков, да так и остался в Смоленске. Сидели в сумерках у окошка, говорили. Князь Василий жаловался дружку:

— Ехать в осаду не хотел, подьячишка со стрельцами силом выволок.— Наклонился к гостю, заговорил вполголоса.— Речи твои, Михайло, что в вотчине говорил, помню. Короля не оружьем встречать надо, а с крестом да хлебом-солью.

Тот в темноте усмехнулся.

— Мыслили бы так же все бояре и дворяне, не довелось бы нам в осаду садиться, кровь лить. Воевода Михалка Шеин упрям и спесив, даром, что из худород-

ных. Боярство при Бориске Годунове получил. От богородицкого протопопа слышал, говорил Шеин епископу Сергию: некоторые бояре в Москве к Литве клонят и Жигимонтову приходу рады. Ведаю, и в Смоленске такие изменники есть, да пусть только вздумает кто из королевских дружков слово молвить, чтоб сдать город королю, велю тех вершить, не мешкая, на зубцах вешать, какого б роду тот изменник ни был.—Совсем шопотом: — Сговорить бы дворян, какие верные, да детей боярских, да людей их, чтоб на Михалку Шеина встать. Порешим воеводу! И добьем королю челом!

Морткин завозился на лавке. От слов Сущова прошиб холодный пот.

— Страшно! Дворян да детей боярских в городе мало. Посадские же и черные мужики на Литву злы. Глазом не сморгнешь — в куски посекут.

Сущов молчал, должно быть раздумывал.

— Правда твоя, Василий Федорович! Погодить надо. Посадские мужики, как в осаде оголодают, сговорнее станут.

Вошел холоп, поставил на стол свечу в шандале. Сущов подождал, пока слуга ушел.

— Ондрея Дедевшина помнишь ли, что со мною в вотчину заезжал?

— Как не помнить.

— Ондрея воевода в Белый услал со стрельцами. Не чаю, чтобы Ондрей в Белом долго высидел,—переметнется к королю. Крыштоф Людоговский, что в Смоленске жил, когда город ставили, Ондрею дружок. В Москве у расстриги тоже Крыштоф в чести был. А из Москвы, когда литву черные люди били, обрядившись бабой, ушел. Ондрей говаривал, что Крыштоф не то у пана Сапеги, у самого короля в чести. Разумеешь?

— Разумею.

— Ондрей Крыштофу дружок. Доведется сыну Жигимонтову Владиславу, как из бояр кое-какие замышляют, на Москве царем сесть, будет кому и за нас слово замолвить. Слыхал, что Крыштоф с панами под стены подъезжал.— Тронул хозяина за локоть.— Крыштоф тот, сдается мне, не купец, а королев лазутчик.

— То не наше дело. Всяк по-своему служит. Иной — саблей, а иной — головой.

Сущов просидел у Морткина до поздней ночи. Когда шлепал по лужам ко двору, над башнями стояла желтая луна. В избах и хоромах — ни огонька. На пряслах перекликались караульные:

— Погля-я-дывай!

— Гля-я-дим!

Дворянин со злостью подумал: „Гляди не гляди, а не поклонится воевода Шеин королю, добудут паны город саблями. Куда посадским да черным мужикам против королевской рати устоять".

12

В половине ноября пал первый снег. Мужики и посадская мелкота из выжженных посадов кинулись копать землянки и ставить на скорую руку шалаши. До этого ютились кое-как. Кто побогаче, жили во дворах у стрельцов, попов и причетников. Хозяева брали с постояльцев цены неслыханные — восемь денег, а то и два алтына в неделю. На осадных дворах тоже жили в тесноте. Шеин велел пересчитать всех съехавшихся в город. Когда подьячие подсчитали, воевода только покачал головой. На каждого ратного человека пришлось по десяти едоков — жонок и малолеток.

С шанцев каждый день били из пушек. К ядрам в городе привыкли. Привыкли и к сполошному колоколу, поднимавшему ратных, едва королевские войска пытались подступать к стенам. На прясла натаскали камней и сухого песку. Венграм, после жаркой пальбы полезшим было на стены, песком засыпали глаза. Многим проломили камнями головы.

Королевский инженер Шембек и минер итальянец Раниери из войска Людовика Вайера, брата пуцкого старосты, вели под стены подкопы. В подкопы закладывали железные бочки с порохом. Взрывом подорвали Пятницкие ворота. Кинувшегося к воротам с рейтарами рыцаря Новодворского прогнали мужики-самопальники. Ворота осажденные заложили кирпичом и засыпали землей. Королевские минеры взорвали еще две мины и тоже впустую.

Вечером того дня, когда взорвали последнюю мину, Сигизмунд велел позвать Шембека. Упрекал инженера в медлительности.

Француз стоял перед королем, желтолицый, постаревший в несколько недель, бритые щеки отвисли, под кафтаном углами проступали худые плечи. Прижимая к груди руку, убеждал:

— Ваше величество, минное дело весьма сложное и трудное искусство. Медленность в сем деле искупается последующими результатами. Мы взорвем на воздух башни, и нашим храбрым солдатам останется только окончательно истребить ошеломленного страхом неприятеля. Мы будем иметь безусловный успех. Осажденным русским варварам неизвестно минное искусство и они не могут противопоставить контрмин, что только и может воспрепятствовать нашему успеху. Но я умоляю ваше величество не торопиться. Фундамент городских стен находится слишком глубоко, и нашим людям надо много копать, чтобы подвести галерею, а это требует времени.

Через день после того как поляки подорвали Пятницкие ворота, Михайло Лисица прямо с ночного караула пошел в съезжую. Старший подьячий долго препирался: „Всякий мужик к воеводе полезет, боярину дело делать некогда станет".

Шеин, услышав из воеводской каморы спор, крикнул, чтобы Лисицу впустили. Воевода сидел на лавке, перед боярином стояли посадские старосты Огопьянов и Горбачев. Поглядывая то на одного, то на другого воспаленными от бессонных ночей глазами, воевода говорил:

— Бирючам велите на торгу и перекрестках кликать, чтобы всякие люди с огнем вечером сидели с великим береженнем. И с лучинами по дворам и по улицам не ходили, а буде чьим небреженнем учинится пожар, быть тому казненным смертью... — К Михайле: — Какого ради дела пришел?

— Укажи, боярин-воевода, встречные подкопы против литвы копать.

Шеин усмехнулся, подмигнул старостам.

— Чуете? Черный мужик боярина учить пришел. (Старосты гмыкнули в бороды).

У воеводы на высоком лбу вспухли складки.

— Были б умельцы, без твоего научения давно б подкопы копали.

Михайло переступил с ноги на ногу.

— Когда мастер Федор Савельич стены ставил, мне довелось тайники копать. Дозволь, боярин-воевода, сколько мочно Руси послужить.

Воевода вонзился глазами в михайлино лицо. Поднялся, прошелся по горнице, подошел, хлопнул Лисицу по плечу (дюжий Михайло качнулся).

— По имени как зовешься? — Михалко Лисица! — Если не хвастаясь молвишь, доброе дело сделаешь. Мужиков и чего надо для подкопного дела укажу дать сколько потребно.

Вести подкопы Лисица начал в двух местах. Для работы дали ему двенадцать мужиков-землекопов. Чтобы не обвалилась земля, верх крепили наискосок хитро расставленными подпорками. Приходили воеводы с Чихачовым, смотрели работу. Шеин сам лазил в подкоп. Когда выбрался, отряхивая приставшую к кафтану землю, сказал Чихачову:

— Вели сему вымышленнику на порты сукна стрелецкого отпустить. Заслужил! — К Михайле: — Порохового зелья для подкопа укажу князю Василию Морткину из зелейного амбара дать сколько надо.

Пришлось Лисице итти к князю Василию. Морткин Лисицы так бы и не узнал, не подвернись приказчик Ивашка Кислов. „То ж, боярин-князь, твой беглый холоп Михалко". Князь Морткин только вздохнул. „Во двор Михалку не воротить, десять годов как сшел".

Мужики копали день и ночь попеременно. Когда вывели подкоп далеко за стену, услышали над головой стук. Покопали еще. Вышли наперерез под вражеский подкоп.

Михайло приладил фитиль к бочке с порохом, мужикам велел выбираться, приложил к фитилю лучину, выбрался сам. Со стен видели, как с грохотом разверзлась земля и высоко взметнулся сноп огня и черного дыма. Вместе с камнями из земли взлетели кверху и застигнутые в подкопе неприятели. Минера Раниери подбросило выше стен. Итальянец плюхнулся в снег, остался жив, отделался одним испугом. Шестерых гайдуков побило до смерти и двоих покалечило. Прибежал сам Шембек, метался, грозил тростью стоявшим на стенах мужикам.

— О, проклятые варвары! Они испортили труд целых двадцати дней!

Подкопы королевский инженер стал вести в большой тайне. Но Михайло точно чутьем угадывал хитрости француза, поспевал везде. То пустит на воздух уже совсем готовую галерею, то, нос к носу встретившись под землею с королевскими минерами, затеет бой, или забросает вражеский подкоп горящими глиняными горшками, чиненными серой и селитрой (выдумал сам), и тогда жолнеры не знали, куда деваться от смрада.

Шембек от досады рвал на голове волосы. Говорил панам: не ожидал, чтобы у русских в крепости оказались столь искусные инженеры, безусловно иностранцы.

13

Прошла половина зимы. В конце января в королевские таборы приехали послы от тушинских бояр, служивших царику. В воскресенье после обедни Сигизмунд принимал бояр. Для приема король оделся по военному времени. Кованого золота цепь свисала на дорогие латы, работы знаменитых миланских мастеров. На наручьях и нагруднике чеканные изображения Марса и Славы.

По обе стороны королевского кресла стояли паны сенаторы и рыцарство. От множества людей в тесной палате было жарко. Боярин Михайло Салтыков, старший из тушинских послов, опустился на колено, повел на короля кривым глазом, приложился ржавыми усами к королевской руке, сказал титул.

Толмач перевел речь Салтыкова.

— Посол поздравляет ваше величество с приходом в русскую землю. Бояре и все служилые люди с радостью отдаются под покровительство вашего величества и вверяют вашему величеству свою судьбу.

Отговоривши, Салтыков отступил в сторону. За ним приблизился к королю Иван Салтыков, сын боярина Михайлы.

— Патриарх и весь духовный синклит и люди московские бьют челом твоему королевскому величеству и благодарят, что ты пожаловал в Московскую землю как государь милосердный, чтобы кроволитие между христиан унять и мир и тишину поселить.

Король, сцепив тонкие губы, точно диковинных зверей разглядывал тушинских бояр. За королевским креслом по-кошачьи сладко щурился на послов пан Сапега.

Послы говорили по очереди. Перечисляли русских государей от Рюрика до Федора Ивановича. Жаловались, что после убийства в Угличе царевича Димитрия землей правили незаконные государи, похитители престола — расстрига и Шуйский, плакались на повсеместное опустошение и разорение русской земли. Пока послы дошли до сути дела, паны устали. Встрепенулись, когда заговорил дьяк Грамотин, знали московский обычай — последний посол всегда говорит, ради чего приехали. У дьяка были вышиблены передние зубы, говорил он с присвистом, не то полякам,— своим подчас разобрать было трудно. Толмач перевел:

— Так как бог поручил его величеству прекратить междоусобия и кровопролития в Московской земле, патриарх Филарет, духовенство и все бояре, дворяне, думные дьяки и стольники и всякого звания московские люди объявляют, что они желают возвести на московский престол королевича Владислава и бьют вашему величеству челом — сохранить в неприкосновенности веру греческого закона.

От имени короля послам отвечал Лев Сапега. Канцлер надул щеки, ступил шаг вперед, повел рукой. Послы уставились Сапеге прямо в рот.

— Его величество очень рад прибытию таких почтенных послов от чинов Московского государства. Его величество принимает под свое высокое покровительство святую греческую веру и храмы. — Канцлер поднял ладонь. — Но важность дела, с коим вы прибыли, требует размышления. Его величество назначит панов сенаторов, которые будут об этом с вами совещаться.

Вечером Михайло Салтыков пришел к Сапеге. Канцлер жил в монастырской трапезной. Помещение тесное, у оконца стол с бумагами и чертежами. В углу постель, закрытая леопардовой шкурой.

Сапега, усадив гостя, велел слуге принести венгерского. Сидели с глазу на глаз, пили. Салтыков ерошил ржавую бороду, умпльно поглядывал на канцлера кривым глазом, степенно говорил:

— Я, государь Лев Иванович, готов королю слу-

жить и его королевским делам промышлять и бояр московских и всех русских людей к его королевскому величеству склонять. Меня многие московские люди ненавидят, потому что я королевскому делу радею.

Канцлер отодвинул чашу, вино плеснулось, пролилось на скатерть.

— Если, Михайло Глебович, королю радеешь (по-русски Сапега говорил хорошо), сговори Шеина королевскую рать в город впустить.

От свечи зрачки у Сапеги горели по-кошачьи. И похож был он на насторожившегося кота. Салтыков вздохнул, замотал головой.

— Ох, трудное дело, Лев Иванович. Шеина издавна знаю. Несговорчив и спесив. А спесив оттого, что не по породе вознесся. — Потянулся через стол. — А государю королю —что под Смоленском стоять, итти бы ему к Москве, не мешкая, да славу бы пустить, что идет на вора, в Калугу. А будет король на Москве, тогда и Смоленск совсем его.

У Сапеги пушистые усы полезли кверху. Важно сказал:

— Государю королю от Смоленска отступиться не можно. То ему перед европейскими государями было б бесчестие.

Раскатисто, точно гром, ударило. Звякнули на столе чары. В городе забухали пищали. Салтыков поднялся, моргал растерянно.

— Сполох, Лев Иванович!

Сапега лениво отмахнулся.

— Сядь, боярин. Ян Вайер с немцами к башне приступает.

14

В середине февраля месяца послов позвали к коронному подканцлеру Шенснию Крискому. Подканцлер жил за Днепром в купеческих хоромах. Когда русские жгли Городенский конец, хоромы каким-то чудом уцелели, выгорела только одна сторона. Вместо выгоревших бревен положили новые. Хоромину обтянули сукном — Криский и в походе любил жить с удобствами.

Послов встретил на крыльце секретарь подканцлера. В хоромине на лавке сидел подканцлер и пятеро панов, назначенных вести переговоры. Канцлер поднялся, спросил послов о здоровьи. Паны, сахарно улыбаясь, при-

жали к груди руки. Послы уселись на лавку напротив. Криский объявил, что паны готовы выслушать предложение московских послов и вместе обсудить меры для успокоения государства. Поднялся Михайло Салтыков. Говорил с хрипотцей (вчера на пирушке у пана Сапеги было пито немало).

— Бояре думные, еще как род старых государей из дома Рюрикова прекратился, много желали, чтобы был на престоле московском род короля Жигимонта. Да не по нашей вине того не учинилось.— Салтыков вздохнул, за ним вздохнули остальные.— Злохищный вор Бориска Годунов похитил престол и самовластно правил русской землей. За борисовы грехи послал господь обманщика Гришку-расстригу. Захватил обманщик неправедно царство и за то поделом свою мзду принял. Василий Шуйский отвел боярам глаза и обманом похитил московский престол. Бояре многие не хотели служить Шуйскому и, когда учинился на Руси новый вор, пристали к вору, хотя и ведали, что то подлинный вор. Ныне же, как услышали бояре, что король пришел под Смоленск, стали сноситься со своими братьями, что остались в Москве. И положили бояре отречься от Шуйского и от тушинского вора и всей душой обратиться к королю и просить, чтобы род его воцарился в Московском государстве.

Послы закивали колпаками. Криский смотрел ласково, пущенные до плеч усы чуть шевелились. Салтыков передохнул, кривой глаз полез совсем на сторону.

— Ныне мы бьем челом королю, чтобы дал на престол московский королевича Владислава. А сам король, не мешкая, шел бы к Москве. Тогда бояре сведут с престола Шуйского и за все его злодейства казнят смертью. А Смоленск и все города покорятся тогда королю.

Салтыкову отвечал подканцлер.— Паны польщены желанием бояр видеть на московском престоле государя из дома короля Сигизмунда. Но важность дела требует, чтобы предложение было обсуждено на совете у короля.

Послы, пятясь задом, покинули хоромину. Паны вышли провожать их на крыльцо. Гайдуки помогли послам сесть на коней. Ехали обратно к Чернушкам, подгородной деревне, где послам отвели несколько изб, мимо засыпанных снегом шанцев и туров. Послы хвалили приветливых панов, дивились выглядывавшим из-за ту-

ров большим пушкам. Со стен послов заметили. Пушкарь Гришка Чеботарь для острастки пальнул. Железное ядро ударилось в дорогу перед Салтыковым, вертясь, покатилось по снегу. Боярин, мелко крестясь, огрел коня плетью, понесся, не разбирая дороги, только развевалась по ветру зеленая епанча. За Салтыковым поскакали послы. Со стен озорно свистали, ругали срамно.

Проходили дни. Паны тянули, ясного ответа послам не давали. Шло разногласие и между панами. Одни советовали королю отпустить на московский престол королевича, другие говорили: прочно может быть только то, что добыто оружием.

Сигизмунд был в нерешительности. Сейчас, когда сбывалась старая мечта — прибрать к рукам Москву,— король колебался. Пугали и речи Сапеги. „Королевичу Владиславу удержать в руках сей варварский непокорный народ будет трудно. Не посылать надо королевича, а присоединить Москву к польскому государству, доверив управление наместнику". Канцлеру уже мерещилась Москва и богатое наместничество, а там — кто знает — почему роду Сапег не сесть на московский престол.

После трехдневных споров у короля, послов опять позвали к подканцлеру. От имени Сигизмунда говорил Крискій.

— Его величество оскорблен Шуйским, дозволившим черни убить в Москве многих поляков. Но король пришел в Московскую землю не ради мщения, а чтобы ее успокоить и прекратить кровопролитие. Король желает дать своего сына на московский престол, но он сделает это тогда, когда разойдутся тучи над Московским государством.

Послы сходились с панами еще несколько раз. Четырнадцатого февраля Сигизмунд и писарь королевства Скумин Тышкевич подписали артикулы. Бояр, окольничих, думных и других ближних людей королевич будет держать в милости. Поместьями и деньгами жаловать, как заведено исстари. Поместий и вотчин без боярского приговора не отнимать. Беглых мужиков литовским панам не принимать и за собою не держать. Боярским холопам воли не давать. Панам латинской и люторской веры разорения церковного не чинить и русских людей от греческой веры не отводить.

О том, чтобы королевич принял греческую веру, как требовали было вначале послы, в артикулах ничего сказано не было.

Через два дня после подписания артикулов к пустому острожку у Молоховских ворот подъехал дворянин Тугарин из свиты послов, крикнул, что хочет отдать воеводе письмо от Салтыкова. К посланцу выехал сам Шеин. Ехал медленно, щурясь от снежной белизны и яркого солнца. Съехались в стороне от перекинутого через ров моста. Шеин одет был по-ратному, поверх панцыря алая епанча, на боку палаш, сидел уверенно на вороном коне. Тугарин чуть кивнул колпаком, протянул свитую трубкой грамоту. Шеин откинулся в седле, читал письмо Салтыкова. Боярин увещевал воеводу покориться Сигизмунду и открыть ворота польскому войску. „Все бояре королю челом бьют, один ты супротивничаешь и кровь христианскую льешь понапрасну".

Тугарин видел, как дрогнули у воеводы усы, когда дочитал до конца.

— Ответ, боярин, будет ли?

Шеин запрокинул голову. Серебряная стрела на шишаке колюче сверкнула. С треском разорвал письмо пополам, бросил на снег.

— Вот мой ответ, изменники, королевы холопы!

И, поворотив коня, отъехал к воротам.

IV

И. Хозеров

Город Смоленск в начале XVII века

Смоленск в конце XVI века представлял собой город весьма значительный по размеру своей территории и по численности населения. Многие иностранцы удивлялись его величине и сравнивали Смоленск с крупнейшими городами Европы того времени. Так, например, „А. Гваньини и С. Немоевский сравнивали в конце XVI и начале XVII века размеры Смоленска с Варшавой",[1] а Иоганн Кобенцель, член посольства германского императора Максимилиана II к московскому царю, так отзывался в 1575 году о Смоленске: „Сели мы в сани и проехали через Смоленск, город, который мне показался так же велик, как Рим".[2]

О величине народонаселения Смоленска того времени имеются различные определения; так, например, иезуит Антоний Поссевин, бывший в Смоленске в 1581—82 годах, считал население Смоленска около 20 тысяч человек, а польский хронист Самуил Бельский это же число жителей Смоленска относил лишь к мужскому населению, годному для битвы.[3] Если данные С. Бельского только наполовину приближались к действительности, то население Смоленска в 1609 году следует считать примерно в 40—45 тысяч человек.

Смоленск в конце XVI века был обнесен деревянными и земляными укреплениями. Крепость располагалась на левом берегу Днепра. Вне крепости в то время существовали посады: Чуриловка—на западе (район за-

---

[1] *С. Д. Ширяев.* „Смоленск и его социальный ландшафт в XVI—XVII веке". Смоленск, 1931, стр. 16.

[2] „Письмо Иоганна Кобенцеля о России XVI века" (Журн. Министерства нар. просвещ. за 1840 г. XXXV, стр. 140).

[3] *С. Д. Ширяев.* Ук. соч., стр. 16—17 и 54.

селения примерно теперешней Краснофлотской улицы), Рачевка—на востоке и Заднепровский посад—на правом берегу Днепра.

В XVI веке Заднепровский посад представлял собой уже значительно населенный район, принимавшийся иностранцами за город. По свидетельству Герберштейна эта часть города (заднепровская) в 1526 году была укреплена тыном. Вторая часть города, нагорная, носила наименование крепости, так как она еще в XV веке была укреплена деревянной стеной, большей же частью тыном. Такая характеристика основных частей Смоленска (город и крепость) сохраняла свое значение и в начале XVII века, по крайней мере об этом свидетельствуют записки Маскевича (1609 г.): „Местоположение Смоленска есть следующее: между городом и крепостью протекает река Днепр, т. е. на одной стороне лежит крепость, а на другой город. Крепость стоит на возвышении к Днепру, очень отлогом, прорезанном многими глубокими оврагами, и заключает в себе семь гор, между коими без мостов сообщение было бы весьма трудно. Город к Днепру лежит на месте более ровном и болотистом, а далее возвышается гора, как и в крепости".[1]

В 1596 году строительная комиссия, на которую указом царя Федора Иоанновича была возложена организация строительства смоленского кремля, прибыв в Смоленск, проехала мимо Литовского гостиного двора по Большому мосту через Днепр в город, к „богородице-на-горе". Этот факт свидетельствует о том, что в заднепровской части города Смоленска в то время находился Литовский гостиный двор, который „являлся центром оптовой привозной торговли польских и литовских купцов. На Гостином дворе находились избы для остановок приезжих торговых людей, которым разрешалось торговать только в Гостином дворе, а также амбары и кладовые для склада их товаров".[2]

Около Литовского гостиного двора, естественно, возник и рынок с мелочной торговлей, легший в XVIII века в основу организованного к тому времени здесь заднепровского рынка.

---

1 „Сказания современников о Димитрии Самозванце", ч. V. Записки Маскевича. СПБ. 1834 г., стр. 18.

2 *С. Д. Ширяев.* Ук. соч., стр. 39.

Литовский гостиный двор находился, если ехать через Большой днепровский мост в город, по левую сторону, а по правую сторону существовала древняя Никольская церковь и при ней кладбище. Следы этого кладбища были обнаружены весной 1939 года при работах по укладке канализационных труб, причем среди гробов найдены и весьма древние—дубовые долбленые, что указывает на существование здесь кладбища в XII—XVI веках.

В 1929 году по Ново-Ленинградской ул., вблизи железнодорожного моста через улицу, при водопроводных работах также было обнаружено древнее кладбище с долбленными дубовыми гробами. В одном гробу на костяке найдена была бронзовая иконка с изображением Никиты-воина, по определению специалистов Эрмитажа относящаяся по времени к XIV веку.

В XVI веке через Заднепровский посад пролегала дорога на Москву, причем по обеим сторонам расселились ямщики, образовав в восточной части Заднепровского посада особую Ямскую слободу.[1]

Из исторических памятников Заднепровского посада упомянем о Петропавловской церкви, построенной в 1146 году.[2] Согласно летописным данным, эта церковь построена на княжеском тетеревнике, т. е. на княжеской мызе.

Рядом с Петропавловской церковью исстари существовал пруд, образованный речкой Городянкой. Как известно, в XV веке здесь существовала мельница, принадлежавшая епископу, а в XVIII века здесь было уже несколько мельниц.

Вблизи Петропавловской церкви находилось обширное поле, так называемое „Попово поле".[3]

Недалеко от Петропавловской церкви на берегу Днепра в конце XVI века находились кирпичные сараи для выделки кирпича и печи для его обжига; кирпич шел для строительства смоленской стены.

---

[1] Старо-Московская улица, на месте которой построен льнокомбинат, и была указанной дорогой на Москву.

[2] В 1753 и 57 гг. Петропавловская церковь была расширена и перестроена, при этом были значительно искажены ее первоначальные архитектурные формы.

[3] В XIX в. на Поповом поле устраивались ежегодно весной конские ярмарки, которые, после проведения Орловско-Витебской ж. д., были переведены на Молоховскую площадь.

В районе Петропавловской церкви в описываемый период находились Городенские слободы, получившие свое название от речки Городянки (Городенки).

В Заднепровском посаде незадолго до осады Смоленска были построены новые слободы, названные в делах смоленской приказной избы „новыми слободами из-за Городни", „иззагородни новые слободы", а также „Новая Загороденская лготная слобода". По смыслу названия они расположены были за речкой Городенкой (точнее, между речками Городенкой и Шкляной) и фактически служили продолжением Городенской слободы, существовавшей между Большим днепровским мостом и речкой Городенкой.

Городенская слобода, или сотня, была довольно обширная. Она дала больше других слобод людей на оборону Смоленска. В частности, только посадскими людьми Городенской сотни охранялись девять башен с прясламн между ними.

О социальном составе населения Городенских слобод, включая сюда новые иззагороденские слободы, мы можем иметь представление по документам смоленской приказной избы (№№ 229, 232, 248, 250). Слобожане Городенской сотни—это посадские люди (мещане), занимавшиеся в основном мелким ремеслом. Вместе с тем каждый двор всегда имел небольшой огород для выращивания овощей, покрывавших не только потребность жителей данного двора, но и шедших на местный рынок для продажи. Этим, между прочим, характеризовалась долгое время Ямская слобода, сохранявшая за женской половиной обязанности ведения огородничества. Мужское же население этих дворов почти исключительно несло функции ямщиков.[1]

О диференциации ремесленников Городенской сотни мы можем судить по росписи посадских людей для охраны смоленских башен и прясл, где упоминаются лица следующих профессий: колесники, шаповалы, шапочники, прасолы, блинники, мясники, хлебники, квасники, кузнецы, плотники, коновалы, гончары, рукавичники, пряничники, кожевники, портные, булавочники.

---

1 Характерно, что эта традиция держалась в Ямской слободе г. Смоленска весьма долго, вплоть до конца XIX в.

Среди основного населения Заднепровского посада упоминаются подсуседники—так назывались лица, не имевшие собственного тяглого хозяйства и жившие при хозяйствах посадских людей.

Наконец, в Заднепровском посаде, быть может еще с XV века, находилась слобода для поселения иноземцев, на что указывает древнее название одной из улиц—„Кокуй“ или „Кокуевская улица“.[1] Кокуями в старину в насмешку называли немцев. Некоторые историки полагают, что именно в этой слободе в XVII веке находился и „Приезжий двор“ для „остановки иностранцев, о котором упоминают росписи 1675 года и описание путешествия А. Лизека, бывшего в Смоленске в 1675 году“.[2]

В районе Кокуя пролегала торговая дорога на село Касплю, шла она через Шкляную гору. В Каспле товары перекладывались на ладьи для дальнейшего следования по реке Каспле и дальше системой волоков (когда ладьи перетаскивались „по-суху“ на катках до следующей речки) в Западную Двину.

Через Покровскую же гору шла дорога на г. Белый и называлась она Бельской дорогой.

За несколько дней до осады Смоленска Заднепровский посад, по решению самих жителей, был сожжен, а население посада перешло в крепость, где находилось большое число заранее подготовленных осадных дворов. Правда, из документов приказной избы 1609—11 годов мы знаем, что смоляне, севшие в осаду, испытывали большую „тесноту“ вследствие недостатка жилых домов в крепости. Это объяснялось, конечно, тем, что помимо слобожан в Смоленск бежало от поляков много крестьян и семей помещиков.

К сожалению, совершенно отсутствуют данные о кварталах, дворах, жилых домах и надворных постройках, а также об улицах Заднепровского посада и его слобод, поэтому ничего нельзя сказать о порядке расселения слобожан и, в частности, ремесленников.

На плане Гондиуса 1634 года на месте Заднепровского

---

[1] Находилась она примерно недалеко от существующего Витебского шоссе, несколько выше, по направлению к керамическому заводу.

[2] *С. Д. Ширяев.* Ук. соч., стр. 60, примеч. 151.

посада показаны обширные поля и огороды, следовательно, в то время посад еще не был восстановлен.

Строительная комиссия в 1596 году, как было сказано, проследовала в город Большим днепровским мостом. Самое название „Большого моста“ указывает, что в Смоленске в то время существовало несколько мостов. Повидимому, одни из них были понтонные, по крайней мере это ясно усматривается на плане 1627 года.

Большой мост находился против Днепровских ворот. Он упоминается уже в конце XV века. В XVI веке со стороны Заднепровского посада мост имел предмостное укрепление.

Днепровский мост (вероятно, Большой) 30 сентября 1609 года (по ст. стилю) поляками был сожжен.

Во время осады на месте выжженного Заднепровского посада разместились отряды Дорогостайского, а на Покровской горе — отряды князей Яна и Стефана Потоцких.

В XVI веке, помимо Заднепровского посада, существовали посады Чуриловский и Рачевский, которые незадолго до осады Смоленска также были выжжены.

В районе Чуриловского ручья, ближе к городу, находилась часть посада, называвшаяся Везовенской сотней, или слободой. Здесь во время осады была установлена польская батарея из осадных орудий между турами [1] в шанцах. При указанной батарее расположились части немецкой пехоты под командованием Людвига Вайера. Немцы устроили от батареи Вайера траншеи и приблизили последние к городской стене местами до 15 сажен.

Снаружи каменной стены в районе Больших Пятницких ворот [2] находился Пятницкий острог, который был взят и сожжен поляками в первые же дни осады. Он не представлял собой сколько-нибудь сильного укрепления.

В Чуриловском посаде на Чуриловской горе находились дворы, принадлежавшие смоленскому епископу.

---

[1] Туры — корзины, высотой больше человеческого роста, наполненные землей.

[2] Большие Пятницкие ворота находились против ручья Воровского.

Через этот посад проходила Большая дорога, связывавшая Смоленск с городами Северской земли и Литвой; она шла по Чуриловскому нагорью мимо Михаило-Архангельской, или, как ее еще называют, Свирской церкви, построенной в 1192—94 годах и сохранившейся почти полностью до сих пор. Во время осады здесь разместился отряд пана Премыского.

Ряд смоленских историков (С. П. Писарев, И. И. Орловский и др.) считали Свирскую церковь в центре какого-то княжеского города. Такое мнение возникло вследствие неправильного толкования Писаревым ряда исторических документов. В действительности, как совершенно верно полагает С. Д. Ширяев, вряд ли когда-либо существовал в районе Свирской церкви какой-то княжеский город. Здесь мог быть в конце XII или начале XIII века княжеский загородный дом.

Дорога затем шла мимо Спасского монастыря, построенного в 1141 году и находившегося на территории современной деревни Чернушки. В Спасском монастыре первоначально разместился отряд Яна Сапеги, но русские удачными действиями своей артиллерии вскоре заставили отряды Яна Сапеги переместиться дальше к западу, где литовский канцлер построил себе дом, не боясь выстрелов русских, под защитой Чуриловской горы.

На правом склоне этой горы, ближе к Чуриловскому рву, поляки устроили шанцы, поместив в них три орудия, из которых стреляли в город через стену.

На плане Гондиуса видна соборная церковь Спасского монастыря, еще сохранявшая в то время покрытие по сводам, и отдельно стоящая каменная колокольня.[1]

Еще дальше к западу от Свирской церкви находился Борисоглебский монастырь, построенный в 1145 году. На территории этого монастыря в XII веке было две каменных церкви — Борисоглебская шестистолпная и Васильевская четырехстолпная.

Во время осады в Борисоглебском монастыре разместились отряды гетмана Жолкевского.

На плане Гондиуса Борисоглебский монастырь изо-

---

[1] В настоящее время на территории деревни Чернушки сохранились развалины указанных зданий Спасского монастыря.

бражен с одной церковью, которую все смоленские историки до сих пор ошибочно принимали за изображение Борисоглебской церкви. В действительности же на плане изображена Васильевская церковь.[1] Следовательно, к этому времени Борисоглебской церкви уже не существовало.

Наконец, во время Смоленской осады еще дальше на запад (на Кловке) существовал Троицкий монастырь, где остановился со своим штабом Сигизмунд III. Троицкий монастырь — это самый крайний пункт каменного строительства древнего Смоленска с западной стороны.

На восточной стороне левобережной части город также имел слободы, объединявшиеся Рачевским посадом.

Здесь размещены были, между прочим, полусохи, т. е. такие слободы, жители которых занимались преимущественно земледелием. Так, в районе Крылошевских ворот находилась Крылошанская полусоха. затем, где теперь Запольная и Озерищенская улицы, была Воровская полусоха (или Вровская, т. е. во рву).

На Рачевке, где теперь парк „Красная Рачевка“ и прилегающие к нему на запад и восток кварталы, была обширная Архиепископская слобода, переведенная сюда из города в XVI веке, а в городе сохранено было за епископом всего лишь восемь дворов. Архиепископской слободе на Рачевке отведено было земли на 120 дворов. В 1609 году слобода выставила на защиту Смоленска 178 человек своих слобожан.[2]

На речке Рачевке в то время стояло несколько мельниц Архиепископской слободы; часть их принадлежала посадским людям.

Против Крылошевских ворот на Днепре находилась хлебная пристань.

На Рачевском посаде издавна селились различные ремесленники, однако подробных сведений о них мы не имеем.

Территория Рачевского посада была весьма значительна, по крайней мере здесь нам известно шесть церквей, построенных в XII—XIII веках. В начале Смоленской осады

---

[1] Раскопки ее развалин были произведены в 1908 г.
[2] Дело № 233 в „Памятниках обороны Смоленска“.

большая часть церквей была разрушена. Крайним пунктом каменного строительства на восточной стороне Смоленска был Духовской монастырь,[1] где во время осады расположились казаки под командованием гетмана Зборовского.

Кроме того, на Рачевском взгорье Вайер установил три батареи для обстрела Авраамиевской башни. 4 октября 1609 года к этому месту, для усиления лагеря Вайера, подошли три тысячи запорожских казаков.

С южной стороны Смоленск был окружен сильными кавалерийскими отрядами, державшими постоянную связь с казаками, стоявшими у Духовского монастыря и на Рачевском взгорье.

Таковы вкратце сведения о топографии посадов Смоленска. Теперь скажем о городе.

В XVI веке Смоленск был укреплен со стороны набережной деревянной стеной. Об этом свидетельствует следующий факт: в сентябре 1610 года М. Б. Шеин разрешил жителям Брянска, Серпейска, Дорогобужа и Вязьмы, защищавшим город, разобрать „городни" старой деревянной крепости, существовавшей в то время по набережной внутри каменной стены. Эти данные весьма ценны в том отношении, что мы сможем иметь вполне точное представление о конструкции смоленской деревянной стены. „Городней" назывались деревянные срубы, наполнявшиеся землей и камнями и приставлявшиеся один к другому вплотную при устройстве крепостной стены. Недочетом такой конструкции было то, что „городни", не будучи связаны между собой, могли неравномерно оседать, и стена поэтому „кривилась". Кроме того, весьма быстро загнивали поперечные стены. На смену „городням" пришли „тарасы"—конструкция, экономически более рациональная и состоявшая в том, что наружные стены составляли одну целую (непрерывную) плоскость, притом прочно связанную с поперечными стенками, которые врубались между двумя параллельными стенами срубов. Ячейки срубов также засыпались землей и камнями.

В верхней части города земляные валы несомненно укреплены были тыном, а не деревянной стеной. Об этом, между прочим, свидетельствует план Гондиуса 1634 года, а так-

---

1 Развалины его находятся недалеко от деревни Шейновки.

же авторитетное суждение Ф. Ласковского,[1] утверждавшего, что размеры сохранившегося в Смоленске древнего земляного вала свидетельствуют о существовании в Смоленске в XV—XVI веках не деревянных стен, а земляной крепости с тыном, т. е. вертикально поставленным забором из заостренных вверху бревен.

Деревянные стены и земляная крепость в Смоленске в начале XVII века были заменены каменной стеной, составившей смоленский кремль с 38 башнями. Протяженность стен смоленского кремля, по данным обмеров петровского времени, составляет 6 верст $38^1/_2$ сажен,— следовательно, по своим размерам он является третьим в мире в ряду подобных сооружений (после Великой китайской стены и кирпичных стен Константинополя).

О начале строительства смоленского кремля, или, как он именуется в старинных документах, смоленской городовой стены, существуют противоречивые указания.

Смоленский историк Н. Мурзакевич в „Истории Смоленска“ под 1587 годом пишет: „Заложена каменная крепость города... Работа сия продолжалась медленно, до самого восшествия Годунова на престол Российский“. И дальше, говоря о возобновлении строительства смоленской стены, пишет, что Борис Годунов „повелел в Смоленске начатое и забвенью преданное строение города производить с великим тщанием и поспешностью“.

Иеромонах Шупинский в своем „Описании Смоленска“, составленном к приезду Екатерины II в Смоленск в 1780 году, на основании каких-то старых записей, выданных ему епископом Парфением, сообщает дату начала строительства смоленской стены под 1588 годом.

Однако начало строительных работ по сооружению смоленского кремля надо, повидимому, считать не вышеуказанные даты, а более раннюю, по крайней мере 1586 год, на что указывает следующая запись расходных книг Дорогобужского Болдинского монастыря за 1585—1586 год, где от 19 января 1586 года записано: „...Послан

---

1 *Ф. Ласковский.* „Материалы по истории инженерного искусства в России“, ч. I.

слуга в Смоленск Григорий Суков, что с двора правят человека в посоху к городовому делу", т. е. в порядке повинности Болдинский монастырь посылал человека в январе 1586 года в Смоленск для работ по строительству смоленской стены. Во всяком случае, если бы в 1586 году и не было приступлено непосредственно к возведению каменных городских стен, то это указание свидетельствует о начале строительства, хотя бы в виде организации заготовки строительных материалов для возведения городовой стены.

В соответствии с указанной записью приобретают известный смысл и сообщения Мурзакевича и Шупинского, как сведения о начале фактической кладки стен смоленского кремля. Расхождение в их датах на один год особенно существенного значения не имеет, поскольку мы не знаем определенного критерия: какую стадию начала строительства имел в виду каждый из них.

Некоторые же историки (например П. Никитин и С. Писарев) считают приезд строительной комиссии в Смоленск в 1595 году началом строительства стены; однако эти данные несомненно имеют непосредственное отношение ко второму периоду строительства смоленской стены, возобновленного известным указом московского царя 1596 года князю Василию Звенигородскому с товарищами. Итак, началом строительства смоленской стены нужно считать 1586 год. Продолжительность же строительства падает на два периода: первый с 1586 по 1595— когда, повидимому, было сделано чрезвычайно мало в смысле сооружения самой стены, и второй период с 1596 по 1602,— когда строительство было организовано как бы снова на новых началах, причем строителем стены назначен городовой мастер Федор Савельев Конь, который, возможно, в первый период строительства стены смог только консультировать лишь наездами указанное строительство, будучи занят в это время строительством Белого города в Москве. Это соображение тем более вероятно, что архитектурные формы и строительные приемы стены по набережной имеют свои особенности, не встречающиеся на других участках стены, хотя в основном и повторяют общие принципы строительства смоленской стены.

Упомянутый указ 1596 года рисует нам интересные стороны самой организации строительства. Прежде всего

указ предписывал изъять („отписать на государя“) в городе и уезде сараи и печи, где делали кирпич и жгли известь, причем сюда должны были войти печи и сараи кирпичные и известковые владычные (т. е. принадлежавшие владыке, архиепископу), монастырские и всяких людей, т. е. частновладельческие.

Эти печи и сараи должно было немедленно отремонтировать. Одновременно предписывалось отыскать наиболее подходящие места для изготовления кирпича, добывания извести и бутового камня, а также где лучше производить заготовку дров и на сваи лес, причем рекомендовалось организовать производство кирпича и извести на местах сырьевых и топливных запасов. Кроме того, предписывалось определить расстояние этих мест до города Смоленска, учесть наиболее целесообразный способ доставки материалов („водяным“ или „пешим“ путем). Предлагалось точно расписать и распределить к кеждому делу людей конных и пеших. Далее, нарядить известное число целовальников из лучших местных людей для ведения точного учета расходов по строительству смоленской стены „в книгах подлинно порознь по статьям“, с соответствующей росписью и отметкой — „чтобы в денгах кражи не было никоторыми делы“. И наконец, делалось предупреждение всем, в том числе и самому князю Василию Звенигородскому с товарищами: „никаких посулов не брать, а если хто кому поноровит или посул возмет или кто в чем покорыстуется... им быти казненым смертью“.

О некоторых местах изготовления кирпича для смоленской стены имеются совершенно определенные указания. Например, кирпич делался в районе Чертова рва, где впоследствии в 1692 году он изготовлялся и для Вознесенского монастыря. Есть указания на изготовление кирпича в районе Гнездова у Глинищ, затем—в Стабне и в районе Петропавловской церкви, в Городенских слободах. Очевидно, кирпич обжигался и во многих других местах как в городе, так и в его уезде.

Имеются определенные указания, что известь жгли преимущественно из скалового плитняка („камень ломати для сженья извести“).

Известь частично обжигали в окрестностях Смоленска, но главным образом в селе Верховье на реке Обше,

бывш. Бельского уезда, за 242 версты от г. Смоленска, а также и в самом городе Белом, на что указывают данные приходо-расходных книг Дорогобужского Болдинского монастыря, например, от 19 августа 1600 года: „Дано благовещенским бобылем, которые ездили на Белую по известь и с известью в Смоленск, ...семи человеком на две недели двадцать восемь алтын".

Камень для облицовки цоколя стены и башен привозили из г. Старицы и г. Рузы, а согласно новейшим данным — тем же записям Болдинского монастыря, опубликованным в 1924 году,—еще из более отдаленного пункта, а именно с берегов реки Похры, впадающей в Москва-реку, где были издавна каменоломни, поставлявшие в Москву известковый камень. „Месяца Маія в I день (1599 г.) посылали слугу Давыда Васильева в Смоленск с камнем с Никольские вотчины с Похры..."

При ремонте же смоленского кремля в 1691 году известковый камень для цоколя привозили уже из более близких мест — из села Липиц и пустоши Поворовой, бывш. Сычевского уезда.

Булыжный камень привозили „со всех городов", как указывает „Новый летописец".

В большом количестве шла заготовка и прочих строительных материалов (песка, глины, леса), а также изготовление соответствующего инвентаря.

Строительство смоленской стены производилось по проекту и под наблюдением московского городового мастера Федора Савельевича Коня, сына тверского плотника, выдающегося русского архитектора, побывавшего за границей и не только в совершенстве усвоившего технику строительства каменных крепостей, но и сумевшего дать отличные решения архитектурной мысли в отношении монументальности и оригинальности трактовки отдельных деталей. В этом отношении смоленский кремль представляет более совершенное по архитектуре сооружение, чем, скажем, итальянские башни городов Луго, Вероны и Милана, частично послужившие Коню образцом при сооружении смоленской стены.

Заслуга Федора Коня как архитектора заключается прежде всего в том, что он не копировал готовых иностранных образцов, надо сказать—довольно грузных по форме и не отличающихся изяществом прорисовки от-

дельных частей (достаточно отметить, что, например, башни г. Луго в Италии имеют цоколь в $^1/_3$ всей высоты башни). Федор Конь подошел творчески к своей задаче и дал удивительные образцы архитектуры башен смоленского кремля, во многом превзошедших подобные сооружения заграницы—как Италии, так, в особенности, Германии, крепостные стены ряда городов которых несомненно были известны Коню.

Необходимо отметить, что Федор Конь был строителем третьего пояса укреплений г. Москвы, так называемого Белого города, возведенного в 1586—93 годах.

Кроме того, некоторые косвенные данные приходорасходных книг Дорогобужского Болдинского монастыря конца XVI века, а также анализ архитектурных деталей Троицкого собора того же монастыря дают основание предполагать, что Конь имел непосредственное отношение и к строительству указанного Троицкого собора.

Федор Конь был образованнейшим человеком своего времени и притом не только для Московского государства. Анализируя строительные приемы и архитектурные формы смоленского кремля, приходишь к убеждению, что Конь безусловно знал трактаты Витрувия—„Десять книг об архитектуре“, и Альберти —„Десять книг о зодчестве“, которые он, конечно, читал в латинском оригинале. Конь не только знал вышеуказанные трактаты, но многие положения указанных мастеров он неоднократно творчески преобразовывал и видоизменял, достигая при этом замечательных результатов. Ниже, при описании смоленского кремля, конкретно будут указаны эти особенности творчества Коня.

Но, рассматривая Федора Коня как гениального архитектора, мы не должны упускать из виду, что смоленский кремль представляет собой, кроме того, и чрезвычайно искусно построенное инженерное сооружение. Обозревая в натуре смоленские башни и прясла, ясно представляешь себе, что Конь, сооружая смоленский кремль, все время чувствовал себя обязанным дать превосходную крепость. И она такой, действительно, была. Ядра осадных пушек по существу не причиняли сколько-нибудь заметных разрушений смоленскому кремлю, а вызывали лишь небольшие язвины, причем зачастую ядра только влипали, выступая при этом наполовину из тела стены.

Поэтому-то смоленский кремль настолько противостоял действию осадной артиллерии, что на протяжении 200 лет (т. е. за все время значения смоленского кремля как военной крепости) он смог выдержать без значительного ущерба для себя пять осад.

Опишем вкратце конструкцию смоленской стены. Прежде всего—фундамент закладывался на глубину в 2 сажени и ширину в 3 сажени. Если почва была сырой, то для уплотнения грунта набивались сваи (что было обнаружено в северной стороне кремля, затем в районе Молоховской башни и вблизи Парка культуры). В прочих же местах закладка фундамента стены была произведена непосредственно на глинистом грунте, достаточно плотном и не требовавшем применения свай.

Конструкция фундамента смоленской стены, как показала разборка некоторых участков ее, характеризуется следующими данными. Основание фундамента проливалось известковым раствором (песчаная постель отсутствовала). Затем выкладывался слой булыжного камня и заливался жидкой глиной.[1] Поверх этого слоя проливался известковый раствор на толщину от $^1/_2$ до 1 вершка, а сверх него насыпался кирпичный щебень на толщину от $^1/_2$ и до 1 вершка. Далее, снова укладывался ряд булыжного камня и проливался жидкой глиной, потом известковым раствором и сверх него насыпался кирпичный щебень. И так клался бут в несколько рядов.

Такова была конструкция не только фундамента, но и забутки цокольной части, облицованной снаружи правильной каменной кладкой из тесанных известковых камней, как, например, на прясле стены между Крылошевскими воротами и Стефановской башней (на северо-восточной стороне кремля). Иногда цокольная часть внутри представляла собой бутовую кладку на известковом растворе, с рядом прослоек из кирпичного щебня (например участок стены от Крылошевских ворот к Костыревской башне).[2]

[1] Способ кладки фундамента на глине очень древний. О нем упоминает в своем трактате Альберти и подчеркивает его рациональность на основе необыкновенной прочности старинной башни в Болонье, основание фундамента которой было сложено на глине.

[2] Применение Коем в бутовой кладке прослоек из кирпичного щебня несомненно представляет заимствованный им прием итальянских мастеров.

Конструкция самой стены на различных участках не одинакова. По набережной, например, она над цоколем сплошь выложена из кирпича (во всю толщину стены), а на ряде других участков кирпичная кладка составляет лишь облицовку в три ряда кирпича по фасаду и со стороны города, внутренняя же часть стены выложена из крупного бутового камня на известковом растворе с чередующимися прослойками из мелко битой кирпичной щебенки.[1]

Снаружи цоколь был облицован белым камнем, причем лицевая поверхность этих камней шлифовалась, а прочие грани были лишь отесаны.

Техника кладки цоколя не характеризуется строгим соблюдением в отношении какого-либо правильного чередования блоков (больших и малых), но сводилась лишь к одному приему: перекрыть вертикальный шов предыдущего ряда камнями последующего ряда.

В основном кладка цоколя осуществлена всюду строго горизонтальными рядами, а на склонах холмов почти горизонтальными; однако последнее свидетельствует скорее о не совсем тщательном выполнении кладки, нежели об ином принципе ее. Во всяком случае, принцип кладки цоколя горизонтальными рядами несомненно был взят Конем за основу конструктивного приема. Любопытно отметить, что по склону Покровской горы, где уклон достигает почти 35 градусов, кирпичная кладка сверх цоколя идет не горизонтально, а наклонно — в основном параллельно уклону поверхности земли. Такой принцип кладки на склонах рельефа почвы (т. е. горизонтальная кладка цоколя и наклонные ряды кирпича) нам известен по Великой китайской стене.

Высота цоколя смоленской стены различная — от 1 метра и до 3 с лишним метров.

В отношении архитектурной обработки цоколя отметим следующее. В цоколе имеются амбразуры бойниц так называемого нижнего, или „подошвенного“ боя, обработанные снаружи прямоугольными рамками, за исключением бойниц цоколя на участках стены от пролома по

---

1 Сплошной кирпичной кладкой внутри стены характеризуются и участки ее, примыкавшие с обеих сторон к Маховой башне (на территории Детского стадиона).

Казанской горе, где стояла Богословская башня, и вниз по нагорью к востоку (в настоящее время этот участок стены почти вплоть до Воскресенской башни разобран) и затем по всей набережной — именно здесь наличники бойниц завершались сверх того треугольным фронтончиком.

Над цоколем обычно идет кирпичная кладка в три ряда кирпича, а затем выступает каменный шлифованный валик. Обрамление цоколя валиком — прием также итальянских зодчих, но в отличие от них Конь дал новый вариант: отделил цоколь от валика слоем кирпичной кладки. Это придало стене еще больше изящества и декоративной выразительности.

На некоторых же участках стены, например на южном и юго-восточном, кирпичная кладка сверх цоколя доходит вместо трех рядов до 11,— но это уже как исключение, очевидно, вызванное недостатком тесанных каменных блоков. Отсюда возможно предположить, что цоколь на южной и юго-восточной стороне делался позднее прочих участков стены.

Сверх валика идет кирпичная кладка стены, завершаясь без всяких выступов зубцами с мерлоном. Мерлон в виде двурогого зубца — деталь чисто итальянской архитектуры, но мерлоны зубцов смоленского кремля имеют в центре дополнительный рельеф в виде перевернутой римской цифры V, что делает их совершенно оригинальными.

Смоленский кремль открывается на фасаде башен и прясл рядом бойниц, обработанных кирпичным рельефом в виде рамки с треугольным верхом. Такая форма наличников бойниц по своему происхождению чисто русской формы, но в интерпретации Коня она получилась особенно изящной по рисунку. Через эти бойницы героические защитники Смоленска стреляли из пушек и пищалей.[1]

Башни смоленского кремля были трех типов: 1) прямоугольные, из них — а) большие воротные, причем только одна Днепровская башня (главная) имела прямой выезд, правда, защищенный впереди стрельницей, или

---

[1] Пищаль — вообще огнестрельное оружие (ружье и прочее); пищали большого размера относились к типу пушек.

полубашней, также имевшей прямой, т. е. перпендикулярный к направлению стены выезд; прочие же воротные башни имели снаружи боковой выезд с левой стороны (исключение составляла лишь Молоховская башня, с выездом направо; эта же башня имела ряд дополнительных оборонных приспособлений). Такой прием устройства боковых проездов в башнях именно с левой стороны рекомендовался еще Витрувием, о нем же говорит Альберти и так именно выполняет его и Федор Конь.

Всех воротных, или проезжих башен в смоленской стене было девять и расположены они были главным образом по северной стороне или по набережной (Крылошевская, Лазаревская, Днепровская, Пятницкая водяная и большая Пятницкая — пять ворот из девяти), затем две проезжих башни на востоке (Авраамиевская и Никольская) и на южной стороне крепости две таких же башни (Молоховская и Копытецкая). На западной стороне не было ни одной проезжей башни.

б) Малые четырехугольные. Они были глухие (не имели ворот). Таких башен в Смоленской стене было 13.

2. Круглые, или, точнее, шестнадцатигранные — их было 16.

Из существующих в настоящее время 18 башен - 15 древних.

Самой высокой и красивой была Днепровская, или Фроловская башня. Она была значительно выше прочих башен (высота ее до крыши равнялась $15^1/_2$ саженям, тогда как другие башни имели высоту не более 10 саженей); но замечательнее всего, что эта башня имела шатровый верх (так называемый готический), завершавшийся шаром. Об этом свидетельствует медаль 1611 года и частично план 1627 года. Все же прочие изображения этой башни (на плане Гондиуса и на иконе Авраамия и Меркурия из села Сверчкова) фиксируют уже измененную форму верха башни, в результате последних починок, вызванных военными действиями 1632 — 34 гг., когда и был снят с башни указанный шатер.

Особенно величественной и красивой Днепровская башня выглядит по изображению на сигизмундовской медали.

Следовательно, Конь украсил Днепровскую башню готическим верхом еще задолго до того, как такой же

верх в 1625 году сделал англичанин Христофор Галловей на Спасской башне московского Кремля.[1] И в этом случае творческая инициатива Федора Коня заслуживает быть особо отмеченной.

В Днепровской башне в воротах была устроена опускная железная решетка, или так называемые герсы. Такие же герсы имелись еще в воротах Крылошевской и Никольской башен.[2]

Авраамиевская башня первая подверглась атаке со стороны поляков, и последним удалось взрывом петарды проломить ворота. Эта башня сохранилась до сих пор.

В XVII веке от нее шла по склону Чертова рва дорога на Москву. В начале XVIII века ворота в этой башне были заложены.

В архитектурном отношении Авраамиевская башня представляет большой интерес. Она производит впечатление большой монументальности. Боковой фасад ее украшают ворота, обработанные в виде пилястр с карнизами, резанными из белого камня многообломным профилем. Пилястры обрамления ворот или портала трактованы в виде так называемых „филенок“, прием чисто итальянский, однако мастер Конь замечательно удачно скомпановал над обработкой портала нишу для иконы, увенчанную своеобразным кирпичным рельефом. Главный фасад Авраамиевской башни на углах имеет пилястры с карнизами, резанными из белого камня.

По своим архитектурным деталям Авраамиевская башня стоит особняком в ряду других башен смоленского кремля и среди сохранившихся башен не имеет себе подобных.

Свое название эта башня получила от расположенного вблизи нее Авраамиевского монастыря.

Рядом с Авраамиевской башней находится очень изящная шестнадцатигранная башня Городецкая, или Орел (первоначально она называлась Веселухой). Сохраняя столь характерную для всех шестнадцатигранных башен смоленского кремля монументальность, башня Орел обладает прекрасными пропорциями.

---

[1] *С. П. Бартенев.* „Московский Кремль“, стр. 139.
[2] *С. Д. Ширяев.* Ук. соч., стр. 32.

Интересно отметить, что рекомендованные Альберти пропорции башен в отношении размера цоколя к общей высоте башни Конь не применяет. Так, например, Альберти указывает, что для достижения наиболее выразительной стройности башен в этом случае требуется соблюсти отношение 1:10, однако Федор Конь дает для ряда башен другое отношение (1:9; 1:8$^1/_2$; 1:8), чем достигает большей монументальности, хотя, быть может, и в ущерб соблюдению пропорций для классической стройности башен. Такое решение, какое принял Конь, надо признать более удачным по сравнению с рекомендованными Альберти, так как смоленский кремль прежде всего являлся объектом военного значения, монументальность архитектурного выражения которого должна быть доминирующей.

Об архитектуре Молоховской башни, взорванной в 1812 году, более подробных сведений, чем приводится в росписном списке воеводы П. Прозоровского 1665 года, мы не имеем. „Вышина Молоховской башни „опричь зубцов“ [1] достигала 9 сажен; на башне была тесовая шатровая крыша, а поверх шатра сделан караульный чердак и на нем поставлен вестовой колокол. Сама башня имела приспособления для верхнего, среднего и подошвенного боя. В башне было двое ворот брусяных створчатых, из них одни с калиткою.

„Перед Молоховскими воротами „за городом“ был расположен вал земляной, в который вели створчатые брусяные ворота, а через городовой ров устроен подъемный мост. Этот мост стоял „на семнадцати столбах дубовых брусяных... и переклали через ров, дубовые же брусье, длина мосту десять сажен, ширина полсажени, по обе стороны моста перила, да на том же мосте подъем в длину двух сажен, а подымаетца очепом на чепях“.[2]

Из этого описания видно, что Молоховская башня с валом, рвом и подъемным мостом через него представляла сложный комплекс инженерного сооружения, направленного главным образом к усилению оборонных средств башни.

---

[1] Т. е. до зубцов.
[2] Цитирую по С. Д. Ширяеву, Ук. соч., стр. 31.

Свое название Молоховская башня получила от дороги, шедшей через ее ворота в Молоховский стан.

Копытская, Копытенская башня [1] очень напоминает по своей архитектуре и размерам Никольскую башню, раньше называвшуюся Еленскими воротами — от дороги на Ельню. К Копытенской башне и одновременно к Авраамиевской поляками был сделан первый приступ, причем и в этом случае взрывом петарды были проломаны ворота; однако смоляне отбросили врага и заложили ворота камнем и землей.

Архитектурная композиция обработки портала Копытенской башни аналогична с таковой же Никольской башни.

Копытенская башня имеет два ряда бойниц: нижний и средний; верхний же, в виде круглых амбразур, является лишь искусной декорацией, так как эти амбразуры не сквозные, а только несколько заглублены в толщу стен башни.

Свое название эта башня получила потому, что здесь еще до постройки каменной крепости через земляное укрепление существовала дорога в „поле“, по которой прогонялся скот на пастбище.

Наконец, кратко упомянем о Коломенской башне, на которой до момента взятия Смоленска защищался воевода М. Б. Шеин. Башня эта была шестнадцатигранная и находилась она на Казанской горе (на ее месте сейчас выстроен большой жилой дом Льнокомбината—рядом со школой).

К характеристике архитектурных достоинств башен смоленского кремля добавим еще следующее. Все шестнадцатигранные башни построены по одному и тому же принципу: высота башни равняется ширине ее плюс зубцы, считая от валика над машикулями.[2] Такое членение создает четкую пропорцию, и башни оптически воспринимаются не только монументальными, но и действительно красивыми по силуэту.

---

[1] Башня эта находится в Парке культуры, против цирка.

[2] Машик ли—навесные бойницы в шестнадцатигранных башнях. Через них бросали на осаждающих камни, выливали кипяток, расплавленную смолу, когда неприятель подходил непосредственно к самой башне. Сейчас отверстия машикулей заложены кирпичом и только в некоторых местах они сквозные.

Все башни имели высокие крыши, а стена на всем своем протяжении покрыта была двускатной крышей.[1] На фасаде многих прямоугольных башен сохранился след от двускатной крыши примыкавших к ним прясл стены. К этому надо добавить, что крышу поддерживали с одной стороны зубцы, а с другой кирпичные столбы, расставленные значительно реже зубцов. Часть древних столбов сохранилась до сих пор на прясле стены у Волковой башни.

Вокруг Смоленской стены снаружи устраивались в земле особые ходы—„слухи“ или „подслухи“ для своевременного обнаружения подкопов и предостережения от взрывов. Такой „слух“ был случайно обнаружен в 1929 году вблизи башни Веселухи. Это оказалась глубокая (более двух метров) траншея, шириной около метра с четвертью, выкопанная снаружи стены в расстоянии около 8 метров от нее. Стенки траншеи состояли из накатника или жердей со стойками. Из накатника устроен и потолок, который сверху был засыпан землей на толщину около 0,70 метра.

Вот как отзывается, например, Маскевич, состоявший в лагере Сигизмунда III при осаде Смоленска, об этих „слухах“, игравших исключительное значение в системе оборонительных мероприятий стены.

„....Москвитяне были осторожны; ни один подкоп не мог утаиться от них: ибо смоленские стены выведены опытным инженером так искусно, что при них под землею находятся тайные ходы, где все слышно, куда ни проводили подкопы“.[2]

В этих словах очевидца отдается дань признания выдающемуся инженерному мастерству Коня.

Смоленская стена строилась наемной рабочей силой.

Объем сооружения смоленской стены по тем временам был гигантский. Стена, высотой в среднем 7½ сажен, шириной в 2½ сажени, опоясывала город на протяжении 6 верст 38½ сажен[3] и имела 38 башен.

---

1 Реставрированный в 1928 г. участок стены с такой крышей находится у Волковой башни (близ старой электростанции).

2 Записки Маскевича 1834 г., стр. 24.

3 Толщина стен с пилястрами колеблется от 2,30 до 2,87 саж., высота стены от 6 до 9 саж. (с зубцами) (данные обмеров архитектора П. П. Покрышкина).

Ориентировочный подсчет израсходованных на строительство основных материалов дает следующие цифры: кирпича—150 миллионов штук,[1] камня бутового—26½ тысяч куб. сажен, камня цокольного—600 тысяч штук, извести—315 тысяч бочек, или, считая по 20 пудов в бочке, количество негашеной извести определится в 6 300 000 пудов, песку—969 тысяч возов, глины—450 тысяч возов, гвоздей однотесных—480 тысяч штук, гвоздей двутесных—480 тысяч штук и т. д.

В отношении числа рабочих сделаем ориентировочный подсчет лишь на каменщиков; считая их по 4 человека на кладку 1000 шт. кирпича (учитывая значительно больший по сравнению с современным размер кирпича и работу кладки в сводах, пилястрах, зубцах, амбразурах и отделке наличников в них), получим около 700 человек каменщиков, которые в течение пяти лет должны были выложить всю кирпичную кладку по стене. Правда, каменщиков было больше, так как они выполняли, кроме кирпичной кладки, еще и кладку фундаментов и цоколя. Следовательно, ориентировочно можно считать количество каменщиков, ежедневно работавших (в соответствии со строительным сезоном тогдашнего времени, а именно в 180 рабочих дней в году) в течение шести лет, около 900—1000 человек.

Общее же число рабочих, занятых на строительстве смоленской стены, нужно исчислять более 10 тысяч человек, работавших каждодневно в течение шести лет. Если же сюда включить всех рабочих, выполнявших заготовку кирпича, камня и извести, лесоматериалов, а также топлива, строительного инвентаря и занятых по перевозке материалов из уезда в город, то общее число рабочих можно считать около 15 тысяч человек.

Надо сказать, что такая гигантская постройка, как смоленский кремль, была осуществлена в шесть лет—срок по тому времени действительно небольшой. А если учесть к тому же высокое качество выполненных работ,[2] то быстрота работы по сооружению смоленского кремля станет вполне очевидной.

После окончания постройки в 1602 году смоленский

---

[1] Учитывая около 35% прясл, сложенных целиком из кирпича.
[2] Технически особенно хорошо были сделаны башни.

кремль был выбелен известью, а детали декоративной отделки (наличники бойниц, пояски под каменным валиком и др.) окрашены мумией с разделкой „белилом" под кирпичную кладку.

В целом смоленская стена, окрашенная известью и мумией, несомненно производила очень живописный вид, особенно гармоничный в сочетании с зеленым ковром склонов, опоясывавших смоленский кремль.

К началу осады Смоленска городовая стена была вооружена 170 пушками, согласно показанию самого воеводы М. Б. Шеина.

Полной описи русской артиллерии в Смоленске той поры мы не знаем, но частично сохранившаяся роспись 1609 года дает представление о характере артиллерийского оснащения стены.

Орудия распределялись по башням в следующем порядке: в амбразурах нижнего этажа, или, как он назывался в старину, — подошвенного боя, затем в амбразурах среднего боя, далее в амбразурах следующего боя, или, как указано в документе,— „другого среднего боя", и, наконец, в верхнем бою — в зубцах.

Системы в распределении орудий по боям или этажам башни в смысле определенного типа и числа орудий не было. Повидимому, в основу были положены географические особенности расположения самих башен в общей системе укрепления города.

Смоленская крепость была построена по всем правилам тогдашнего фортификационного искусства. В отношении использования рельефа местности Конь поступил в полном соответствии с указаниями Витрувия и Альберти. Именно в соответствии с этими указаниями были построены башня Лучинская (теперешняя Веселуха), а также башни западной стороны, стоявшие на вершине крутых склонов, тогда как прочие башни (главным образом на южной стороне крепости) были защищены на подступах вырытыми впереди них глубокими рвами.

Смоленский кремль не могли взять ни подкопами, ни усиленными действиями артиллерии. Пал Смоленск после двадцатимесячной осады, когда истощенные болезнями малочисленные отряды русских не смогли противостоять многочисленному войску Сигизмунда III, которое, придвинув к стене широкие лестницы, сумело лавиной

свежих войск одолеть смолян. Маскевич по этому случаю пишет следующее: „.....велено приготовить до 80 лестниц такой ширины, чтобы пять и шесть человек могли всходить рядом, а длиной, как самые высокие в лесу деревья... Посредством сих-то лестниц наконец взят был Смоленск".[1] Как показывает план Смоленска на медали 1611 года, главная атака поляков при посредстве этих лестниц была произведена на излучину смоленской стены между башнями Орел и Роговка,[2] т. е. на участок стены, наименее защищенный со стороны смежных башен...

Артиллерией, или, как она называлась в то время, нарядом управляли пушкари. Среди пушкарей встречались ремесленники следующих специальностей: портные, мясники, скорняки, седельники, пирожники, хлебники, серебряники, масленники, булавочники, сапожники, кузнецы и прасолы. Особенно много было среди пушкарей портных.

Кроме крепостной стены, из больших каменных сооружений тогдашнего Смоленска следует отметить собор, заложенный Владимиром Мономахом в 1101 году и окончательно отделанный при князе смоленском Ростиславе Мстиславиче в 1142 году.

Об архитектуре этого собора нам ничего неизвестно, но судя по тому, что толщина его стен равнялась сажени,[3] этот собор был, вероятно, довольно значительной постройкой, каковы, например, соборы XI века в Полоцке и Новгороде. Мономахов собор находился на Соборной горе. Здесь в XII веке было местопребывание епископа. Кроме палат епископа, здесь были жилые дома многочисленного духовенства, а также различные хозяйственные постройки и склады богатейшего владычного дома.

Особое значение собора „богородицы-на-горе" заключалось еще и в том, что он играл роль своеобразной торговой палаты, в нем с XIII века хранились образцовые

---

[1] Записки Маскевича, 1834, стр. 24.

[2] Роговка—первая, а Орел—вторая башня от Веселухи. Они сохранились до сих пор.

[3] По свидетельству С. П. Писарева, осматривавшего в 1892 г. развалины Мономахова собора при устройстве водопровода на архиерейском дворе.

меры и весы, служившие в спорных вопросах торговли обязательными как для русских, так и иноземцев.[1]

Это значение собора сохранялось, повидимому, и в XVI веке, „когда на епископском дворе находились склады для купеческих товаров".[2]

13 июня 1611 года собор был разрушен взрывом пороховых запасов, хранившихся в его подвалах. Есть указания, что порох взорвали сами смоляне, укрывшиеся со своими семьями в соборе и не пожелавшие сдаться полякам.

Из материалов „Памятники обороны Смоленска", изданных в 1912 году академиком Ю. В. Готье, выясняется название некоторых улиц в Смоленске в период осады 1609—11 гг. Так, например, существующая теперь улица Зеленый ручей в то время называлась Щелью, причем длина ее была значительно больше, нежели в данное время. Сейчас Зеленый ручей обрывается недалеко от бывшего Авраамиевского монастыря, в то время как Щель доходила до Еленских (Никольских) ворот.[3]

Далее, улица от Пятницких Больших ворот к Днепровским воротам называлась „Большой проезжей улицей". Улица эта проходила от Пятницкого конца через Днепровские ворота на Большой днепровский мост и шла мимо Литовского гостиного двора на посад. По одной стороне Большой проезжей улицы (где теперь Студенческая улица), ближе к городской стене, расположены были осадные дворы, отделенные от городской стены трехсаженной полосой, по которой пролегала дорога.

По другую сторону Большой улицы размещались торговые лавки.

Большая улица упиралась в рынок, или Большой торг, расположенный внутри города на площади перед Днепровскими воротами. Эта площадь в ранне-феодальную эпоху представляла не только место средоточия торговли и называлась в то время торжищем, но имела большое значение в жизни города и его общественно-политических событий. Именно здесь, на этой площади,

---

1 См. Смоленскую торговую правду 1228 г.

2 Цитирую по С. Д. Ширяеву. Ук. соч. стр., 32.

3 В XVIII в., в результате расширения районов заселения в городе, Щель была засыпана в верхней своей части, вплоть до территории Авраамиевского монастыря.

собиралось городское вече, т. е. народное собрание, обсуждавшее различные вопросы общественно-политической жизни города.

К этому рынку, или, как он именуется в документах XVI—XVII века— Большому торгу примыкал со стороны Пятницкого конца [1] небольшой „торжок" (так называемый Пятницкий). Со стороны же Лазаревских ворот (по ул. Соболева) рынок также имел торжок. Здесь же (где теперь середина ул. Соболева и прилегающие кварталы) в старину расположена была слобода мелких ремесленников со своими мастерскими (кожевники, сапожники, котельщики, кузнецы и др.), многочисленные остатки ремесленного производства которых были обнаружены при раскопках во время постройки старой электростанции.

От Лазаревских и Крылошевских ворот дорога вела к Днепру, к хлебной пристани, игравшей немалую роль в системе торговых операций Большого торга.

На Большом же торгу находился государев Кружечный двор, или „Кружало", где целовальники продавали казенное вино и пиво. Кружало находилось примерно на том месте, где сейчас магазин Смолторга (рядом с кино Палас). Здесь при постройке кирпичных домов находили в земле большое количество сеченых копеек, служивших расчетной единицей за вино, так как и копейка в то время считалась крупной монетой, и ее разрубали на части. В виду того, что сеченой монеты ежегодно собиралось на Кружечном дворе около 200 рублей, царь Федор Алексеевич в 1680 году прислал смоленскому воеводе Троекурову грамоту, которой запрещал принимать сеченые деньги в таможне и на Кружечном дворе.

В XVII веке на Большом торгу совершалась так называемая торговая казнь, или наказание плетьми. Кроме того, здесь же бирючем (глашатаем) объявлялись перед народом во всеуслышание различные распоряжения властей.

Вблизи Пятницких водяных ворот [2] в начале XVII века находился пруд, а возле него Большая тюрьма.

---

[1] Так назывался район городского поселения, где теперь примерно находится спуск Казанской горы и ручей Воровского (бывш. Пятницкий ручей).

[2] Пятницкие водяные ворота были взорваны в 1812 г. На их месте выстроена башня, приспособленная в 1865 г. под церковь Тихона Задонского. Башня существует и сейчас.

Далее, в районе Большой проезжей дороги находился Житный двор, что видно из документа № 238 смоленской приказной избы 1610 года, в котором упоминается участок „от Крылошевского мосту (ныне по ул. Соболева через Смоленский, бывший Георгиевский, ручей) по старой деревянной стене по житный двор и у каменной у городовой стены по Богословскую башню". Следовательно, Житный двор находился где-то не доходя до Богословской башни, стоявшей на Казанской горе.

Недалеко от Микулинской башни (стоявшей на отроге Казанской горы у Пятницкого конца) находились вблизи стены нижние зелейные погреба,[1] „расположенные за лавками" Пятницкого торжка.

Ручей Воровского (бывш. Пятницкий) в начале XVII века носил название Рясны, а Казанская гора — Отцовской горы. А вблизи Иворской башни[2] (стоявшей против бывших бань Сизова) находился так называемый Пушкарский колодезь.

В XVI—XVII веке главная улица в городе проходила от Молоховских ворот к Большому торгу и называлась Молоховской улицей, причем у соборного холма она шла по деревянному мосту, перекинутому через так называемый Сухой ров, соединявший нынешнюю ул. Парижской Коммуны (бывш. Резницкую) со Смоленским ручьем (бывш. Георгиевский).

В конце XVII века через Сухой ров были устроены, отдельно от деревянного моста, крытые переходы для сообщения специально между Троицким монастырем и епископским замком на Соборной горе.[3]

На плане Гондиуса довольно четко видно, что многие улицы следуют общему направлению оврагов, т. е.

---

[1] Т. е. пороховые склады.

[2] Названной в документах приказной избы 1609 г.— „Хворовой круглой башней".

[3] В 1780 г. через Сухой ров уже существовал каменный мост, о чем свидетельствует рукопись „Историческое и географическое описание города Смоленска в 1780 г.", хранящаяся в Смоленском историческом музее.

В 30-х годах XIX в. Сухой ров был засыпан, а в 1863 г. было закончено строительство новой дороги, идущей от начала Троицкого моста по левую сторону Соборной горы до Днепровского моста (эта дорога ранее называлась Троицким шоссе. Теперь она входит в состав Большой Советской улицы).

так, как это мы наблюдаем и в топографии современного Смоленска. Очевидно, многие из этих оврагов являлись направляющими ориентирами в процессе заселения города и, повидимому, это имело место не только в 1634 году, но и значительно раньше, в частности, уже в раннефеодальный период.

Судя по материалам смоленской приказной избы, лишь немногие улицы в Смоленске имели названия, причем большая часть из них при этом носила название от церкви, в районе которой пролегала данная улица. Большинство же улиц, а особенно переулков, названий не имело.

Попутно отметим, что Резницкая улица получила свое название вовсе не по случаю резни смолян с поляками 3 июня 1611 года, в день падения Смоленска, а вследствие проживавших на этой улице резников в XV—XVI веке.

Часть улиц, вероятно главнейших, имела мостовую из бревенчатого настила. Об этом свидетельствуют раскопки, производившиеся при прокладке водопроводных магистралей на ул. Соболева, Студенческой и по Заднепровской набережной у старого моста, а также при устройстве электростанции в районе бывших Лазаревских ворот. В некоторых местах бревенчатая настилка идет в два и три ряда, а в районе бывш. Лазаревских ворот (по ул. Соболева, против электростанции) даже в восемь рядов. Все эти настилы свидетельствуют об устройстве мостовой в данном пункте в разное время, в зависимости от оседания уровня улицы или износа настила.

На основании перспективных планов 1611 года (по сигизмундовской медали), 1627 года и 1634 года мы можем заключить, что ансамбль города складывался в кольце укреплений — сначала земляного, со времени взятия Смоленска литовцами, т. е. с начала XV века, а затем и каменного. Причем нужно отметить, что перспективные планы 1611 и 1627 года вскрывают нам некоторые любопытные детали топографии Смоленска того времени, которые сами по себе представляют исключительный интерес для истории Смоленска и которые на плане 1634 года уже отсутствуют. На указанных планах 1611 года и 1627 года мы видим две системы земляных укреплений в виде остатков валов. Это свидетельствует, что первоначально укреп-

ленная зона города была значительно меньше той, которая определялась до сих пор смоленскими историками и относилась ими к литовскому времени.

Перспективный план 1627 г.[1] дает отчетливое очертание направления земляного вала первоначальных укреплений города на южной его стороне. Вал начинался недалеко от Заалтарной башни и затем шел в направлении юго-запада, т. е. приблизительно по правой стороне бывш. Козловской горы (ныне Магнитогорской), затем по правой стороне бывш. Козловского переулка; далее, значительно не доходя до существующей улицы Декабристов (бывш. Никольская ул.), земляной вал круто поворачивал и шел в направлении к Блонье, оставляя его на внешней стороне города; отсюда вал круто поворачивал к Воскресенской горе. Дальше следов вала на плане не показано и можно лишь предполагать, что первоначально укрепления города в этом пункте тянулись вниз по склонам холмов к Днепру. Со стороны набережной вала не видно, так как он скрыт на перспективном плане каменной стеной.

Затем на плане изображены остатки земляного вала, шедшего почти параллельно каменной стене. Это та часть земляного укрепления, которая относится к литовскому периоду.

Административным центром в Смоленске в XVI—XVII веках был Государев двор, представлявший собой обширную усадьбу, включавшую большое число жилых и хозяйственных построек; к нему примыкали Конюшенный двор и приказная изба, а также обширный сад. Государев двор выходил фасадом комплекса жилых зданий на Молоховскую улицу. Государев двор с садом достаточно подробно виден на плане Гондиуса и на сигизмундовой медали 1611 года.

На плане 1611 года (по медали) на Васильевской горе (примерно где теперь пединститут) изображена высокая башня — это не что иное, как так называемый донжон, или замковая укрепленная башня — остаток Литовского дворца. На плане Г. Келлера 1610 года донжон изображен без видимых повреждений, хотя его форма скорее всего не соответствует в точности существовавшей, как вообще

---

[1] Частично это видно и на плане сигизмундовской медали 1611 г.

многое, изображенное Келлером. На плане Гондиуса донжона мы уже не видим; очевидно, к тому времени он был разобран.

К Государеву двору (занимал весь квартал, существующий в настоящее время между Ленинской и Социалистической улицами) примыкало Блонье, или Оболонье, т. е. болотистое поле, служившее в литовский период местом для выгона скота. В XVII веке Блонье представляло собою пустырь.[1]

Дома в городе были деревянными, с двускатной крышей. На фасаде обычно два окна. Вход в дом был преимущественно со двора.

О слободах внутри города не сохранилось точных сведений. О некоторых из них имеются лишь упоминания. Таково, например, упоминание об Авраамиевской и Спасской слободах внутри города. О последней узнаем из других документов, что она находилась в районе Воскресенской горы. Авраамиевская слобода, очевидно, находилась вблизи Авраамиевского монастыря.

Многие дома еще не имели дымовых труб и были курными.

Беднейшее население во время осады жило в глиняных избах, или, как они называются в документах смоленской приказной избы 1609 года, глиняных похопках.[2] Наконец, были и просто землянки.

Конечно, наибольшего размера дворы были у бояр и видных служилых людей. Эти дворы представляли довольно обширные усадьбы, со многими хозяйственными постройками и службами для дворни.

Все жилые постройки в городе были деревянные.

Никакого уличного освещения в то время не было.[3]

В заключение отметим, что Смоленск за время осады в 1609—11 годах сильно пострадал. Принятые поляками меры к возрождению города далеко не смогли восстановить Смоленск в его прежних размерах; в частности очень

---

[1] Во вторую половину XVII в. на Блонье был устроен оружейный склад и в нем хранилось 347 пушек и различное артиллерийское снаряжение.

[2] „Памятники обороны Смоленска", дело № 47.

[3] Впервые уличное освещение было в Смоленске устроено в 1830 г. „Через каждые два дома стоял столб с фонарем, которые обывателями зажигались поочередно, а в праздничные дни зажигаемы были все фонари" (С. П. Писарев).

нало было сделано к возрождению посадов (Чуриловского и Рачевского), а на месте Заднепровского посада продолжали существовать еще в 1634 году огороды и поля.

Только со взятием Смоленска обратно русскими в 1654 году идут интенсивные работы по укреплению крепости и по восстановлению города за Днепром. В 1675 году Заднепровье, как свидетельствует секретарь австрийского посольства А. Лизек, представляло уже целый город.

То же произошло и с Рачевским и Чуриловским посадами, которые в конце XVII века уже снова представляли густо населенные районы.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОРДЕНА ЛЕНИНА
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА СМОЛЕНСКОГО УЕЗДА 1609 — 1611 г.г.

Карту составили В. П. Мальцев и И. М. Козеров

$$\begin{array}{r} 75 \\ 56 \\ \hline \end{array}$$

Содержание

Предисловие 3

I

В. Мальцев

Историческое значение обороны Смоленска в 1609—1611 годах 7

Д. Маковский

Осада Смоленска 84

II

Н. Рыленков

У смоленских башен — стихи 143

1611 год — стихи 144

Скоморох Овсей Колобок — поэма 145

Н. Грибачев

Воевода Шеин — поэма 159

III

В. Аристов

Осада — Отрывок из романа „Смоленск“ 181

IV

И. Хозеров

Город Смоленск в начале XVII века 227

Приложение

Карта Смоленского уезда начала XVII века

Смоленская оборона. Сборник. Смолгиз.
1939 г. Индекс Х-4-6. Изд. № 701.

★

Редактор *В. Мальцев.*
Технический редактор *Я. Левита.*
Корректор *Н. Гуревич.*
Переплет *Я. Левита.*

★

Сдано в набор 17/VIII-39 г. Подписано к печати 13/X-39 г. Формат 80 × 108/32. Объем 4 9/32 бум. л. 17 1/8 печ. л. 14.5 уч.-изд. л. 34 944 тип. знаков в печ. л. Тираж 10 000 экз.

★

Уполномоченный Смолобллита № 10 476.

★

Типография им. Смирнова ООМП—РСФСР.
Смоленск, пл. Смирнова, Дом Печати.
Заказ 4499

★

Цена книги 4 р. 35 к. Переплет 50 коп.

$\frac{1}{4}$

$\frac{1}{4} \cdot \frac{1}{2} \cdot \frac{1}{2}$

4р. 85к.